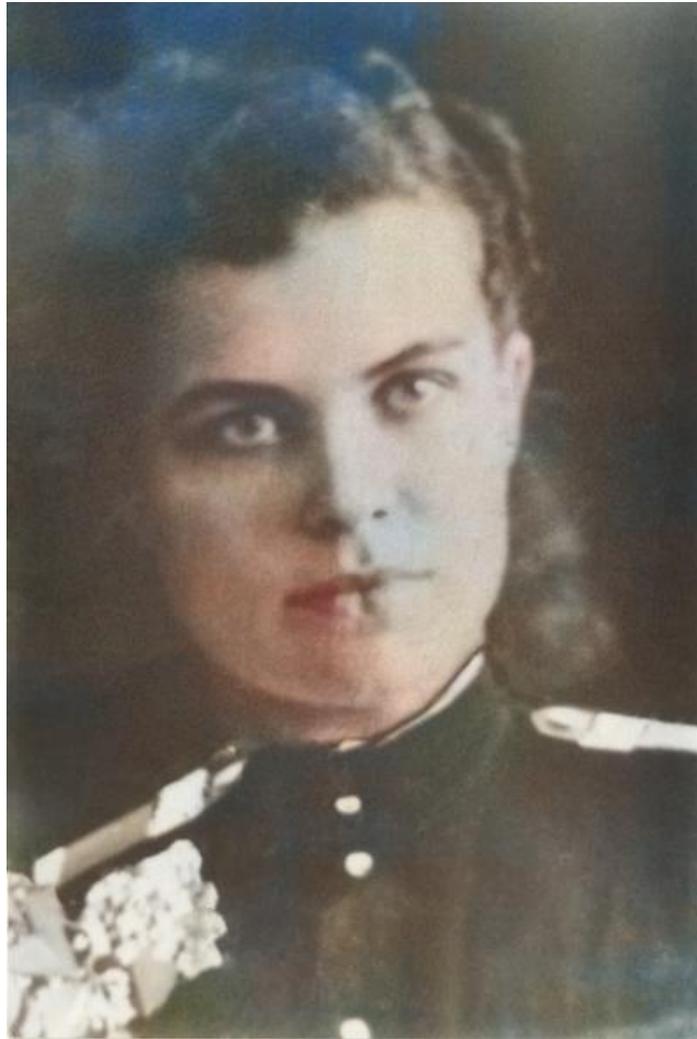

Краткая биография автора

Мария Георгиевна Юхно (Орешкова в девичестве) родилась 04 апреля 1926 в поселке Селижарово Тверской области. В 15 лет война застала её в пионерском лагере на Украине. Родителей и братьев с сёстрами она больше не видела...

Вместе с другими детьми и пионервожатой пробирались лесами к партизанам. Спасли лётчика, который потерпел крушение и доставили его к нашим.

Была разведчицей, написала об этом книгу: Разведчицы, 1962 г. Издательство: Советская Россия.

Со своим мужем - Владимиром Петровичем Юхно, познакомилась в госпитале, а в 1944 году родила первого ребёнка - дочь. В 1946 году родила сына, Валентина Владимировича Юхно, который стал полковником войск ПВО.

Победу встретила в Вене, прожила долгую и счастливую жизнь, была директором летнего кинотеатра в Кизляре, умерла 28 октября 2003, похоронена на Кубинском городском кладбище.

Предисловие

Мария Георгиевна Юхно - участница Великой Отечественной войны. В сентябре 1941 года она добровольно вступила в разведывательную часть Советской Армии, девятнадцать раз по заданию командования ходила в тыл врага. Дважды ранена.

Повествование Марии Юхно в предлагаемой читателю книге «Разведчицы» — это часть ее боевой биографии. Автор тепло отзывается о девушках-разведчицах, патриотках нашей Родины, которые добровольно пошли на фронт и всеми силами помогали Советской Армии громить врага.

В настоящее время М. Г. Юхно работает бригадиром этикировщиков Кизлярского горнищеторга. Она - мать троих детей. Активная общественница.

ЛЕСАМИ К СВОИМ

К вечеру обессиленная Марийка вошла в старый дремучий лес. В нем она не слышала гула пикирующих самолетов, мчавшихся по шоссе танков, автомашин, мотоциклов, говора на незнакомом ей языке, не слышала трескотни автоматных очередей. Только с востока доносились глухие звуки далеких орудийных выстрелов.

Марийка испытывала какое-то смешанное чувство. Она боялась одиночества, да еще в лесу, ночью. Хорошо помнила лесной мир из детских сказок с лешими, ведьмами, колдунами, которые мучают всех, кто попадает в их владения. Девочке хотелось бежать к дороге, к людям. Но что значат кошмары из сказок в сравнении с теми, которые Марийке пришлось видеть и испытать сегодня на дорогах войны? «Нет, лучше останусь одна, в лесу, но не вернусь туда», - решила она, дрожа всем телом.

Тишина и безопасность на девочку подействовали успокаивающе. Она прислонилась к стволу толстой сосны и почувствовала, что ее не держат ноги, вот-вот упадет и заснет.

Шатаясь от усталости, Марийка насобирала кучу хвороста, забросала сверху еловыми лапами и застлала мохом. Пока она работала, не чувствовала холодного влажного воздуха. Но как только положила последнюю охапку, по всему телу пробежал сильный озноб. Девочка глубже натянула на голову поношенный школьный берет, подняла воротник легкого пальто и свернулась клубочком на приготовленной постели.

«Что-то теперь делают родные? Наверное, ждут меня, а может, считают уже погибшей? — думала Марийка, засыпая: «Как хочется домой к маме», - мелькнула последняя мысль девочки, погружавшейся в сон.

Марийка спала тревожно. Она часто вскакивала, вскрикивала, садилась, а потом опять валилась на бок и засыпала. Под утро ей приснилось, будто она бежит по обочине дороги, с машины гитлеровцы стреляют из автоматов. Она ищет укрытие, но не находит, ноги подкашиваются... Слышит, как скрипящим хохотом надрывается фашист и опять стреляет.

Девочка испуганно вскочила. Перелетая с дерева на дерево, трещала сорока. По земле стлался густой туман. Отчетливей, чем вечером, слышалась отдаленная артиллерийская канонада. Марийка протерла небольшими кулачками глаза, широко зевнула и снова упала на примятый мох.

Когда Марийка проснулась, тумана уже не было. Лучи солнца золотили вершины деревьев, пробивались между ветвями, падали на землю, слепили.

Над лесом слышался сильный шум, который временами нарастал до пронзительного воя, сухой треск, словно кто-то сильный рвал прочное полотно. Марийка выбежала на поляну, закинула вверх голову и из-под ладони стала рассматривать чистое голубое небо. Там, то взмывая ввысь, то стремительно пикируя, носились три самолета. Два - с длинными, как тело ос, фюзеляжами часто переходили в атаки на третий - короткий, толстый, тупорылый. Девочка знала, что это наш самолет.

Воздушный бой длился не долго. Загорелся, а потом взорвался и обломками рухнул вниз фашистский самолет, а вскоре зачадил и наш. Сперва медленно, затем быстрее и быстрее он скользил к земле. Маринка наблюдала, затаив дыхание. Она заметила, как от самолета отделилась маленькая точка и стала стремительно падать вниз. Девочка вскрикнула, закрыла лицо руками. Ей стало страшно смотреть, как машина врежется в лес и камнем упадет летчик. Когда же она вновь посмотрела в небо, то увидела только белый купол парашюта.

Долго искала Марийка летчика. Ей казалось, что он где-то в лесу за поляной. Она внимательно приглядывалась к кустам, с тревогой смотрела вверх: а вдруг парашют повис на вершине дерева и летчик не знает, как спуститься на землю? О таких случаях она читала в книжке. Но как тогда помочь человеку выбраться из беды?

«Только бы найти, а там видно будет», - думала девочка, стараясь не сбиться с направления. Она с трудом пролезла сквозь густую заросль молодого подлеска и оказалась на кочковатом болоте, поросшем редкими, чахлыми деревьями.

Полотно погашенного парашюта белело в полукилометре на кустах. Летчик лежал, опираясь спиной о кочку, расстегивал замки лямок. Он был бледен, иногда тихо вскрикивал.

- Дядя, вам больно? — спросила Марийка, подойдя к нему со стороны кустов.

Ответа не было. Летчик, освободившись от лямок, ощупывал ногу, что-то тихо говорил, морщился, а девочка стояла молча, все ждала, когда он ей ответит, и не сводила с него глаз.

- Ты кто? - как-то сразу повернувшись к Марийке, резко спросил летчик. - Что надо?

- Я своя, наша, - застенчиво ответила девочка и по привычке приложила к губам палец.

- Говори громче. Я плохо слышу.

- Наша я, русская, пионерка, - прокричала Марийка и вся покраснела. Она себя считала уже взрослой, подала заявление в комсомол, только не успели его рассмотреть, а тут приходится себя именовать хотя и переростком, но пионеркой.

- Это хорошо, кареглазая, - летчик улыбнулся, не шевелясь корпусом, протянул ей руку. - Ну что ж, давай знакомиться. Я - Рошин Николай. Можешь называть дядей Колей. Пионерке прощу. А тебя как звать?

- Марийка, - и сразу же спросила: - Вам больно?

- В ногу ранен, - и летчик положил на правое колено руку.

- Я умею перевязывать. Значок БГСО имею, - девочка подошла поближе и встала на одно колено у раненой ноги. - Только чем перевязывать?

Опершись на правую руку, летчик медленно приподнялся, непривычно, левой рукой обшарил все карманы. Подавая Марийке индивидуальный пакет, он проговорил:

- Одного будет мало. Сейчас нарежем из парашюта, - и стал тащить за стропы полотно, которое цеплялось за ветки кустарника. Когда были заготовлены длинные полосы парашютного шелка, Рошин сказал:

- А теперь, мой друг, помоги-ка освободиться от сапога.

Летчик уперся в землю руками, а девочка осторожно приподняла его раненую ногу и слегка потянула сапог на себя. Рошин вскрикнул, застонал, побледнел. Марийка опустила его ногу, испуганно отпрянула в сторону. Ее большие глаза округлились, на них навернулись слезы.

- Испугалась? А еще значок БГСО имеешь, - через силу улыбаясь, шутил дядя Коля.

- Я еще никогда настоящие раны не перевязывала, - ответила Марийка.

- Я тоже впервые ранен. Вот и получишь практику. А то, что я кричу - не обращай внимания. Сейчас больно, а после перевязки будет легче. Наверное, сапог прилип. Не горюй, справимся. На вот тебе нож, я повернусь на живот, а ты разрежешь голенище правого сапога. Выполнишь такое поручение?

Девочка робко, неумело стала распарывать шов сапога.

- Вам не больно так? - беспокоилась она.

- Нет, ничего. Посмелее, родная, посмелее.

Когда голенище было разрезано до задника, летчик поблагодарил Марийку, морщась от боли опять сел, снял сапог, оторвал штанину, оголил рану ниже колена.

Перевязка была мучительна для обоих. Летчик кусал губы. Его лоб покрылся холодным потом, который скатывался и каплями висел на бровях. У девочки кружилась голова, дрожали руки, к горлу подступала тошнота. Она никогда не видела такой раны, никогда ее руки не были в крови. «Как бы не упасть», — думала Марийка.

Когда же перевязка была закончена, Рошин глубоко и шумно вздохнул, закрыл глаза, прилег. Девочка присела возле него на мшистую кочку.

- Дядя Коля, теперь легче?

Летчик повернул к ней лицо, выражавшее признательность, и тихо ответил:

- Лучше стало. Да и слышу как будто отчетливее. Что же будем дальше делать, мой друг? Тут есть поблизости деревни?

- Есть одна, да там фашисты вчера остановились.

- Как? Неужели я за линией фронта упал?

- Да, - ответила девочка.

- Признаться, как только увязался за мной противник, я перестал вести ориентировку, все отбивался, а потом вот и сам в болото угодил.

- Я видела, как вы гитлеровский самолет сбили, как он в небе взорвался. Видела, как и вы падали, а потом на парашюте спускались. Только я вас искала в том лесу, а оказались вон где...

- Значит, в деревню нельзя?

- Нет, дядя Коля. Там фашисты.

- Тогда пойду на восток. Сделаю костыль и в путь. Срежь-ка, друг мой, ту сосеночку, - указал летчик.

Пока Рошин готовил себе палку - «попутчика», Марийка собирала в берет клюкву. Она вернулась тогда, когда летчик пытался встать, чтобы опробовать костыль. Увидев это, девочка подбежала, захлопотала около него:

- Вы бы меня позвали. Помогла бы. Я вот клюквы набрала, нате, ешьте.

- Кушай сама. Я не хочу. Перед вылетом позавтракал, - ответил летчик.

- И я не хочу. Пока собирала, вот так наелась, - девочка прикоснулась к горлу ребром ладони. - Не верите? Честное... - опять чуть было не сорвалось «пионерское». Ей же так хочется быть взрослой. Девочка покраснела, положила берет около летчика, села в сторонке и стала рассматривать давно нечищенные, порванные туфли, изрезанные осокой и исцарапанные кустами ноги. Она сказала неправду. Все до последней ягодки складывала в берет и ни одной не проглотила. Ей страстно хотелось, чтобы эти ягоды имели волшебную силу и исцелили бы дядю Колю.

- Марийка, обиделась? - окликнул Рошин.

- А что мне обижаться? - Девочка встряхнула черными, вьющимися волосами и посмотрела большими глазами на летчика. Ее детские пухлые губы были плотно сжаты. - Вот нисколечко, - и еще больше смутилась.

- Ну ладно. Попролам. Согласна? Подсаживайся поближе. Закусим - и в путь.

Шли на восток, все лесом. Шли медленно с муками брали каждый шаг. Летчик правой рукой опирался на костыль. С левой стороны его поддерживала хрупкая Марийка. Только к вечеру они добрались до старого леса, который утром был виден на далеком горизонте. Деревья розовели от заходящего солнца. От легкого дуновения ветерка лес тихо, монотонно шумел. Кружась в воздухе, падали пожелтевшие листья осин, кленов. Пахло лесным перегноем и гарью.

- Устала? - спросил Рошин Марийку. - Отдохнем немного.

- Я эти места знаю. Надо еще немного пройти, и там будет деревня. Может, в ней ужин раздобуду.

- Ты живешь в той деревне?

- Нет. А что?

- Тогда не надо в нее ходить. Неизвестно, что там может быть.

- А я не боюсь, - ответила девочка.

- Верю, друг мой, но и рисковать нечего. Конечно, если ты со мной устала, тогда... что же, не могу задерживать.

Марийка подошла ближе к сидящему у дерева Рощину, молча с укором посмотрела на него, покачала головой и совсем как взрослая проговорила:

- Другого вы ничего, дядя Коля, не могли сказать? Да как вы могли подумать такое? Для вас же хотела еды достать, а тут...

Летчик раскаивался, что обидел девочку. Надо было найти примирение. А оно могло быть только в полном доверии.

- Да я верю тебе. Поступай, как хочешь. Идти, так идти, - Рощин взялся за лежавший рядом «костыль».

- Ну, вот и дошли, - радостно сказала Марийка, когда они выбрались из глубокого оврага. - Слышите, собаки лают? Это в той деревне.

Кто-то их потревожил. Все же считаю, что заходить в деревню не надо. Поужинать же найдется. Конечно, не досыта, но «червячка» заморим.

Летчик достал из сумки четыре галеты, граммов двести копченой колбасы.

- Вот и все наши запасы. Возьми, Марийка, ешь. У тебя сегодня не первый голодный день. Я же могу внутренними запасами тянуть и завтра.

- Нет, я не возьму. Не буду есть. Вы ранены. Вам надо кушать, - в голосе девочки слышалась обида, что летчик к ней относится, как к маленькой.

- Ладно, ладно, Марийка. Давай разделим пополам, - сказал Рощин, подавая ей запасы еды.

Девочка взяла пару галет, кусочек колбасы, отошла в сторону, стала есть. Летчик же свою долю продовольствия положил обратно в сумку и сел поудобнее. Он устал, измучился, но спать не мог. Сильно болела нога, пекло во рту, жгло губы. Саднела правая подмышка. «Уж не натер ли мозоль? Тогда будет совсем плохо» - подумал он.

Ровно падал бледный лунный свет. В нем маленькая, сидящая на земле девочка, обхватившая руками острые колени, казалась еще меньше. Она часто вздрагивала от озноба, зябко куталась в короткое пальто.

Артиллерийские выстрелы слышались отчетливее, чем вечером. Временами доносились звуки длинных пулеметных очередей, которые после искажения лесным эхом были похожи на скрип ржавых петель старой калитки.

Рощин и Марийка сидели молча, погружившись в свои думы. Девочка была довольна, что не одинока, что с ней рядом есть свой человек и что вдвоем будет лучше. Больше же думала о доме, о родных. «Возможно, и они где-то в лесу сидят вот так же и мама плачет обо мне». Рощин старался вспомнить детали вылета на боевое задание, встречу и бой с гитлеровскими истребителями. Представлял, как в полку боевые товарищи ждали его возвращения, беспокойно смотрели на часы.

В деревне пропели свою несложную полуночную песню петухи. Рощин быстро вскинул к глазам руку с часами.

Уже двенадцать. Надо как-то вздремнуть. Марийка, иди сюда, подсаживайся слева, теплее будет, - позвал он девочку.

- Мне и так не холодно, - с дрожью в голосе ответила Марийка, но вскоре плотно прижалась своей узенькой спинкой к левому боку Рощина.

- Друг мой, как я попал в лес, всем видно было и ты знаешь. А как ты попала и куда идешь? Рассказала бы, где живешь, где родители.

- Я из Селижарова. Слышали о таком городе? Наверное, теперь там фашисты, - глубоко вздохнула девочка. - Ушла со взрослыми рыть окопы, да там и попала в окружение.

- Вас много было? Как же оказалась одна?

Девочка вздрогнула и вместо ответа спросила летчика:

- Скажите, дядя Коля, сверху видно, кто движется по дороге: войска или мирные жители? Можно их различить?

- Конечно. С небольшой высоты днем войска от мирных жителей отличить можно.

- Так почему же фашисты не отличают? Когда мы шли по дороге на восток, нас все время бомбили и обстреливали немецкие самолеты, а потом наскочили танки, стали бить из пулеметов. Долго автоматчики гонялись за нами по лесу, расстреливали всех, кто им попадался. Я бежала рядом с пожилой женщиной, потом и ее потеряла в кустах. Видать и ее убили. Вот и бродила трое суток. Вас встретила. - Немного подумав,

девочка продолжала: - Иду на восток, к своим. Может, в армию примут. Да если бы я имела для этого силу, всех бы фашистов передушила.

Марийка долго еще рассказывала о том, что ей пришлось видеть за последние две недели, проклинала фашистов, грозилась им отомстить, иногда смахивала набегавшие слезы.

Роцин, вначале внимательно слушавший Марийку, впал в полусонное состояние, боли в ноге стали чувствоваться слабее, только все пекло внутри. Разговор девочки вскоре превратился для него в однообразный рокот двигателя в полете. Летчик спал. Заснула и Марийка, пригревшись около Роцина.

Девочка проснулась от удара в спину. Она испуганно вскочила. Роцин толкался локтями, кричал что-то несвязное. Он бредил, беспомощно склонив голову.

Раскрасневшееся лицо лоснилось от пота.

- Дядя Коля! Проснитесь, - трясла за плечо и просила девочка. Но летчик не просыпался. Тогда она села в сторонке и горько заплакала.

Прежде она лила слезы при испуге, от боли, чаще же тогда, когда надо было чего-либо добиться получить от родителей. Теперь же она плакала от большого горя, не только своего, а общего горя от бессилия вот теперь же, сразу отомстить фашистам за все, за все. Так она плакала впервые.

Плачь не плачь - слезами горю не поможешь. Надо что-то придумывать. Марийка поняла, что летчик заболел и что он находится в беспомощности. Остаться здесь нельзя. Пойти в деревню, попросить людей, чтобы взяли, спрятали и лечили дядю Колю? А вдруг там фашисты? Быстро-быстро в ее голове сменялись мысли, смелые планы спасения летчика.

И вспомнила она, как однажды во время пионерского похода в лес мальчик повредил ногу, не мог сам идти. Тогда из двух маленьких сосен пионервожатый сделал волокушу, положил на нее мальчика, а другие пионеры поочередно его везли. Пробовала и Марийка. Ей казалось, уж не так-то тяжело тащить волокушу.

Орудя перочинным ножом, Марийка быстро срезала два деревца, связала их шнурами от парашюта, которые были взяты Роциным про запас. Потом повалила сидевшего у дерева Роцина на волокушу, осторожно поправила его ноги и тронулась в путь.

Летчик был небольшого роста, но тяжелый. Это почувствовала Марийка после первого же десятка шагов, а к полудню совсем выбилась из сил, пытаясь вытащить летчика из

крутого оврага, который нельзя было миновать. Она смочила берет в холодной воде, приложила ко лбу Рощина и села отдохнуть. Рощин пришел в себя, попросил пить.

- Сейчас принесу.

Девочка обрадовано вскочила, достала из кармана своего пальто зеленую кружку - мама дала, отправляя дочку на работу, - побежала к небольшому ручейку.

- Свежая, хорошая, из ключа, - говорила она, подавая кружку летчику. - Нет, я сама, - передумала она, подняла голову Рощина и стала его поить из своих рук.

- Где мы находимся? Почему в овраге? Почему я лежу? - опираясь на локти, летчик привстал, огляделся. - Расскажи, друг мой, что произошло?

Марийка на слова скупа. Да и что говорить, если у нее не хватило сил втащить в горку волокушу? Она только на это и пожаловалась.

- Значит, ты меня тащила? Как же я благодарен тебе, Марийка!

Упираясь левой ногой и руками, Рощин помог девочке втащить себя на подъем оврага.

- Немного отдохнем - и дальше, - проговорила девочка, вытряхивая землю и хвою из туфель. Схожу поищу ягод. Поди, кушать хотите.

Отдыхай, друг мой. В сумке должно быть кое-что съестное.

Девочка отказалась взять галеты, признав в них те, которые вчера должен был съесть летчик.

- Может, поэтому и заболели, что не ели, — укоряла Рощина обиженная Марийка.

Когда же они договорились разделить галеты пополам, девочка на этот раз не свела глаз с дяди Коли, пока тот не съел свою часть пищи, и только тогда она быстро съела галету. Потом встала, взяла кружку, спустилась к ручью, умылась, почерпнула ключевой воды.

- Дядя Коля, пить будете? - спросила она, вернувшись.

Рощин лежал на спине, молчал. Его дыхание было частым и неровным, а еще через три минуты он кричал, иногда махал руками. Летчик опять бредил.

«Спешить, как можно скорее идти к своим на восток, на выстрелы», - решила Марийка. Она уложила летчика поудобнее, взяла через плечо шнуры и потащила волокушу вперед. Девочка часто падала, поднималась и снова шла. Из ее потрескавшихся рук сочилась кровь, плечи жгло, щипало. Каждый шаг становился все тяжелее и труднее.

В густых кустах можжевельника Марийка села отдохнуть. Она во всем теле чувствовала сильную боль - ноша оказалась не по ее силам. Усталость валила девочку с ног, но она думала лишь о том, чтобы спасти летчика, перетащить к своим. И опять Марийка брала лямку волокуши, напрягалась все телом подростка и шаг за шагом упрямо двигалась вперед.

Тащить под уклон стало легче. Но когда дорогу преградил ручей, девочка села на его берег и горько заплакала. Ширина ручья - не более трех метров глубина - около полуметра.

Она не видела возможности спустить с берега и тем более, потом вытащить из ручья человека, который находился в забытьи. Где выход? Что сделать, чтобы спасти советского летчика?

Отчетливо слышалась трескотня автоматов и пулеметов. Иногда артиллерийские снаряды рвались совсем близко. При мысли, что свои где-то рядом, а у нее нет больше сил, слезы душили Марийку. Рощин все еще находился без сознания. Он лежал спокойно, только иногда вскрикивал, кого-то звал, облизывал воспаленные губы.

Совсем случайно на них вышли советские разведчики, в сумерках возвращавшиеся из тыла врага. Красноармейцы из плащ-палаток быстро сделали носилки, положили на них раненого.

- За спасение летчика, девочка, большое тебе спасибо, - поблагодарил лейтенант. - Куда теперь пойдешь, сестричка?

- К нашим. Я в армию хочу. Воевать, бить фашистов, - с задором, задыхаясь, ответила Марийка.

- Тебе еще с мамой надо быть, в куклы играть, платья им шить, - пошутил веснушчатый парень с вздернутым носом.

Марийка могла слушать любые замечания и поучения. Но терпеть такие обидные шутки она не могла.

- Подумаешь, тоже советчик нашелся. У самого, наверное, рогатка в кармане, а все же в армии.

- Здорово отбрила, - проговорил до этого молчавший боец средних лет.

Курносый парень замолчал, покраснел. Конечно, ему скоро будет восемнадцать лет, но всего лишь несколько дней назад он учил одного мальчишку в деревне, как надо делать рогатки и стрелять из них в цель. А что если тогда его видел этот молчаливый дядя и

поднимет теперь на смех? «Не надо было бы связываться с этой кнопкой», — подумал он и отошел в сторону.

- Перекур, - объявил лейтенант. - А тебе, сестричка, как некурящей, вот, получай, — и протянул полплитки шоколада. - Да ты, наверное, есть хочешь? Который день по лесу бродишь?

- Пятый.

- Тогда вот получай еще, - подал лейтенант девочке сухарь, кусок колбасы.

Марийка взяла, но не ела.

- Можно, я это дяде Коле оставлю? - показала девочка на летчика.

- Это тебе. И ему хватит, - ответил лейтенант.

Ночью разведчики вышли на опушку леса. Справа и слева стреляли пулеметы, взлетали осветительные ракеты.

- Ползком за мной, - от бойца к бойцу шепотом передалась команда лейтенанта.

По вязкой грязи и мелким частым бороздам Марийка поняла, что ползет по картофельному полю. Ее острые локти глубоко уходили в почву, юбчонка мешала, при передвижении попадала под коленки, трещала. Девочка ее подоткнула. Она не чувствовала ни усталости, ни боли, ни холода сырой земли. По сторонам, а иногда и над головой быстрыми светлячками с визгом пролетали трассирующие пули.

Впереди взвилась ракета зеленого света. Этим сигналом советская часть показывала направление для возвращения разведчикам.

- Наши, - услышала Марийка шепот курносого бойца, который полз рядом с ней. - На передовой нас ждут.

- А это далеко? - также шепотом спросила девочка, перед лицом общей опасности позабыв недавнюю обиду на парня.

- Теперь уж близ... - начал было отвечать разведчик, но визг пули над головой заставил его плотно уткнуться в землю, замолчать. - Вот гады, как лупят, - проговорил сосед Марийки, когда противник перенес обстрел далеко вправо.

...В окопе боевого охранения разведчиков встретили радушно. После короткой передышки им выдали проводника и направили в тыл. Вот и блиндаж. Нервное напряжение у Марийки спало, она почувствовала слабость, какой-то отвратительный звон в ушах. Она села в угол, задремала. Слово сквозь туман, видела, как в землянку

вошел низенький врач и стал хлопотать возле летчика. Рощин стонал, что-то спрашивал врача, тот отвечал:

- Все обойдется как нельзя лучше. Через месяц-другой полетите.

- Где Машенька?

- Я здесь, дядя Коля.

- Не знаю, как и благодарить тебя, друг мой. Хочешь к моей маме поехать? Там будет хорошо, - проговорил летчик и взял девочку за руку.

- Нет, я буду мстить фашистам. Только бы в армию взяли.

Вскоре летчика вынесли из землянки и отправили в госпиталь. Марийка опять села в угол и сразу заснула. Сказалось все: беспокойные ночи, многодневное недоедание, непосильная тяжесть раненого, переживания. Она не слышала, как с нее сняли пальто, туфли, перенесли на нары и заботливо укрыли шинелью.

Марийка спала долго, и ее никто не беспокоил. Проснувшись она от приятного запаха горохового супа-пюре и сразу же почувствовала пустоту в желудке, желание есть.

- Вот и хорошо, как раз к ужину. Подсаживайся к нам, - пригласил лейтенант.

Девочка, спустив с нар ноги, нащупала ими туфли, взяла в руки. Она была удивлена и тронута заботой разведчиков: туфли очищены от грязи, отремонтированы.

Марийка ела жадно, торопливо, словно боялась, что это счастье вот-вот может прерваться. Изредка взмахивала ресницами, поглядывая на высокого капитана, который внимательно осматривал свою гостью. Может быть, в это время он думал о своей маленькой дочке.

- Маловато? - спросил он, когда девочка старательно скребла ложкой стенки котелка.

- Ага, - Марийка качнула головой.

- Придется потерпеть. На сегодня хватит. Надо воздержаться, - ответил врач, потрепав Марийку по свалывшимся, давно нечесаным волосам.

Девочку опять стал одолевать сон. Она легла, но уснула не сразу. Ей было до боли тоскливо без родных.

Она пыталась разобраться во всем том, что произошло на фронте. Но разве под силу ей понять события, которые позволили гитлеровцам так быстро и далеко врезаться в глубь ее страны.

Утром за Марийкой приехал майор.

- Ты всерьез хочешь остаться в армии, чтобы мстить фашистам? - спросил, глядя в упор черными глазами, майор.

- Хочу, - как-то робко ответила девочка. Вскоре она овладела собой и уже смело отвечала: - Я буду им мстить, не жалея жизни, лишь бы взяли в армию.

- Вот и прекрасно. Я и приехал, чтобы увезти тебя в свою часть. Собирайся, поедem.

МАРИЙКА СТАЛА РАЗВЕДЧИЦЕЙ

Мариюку зачислили бойцом в разведывательную часть добровольцев. В этой части было много таких же, как и она, девушек, были и взрослые - женщины, мужчины. Людей разных возрастов объединяла одна мысль, одно желание - мстить врагу, бить фашистов, пока они не будут изгнаны за пределы нашей страны, пока не будет уничтожен гитлеризм.

Маленький, уютный домик, в котором поместили девочку, был расположен в центре большого русского села. Там уже проживали шесть разведчиц. Девушки Мариюку встретили, не скрывая своей радости.

- Смотрите, какая курчавая, кареглазая, большеглазая! Девушки, нам повезло! - восхищалась рослая, с короткой прической блондинка по имени Лена.

- Иди, сестричка, сюда. Поближе, - как-то повелительно не только для Мариюки, но и для других девушек сказала стройная, с красивыми пепельного цвета косами, голубоглазая, ловкая в движениях девушка. К ней разведчицы относились с уважением, почтительно называли Алей, при начальстве обращались официально: товарищ Морозова, а в более свободной обстановке, когда за подружками никто не наблюдал, они ее называли «Чижик».

С первых же дней Мариюка на каждом шагу испытывала внимание и трогательную заботу своих соседок по квартире. Она была самой младшей, и каждая из девушек смотрела на нее как на свою младшую сестренку. Ей починили пальто, заштопали берет, носки, зашили юбку, кофточку, уклада вали волосы в прически, которым позавидовал бы первоклассный парикмахер. Как-то раз, когда Мариюке подружки соорудили сложную, новую прическу, которую Аля почему-то назвала «Смерть оккупантам», вошел майор, который привез Мариюку с передовой.

- Отдохнула? - обратился он к Марийке.- Что это ты такая взъерошенная? Зачем вы это сделали? - строго спросил он девушек, с напускной серьезностью. - Ну ладно, молодые годы, что с вас взять? Товарищ Морозова, подготовьте бойца Павлову к принятию присяги.

Майор Тараненко, командир разведывательной части, тут же отдал распоряжение, чтобы Морозова сходила с Марийкой в склад и помогла подобрать обмундирование.

- Ой, девочки, неужели это правда, что и мне дадут военную форму, и я буду настоящим красноармейцем? - обнимая подруг по очереди, спрашивала Марийка. - Даже не верится, что я разведчица. Кажется, что это все какой-то приятный сон. Как я завидовала Пуговице из кинофильма «Подруги», а еще больше - чапаевской пулеметчице Анке, покрасневшись тараторила Марийка. - А в финскую войну я чуть было не удрала на фронт. Только тогда отец догнал на станции. Ох, и было мне! Главное же - родители запретили мне смотреть кинофильмы о боях, вообще о войне.

Девушки прекрасно понимали состояние Марийки. Ведь в свое время каждая из них переживала то же самое, что и она, и ими владели такие же радостные чувства.

Аля Морозова со всей настойчивостью выполняла задание майора Тараненко. К вечеру Марийка была одета в военную форму. На голове новенький берет защитного цвета. Гимнастерка, цвета поблекшей травы, была свободна, морщинила не только на спине, но и на груди. Юбка тоже легла в складку, была длинновата. Кирзовые сапоги на три размера были больше туфель, которые Марийка сдала на склад. Но разве об этих мелочах, что не по росту обмундирование и обувь, думала девушка? Ее мысли были заняты другим. Она хотела, чтобы теперь на нее посмотрели папа и мама. «Пусть бы взглянул и тот конопатый, который попрекал куклами», - тайно желала Марийка.

Девушка, оставаясь одна, любовалась собой перед небольшим зеркалом. Она набирала полные легкие воздуха, отводила плечи назад, разглаживала клапаны нагрудных карманов гимнастерки, часто одергивала ее подол. Марийке хотелось сфотографироваться, но майор не разрешил.

- Лучше, Марийка, сходи в пошивочную мастерскую части и передай портнихе Дусе, чтобы она подогнала тебе обмундирование по росту. Неаккуратно так получается, -

проговорил он, взяв за обшлаг рукава и потянув его в сторону. Рука девушки скрылась: рукав был длинен. - Да и воротник тоже чересчур свободен.

Через несколько дней Марийка принимала присягу. Она вышла из шеренги и встала перед строем. Она увидела своих новых подруг, а далее стояли незнакомые бойцы.

Все они были в чистой, аккуратной военной форме.

Марийка взяла в руки отпечатанный на листе бумаги текст присяги. Хотя он ею был изучен, и Аля несколько раз требовала повторить его на память, теперь Марийка не знала, с чего начать. Мельком взглянула и громко, звонким голосом начала:

- «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников».

Марийка полностью преодолела свое смущение, опустила руку с текстом присяги, гордо подняла голову и продолжала:

- «Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству».

У девушки возбужденно горели широко раскрытые глаза. Брови сдвинулись к переносице и между ними легла глубокая складка. Марийка, казалось, не читала, а говорила от всей души, от сердца, от глубины сознания: «...как воин Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Девушка сделала паузу, обвела стоящих перед ней в строю неторопливым, внимательным взглядом и, немного опустив голову, сбавила голос, выделяя каждое слово, закончила: «Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Марийка с минуту молчала, не двигалась с места, затем повернулась, подошла к столу, расписалась в принятии присяги.

- Поздравляю, товарищ Павлова, - майор Тараненко пожал ее руку.

Высокий, строгий, широкоплечий майор был непонятен Марийке. Иногда он был весел, охотно шутил, задорно и раскатисто смеялся, чем-то располагал к откровенным разговорам. В такие минуты он был похожим на ее отца. Марийке хотелось подойти к нему, просить совета: не ошиблась ли она что стала разведчицей, а не пулеметчицей?

Проходила одна секунда, и веселый Тараненко преображался в строгого командира. К такому человеку и по вызову Марийка боялась заходить

- Он это только так делает. В самом же деле очень добрый, отзывчивый. Без строгостей-то командиру тоже нельзя. Ведь война, а люди бывают всякие, - уверяла Аля Марийку в том, чтобы она поговорила с майором.

- Желаю, Марийка, больших боевых успехов, - ласково, совсем как отец, поздравил майор Марийку. Он теперь был и строгим, и приветливым, скупым на слова и нежным при рукопожатии, далеким начальником и в то же время близким, как будто давно знакомым человеком. И если он посоветовал ей быть разведчицей, то, значит, так надо для дела. С детской доверчивостью Марийка смотрела на командира, потом вспомнила уставной ответ на поздравление начальника, громко, чеканя каждое слово, произнесла:

- Служу Советскому Союзу! - неумело повернулась кругом, пошла к шеренге и встала на свое место в строю.

Марийка ожидала, что после принятия присяги ее сразу же пошлют на передовую, в разведку. Ее воображение рисовало картины, как она бьет врагов гранатой, из пистолета, из автомата.

- А ты бывала в разведке? - спросила Марийка Алю.

- Была. А что?

- Меня теперь тоже пошлют?

- Нет, рано. Еще посидишь, позубришь. Тебя только обучать будут.

«Какая учеба может быть в войну», — не соглашалась в душе Марийка.

Первой ночью после принятия присяги она спала беспокойно. Ей казалось, что вот-вот кто-то сейчас постучит, назовет ее фамилию, она быстренько соберет вещички, услышит от подружек: «До скорого свидания. Будь здорова. Ни пуха ни пера». Она скажет им: «До свидания, подружки. Пошли вы к черту!». Марийка в душе не соглашалась с таким ответом, но что поделаешь, если так обычно отвечают на «ни пуха ни пера».

Марийка радовалась назначению в разведывательную часть не только потому, что получила возможность мстить фашистам, но ей казалось, что в этой части каждый день полон особо яркой героики, фантастики. Утром же она весьма прозаично вставала в семь часов, выбегала из избы на физическую зарядку, выполняла вольные упражнения, прыгала, даже карабкалась вверх по скользкому шесту.

После завтрака Марийку вызвали в штаб. В комнате майора Тараненко, кроме него, находились военком части батальонный комиссар Семенов и лейтенант, который вывел Марийку из тыла врага. Только недавно она узнала, что фамилия лейтенанта Кириллов.

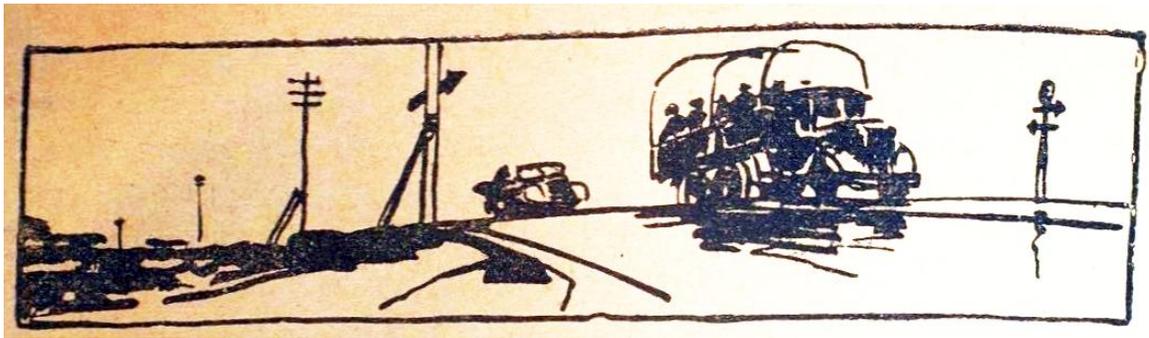
- Так вот, товарищ Павлова, с сегодняшнего дня начнем вас готовить для действий в тылу врага. Обучать будет лейтенант Кириллов, - майор показал на сидящего на скамейке лейтенанта.

Разочарованию Марийки не было границ. Она была готова со всеми ругаться из-за того, что не дают ей мстить врагу, сдерживают ее патриотический порыв, готова была всех обвинить в равнодушии к захватчикам. Для нее потянулись однообразные дни непривычной учебы. Лейтенант показывал и учил, как правильно и быстро переползать, бесшумно переходить вброд речки, перебираться через болота, быстро разводить костры, и все эти действия заставлял повторять днем и ночью, в ясную и дождливую погоду, при сильном ветре. Потом Марийка изучала немецкие пистолеты, карабин, автомат, стреляла из них. Больше всего тратилось времени на то, чтобы научить Марийку тому, как ей следует себя вести в тылу врага, чтобы обмануть гитлеровские комендатуры.

Марийка - жительница района, куда ее готовили перебросить для разведки. Она хорошо знала обычаи, окружающие деревни, владела местным выговором. Ей не надо было опасаться того, что по какой-то мелочи ее могут заподозрить, что она не та, за кого себя выдает. Однако много пришлось лейтенанту потратить времени, чтобы научить Марийку по виду и разговору играть роль сельской девочки. А еще труднее ей было «пускать слезы» - так плакать, чтобы в искренность этого поверил бы опытный следователь, если бы Марийке пришлось предстать перед ним на допросе.

Получая очередное задание, Аля Морозова попросила майора Тараненко послать с ней Марийку. Командир части и сам подумывал об этом, но сомневался: достаточно ли подготовлена Павлова для действий в тылу врага? Не будет ли поспешностью посылка ее в разведку?

- Подумаю, товарищ Морозова. Поговорю с комиссаром, а потом подробно заслушаем лейтенанта Кириллова.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Марийка получила первую «путевку» в тыл противника. Она волновалась от радости - наконец-то осуществилась страстная фронтовая мечта. Не меньше волновалась девушка и от неизвестности, которая ее ожидала. Сумеет ли она выполнить задание, порученное командованием?

Когда Марийка пробиралась на восток через леса, болота, через огневую полосу фронта, она считала, что для борьбы с фашистами достаточно только ненависти к ним. После учебы девушка поняла другое. Надо ненависть дополнить умением, знаниями, чтобы перехитрить коварного врага. Найдется ли у нее достаточно сил, чтобы сделать это? Правда, Марийка пойдет в тыл врага не одна, а со своей подругой Алей, которая уже была там. Но не подведет ли она подругу? Марийка к подготовке в разведку стала относиться еще более серьезно. Наступил и тот день, когда разведчиц предупредили о выезде. Марийка сняла военное обмундирование, сложила его в вещевой мешок, оделась в белье и форму школы ФЗО. Во всем черном она казалась еще меньше, глаза темнее. Вспомнив, что почти все девочки из ФЗО приезжали с косичками, Марийка встала перед зеркалом, тщательно расчесала волосы на обе стороны с пробором посередине и сделала две коротенькие косички.

- Нут-ка, ученица, покажись? Как выглядишь? - проговорил вошедший майор, подводя Марийку ближе к окну. - Недурно, недурно. Где же Аля Морозова?

- Получает продукты. Да вот и она идет, - торопливо проговорила девушка и побежала на стук, чтобы открыть дверь.

С наступлением сумерек машина с разведчицами пошла в сторону фронта.

- Разве днем нельзя было ехать? - недовольно ворчала Марийка.

- Зачем днем? Чтобы по сторонам глазеть? Расположение своих войск видеть? А если к противнику попадем да не выдержим? Крепче всего можно сберечь ту тайну, которую не знаешь. Поэтому-то нас и возят через свои войска ночью, - объяснила Аля.

По фанерной будке машины хлестал мелкий октябрьский дождь. Под колесами шумела вода. Девушки слышали равномерный скрип дворника ветрового стекла. Машина шла медленно. Она тряслась по жердевому настилу, проложенному через болотистую местность. Но вот машина пошла ровнее и быстрее, видать, настил миновали. Водитель чаще требовал сигналом машины от повозочных свернуть лошадей с дороги.

- Днем фашистские самолеты не дают жизни, а ночью на дорогах от вас не видим покоя, только и поворачивай в сторону, - ругался один ездовой на шофера.

- Что это? - спросила Марийка, услышав несколько сильных взрывов.

- К передовой подъезжаем, - ответила Аля.

Машина остановилась. Девушки выскочили из будки. Все чаще моросил дождь. Впереди за лесом имелись бледные зарева ракет, слышались длинные очереди пулеметов. У Марийки защемило сердце, появился мелкий озноб. Она взялась за Алину руку. Так девушка чувствовала себя увереннее.

- Ничего, Марийка, пройдет. Со мной так же было, когда ходила в разведку первый раз, - сказала Аля. - И сейчас боюсь, но сдерживаюсь. Только рассудок не надо терять и не терять уверенность в то, что в итоге мы одолеем.

- Может, не пойдешь? - спросил лейтенант Марийку. - Как у тебя настроение?

- Зачем спрашивать? Я должна идти и пойду, - забыв о служебном такте, ответила Марийка.

Девушки шли к передовым окопам лесом, потом болотом. Они промокли до последней нитки. В ботинках хлюпала вода, под ногами чавкала грязь.

- Вот и «ничейная» полоса, - тихо проговорила Аля.

Марийка увидела тысячи быстро летящих светлых линий, пронизывающих темноту в разных направлениях. Непрестанно то тут, то там по обе стороны «ничейной» полосы взлетали ракеты, описывали крутые дуги, ярко вспыхивали и быстро гасли. Вся линия фронта была взбудоражена. На соседнем участке особо неспокойно. Там под вечер гитлеровцы предпринимали атаку на опорный пункт стрелкового батальона. Их натиск отбили, но стороны и ночью вели себя настороженно, прикрывались артиллерийским, минометным и пулеметным огнем.

Через линию фронта разведчицы ползли за сержантом-сапером. Марийка вначале испуганно и с ужасом смотрела в стороны не только близких, но и далеких разрывов, плотно прижималась к земле при вое снарядов и свисте пуль над головой, но вскоре она пересилила страх и стала ползти спокойнее, увереннее. Она не чувствовала ни воду, ни пронизывающий холод, имела одно желание - скорее переползти через линию фронта, до рассвета уйти подальше в лес.

Морозным утром в одном из сел, занятых противником, появились две ученицы из школы ФЗО. Они шли не спеша по центральной улице, наступали на тонкий хрупкий лед в мелких лужах, оживленно говорили между собой и, занятые этим, как будто ничего не видели и не слышали того, что делается вокруг. Но было не так. Девушки на все обращали внимание, запоминали. От их наблюдения не ускользали ни опознавательные знаки на автомашинах, на танках, на повозках, ни форма одежды гитлеровских солдат.

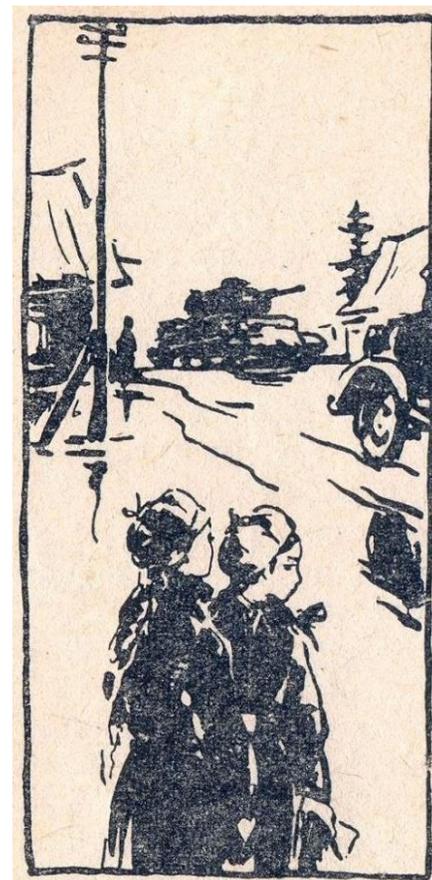
В селе никто не остановил девушек. В сутолоке тыловых частей гитлеровцев и скопления беженцев они не вызывали подозрений. Жадно вслушиваясь в разговоры и расспрашивая местных жителей, девушки узнали о том, что фашистское радио объявило о приближении гитлеровских войск к Москве, что разбиты последние части Красной Армии. Может быть, поэтому так самонадеянны были и снисходительно вели себя вражеские солдаты.

- Не верьте этому, - успокаивали девушки беженцев и передавали им сообщения советских газет.

Когда девушки вышли за окраину села, та, что ниже ростом, остановилась, упрямо глянула на подругу, проговорила:

- Вот пойду обратно, вцеплюсь какому-либо фашисту в глотку и перерву. Пусть что угодно потом со мной сделают. Не могу больше притворяться, улыбаться гадам!

- Ну что ты, Марийка. Разве так можно? Бросишься на одного, ничего ему не сделаешь, нас обеих погубишь и дело испортишь. На тебя надеются, сведений ждут, а ты... - уговаривала подруга.

- Жаль, что в руках нет ничего такого, чем бы могла убить их, - говорила Марийка.

- Знаешь, Мария, дисциплину? Ты обещала быть послушной, а что получается? - Аля рванула подругу за рукав и с силой потянула ее за собой прочь от села.

И верно, Марийка клятвенно обещала во всем слушаться Алю Морозову. Действовать в тылу врага без этого невозможно. Теперь она понуро шла за подругой и упрекала себя за строптивость, за невыдержанность, за то, что не смогла владеть своими чувствами.

Мимо девушек проносились танки, автомашины с пехотой, мотоциклы. И вся эта лавина катилась на восток. На одной машине солдаты пели песни. Их слова девушкам непонятны. Но в припеве Марийка разобрала всего три слова: «Нах Москау, шнель!».

Но и этого было достаточно, чтобы впечатлительная, вспыльчивая девушка опять потеряла самообладание:

- Гады! Не видать вам Москвы! - крикнула она.

- Гут, гут, нах Москау, - ответили с машины, не поняв смысла того, что им сказала Марийка.

- Нет, так невозможно больше. При возвращении в часть я должна доложить, что ты не может быть разведчицей, - возмущалась Аля. - Ты думаешь, я меньше ненавижу фашистов, чем ты? Может быть, я бы давно их передушила, была бы только для этого сила. Но приходится сдерживаться. Эх, Марийка, Марийка. Неужели я в тебе ошиблась?

Дальше девушки шли молча. Только иногда Аля тихо подсказывала Марийке:

- Запомни. Новые опознавательные знаки.

Надо было заботиться о ночлеге. Во всех населенных пунктах гитлеровцы расклеили грозные приказы: «За укрытие коммунистов, красноармейцев, военнопленных, за помощь партизанам, а та же за хождение по улицам, дорогам с наступления темноты - смерть». Если разведчицам не укрыться под крышей до комендантского часа, то не избежать ареста, допросов. Аля беспокоилась не на шутку. Она не надеялась на выдержку Марийки. Хватит ли у нее силы владеть своими чувствами, если окажется в комендатуре?

На краю села девушки постучались в приплюснутый домик под ветхой крышей. Дверь открыла женщина средних лет, в рваных, небрежно одетых кофточке и юбке. Она

выглядела неопрятной, неряшливой. Ее лицо было грязным - так делали многие женщины, чтобы не привлекать внимание фашистских солдат.

- Тетенька, пустите переночевать, - жалобно попросилась Маринка.

- Откуда вы? — спросила хозяйка, окинув девушек своим безразличным усталым взглядом.

- Мы учились в Вышнем Волочке в школе ФЗО. Идем домой, да запоздали, - все тем же плаксивым голосом ответила Марийка.

- А, в ФЗО, - проговорила женщина. - Ну, входите, - уже ласковее проговорила хозяйка.

- У меня тоже в такой школе в Ленинграде сынок учился. Где-то он теперь? - Женщина поднесла к глазам фартук и заплакала.

- Чего ты разнюнилась? - послышался из передней комнаты старческий, твердый голос.

- Вот, девушки из ФЗО домой идут, а нашего все нет и нет, - сквозь рыдания ответила женщина.

- А ты не реви. Честный человек в такое время домой не пойдет. Ему нечего делать у врагов, загудел басом дед. Да появился бы внук, я бы его задушил, как труса, шкурника!

- Он еще ребенок, пойми ты это, - не унималась женщина.

- В гражданскую такие «ребенки» большие дела делали. А теперь что же, ослабли? У кого стыда нет, так и силы не хватает на врага. — Дед сверкнул злыми глазами из-под седых косматых бровей на девушек.

Разведчицы не ожидали такого приема. Они прижались к печке и молча наблюдали за разгневанным дедом. Им было обидно слушать упреки и подозрения, что они идут работать на врага.

- Если бы знал дедушка, кто мы, наверняка бы не так принял, - прошептала Аля. - Во всяком случае, не стыдил бы. Что поделаешь, приходится терпеть.

- Идите, поужинайте, — хозяйка пригласила девушек.

Разведчицы выжидали, что скажет старик. Они опасались, как бы этот злой ворчун не выгнал их из избы, на ночь глядя. Тогда им не миновать фашистской комендатуры.

- Что лупаете глазищами-то? Не слышали, что ли? Марш за стол! - уже командовал дед.

Ужинали молча, а после девушки помогли хозяйке убрать со стола и помыть посуду. Кряхтя, старик залез на печку. Он долго рассказывал, что в гражданскую войну совсем молодые ребята и девушки шли на фронт, как бы жаловался кому-то, что теперь молодежь не та, какая-то хрупкая. Особенно дед обижался на «девок», которые здоровы, а воевать не хотят, намекая на разведчиц.

- Да будет вам, папаня, - вступилась за девушек женщина. - Ну что вы, в самом деле, взялись за них? И так, поди, они устали, умаялись.

Хозяйка и девушки легли в передней комнате. Они долго не могли уснуть, все разговаривали. Женщина жаловалась на свои невзгоды. У нее рано умерла мать, потом отец. Ей вдоволь пришлось испытать сиротского горя. Потом вышла замуж. Появился сын. С мужем жили дружно, хотели в этом году строить новый дом, да тут война, как вихри разбросала не только мечты, но и всю семью. Сын - в Ленинграде, муж - в Красной Армии. Вот поправится дед, и они уйдут «куда глаза глядят».

Тяжело вздохнув, женщина замолчала. Она погрузилась в свои мысли о сыне, о муже, о партизанах, не дающих покоя оккупантам. Ей хотелось спросить девушек, может они слышали, где партизаны, но побоялась: а вдруг дед прав, что их ругает. Марийку так и подмывало сказать хозяйке, кто они, но она не могла этого сделать, а Аля молчала.

Утром, плотно позавтракав, девушки тепло попрощались с хозяевами. Женщина опять всплакнула, вспомнив своего сына, дала в дорогу разведчицам большую ковригу хлеба и по два соленых огурца. Дед по-прежнему ворчал, стыдил тех русских, которые готовы продаться врагу за картофельную похлебку.

- А нас вы напрасно, дедушка, ругаете. Не заслужили мы этого. Прощайте, не обижайтесь. За откровенность - спасибо, - сказала Аля, выходя из избы.

Под вечер разведчицы благополучно добрались до станции Нелидово - конечного пункта своего маршрута по тылам врага. Здесь они отыскивали сапожника Нечкина и остановились у него на квартире.

Нечкин, он же дядя Вася, как гласил к нему пароль, будучи молодым, в бою против белогвардейцев в гражданскую войну получил тяжелое ранение в обе ноги и остался инвалидом. Освоил сапожное ремесло, вошел в артель, никогда не был активистом. Но одно время, когда жизнь была к нему особенно жестока и несправедлива, Нечкин часто посещал храм божий, потом разочаровался в вере, открыто смеялся над попами. С оккупацией Нелидова фашистами он остался на месте, не вызывая подозрений у вражеских властей.

Однажды, выполняя очередное задание, к Нечкину в мастерскую заглянула его родная племянница Галя Горбунова. Ничего не утаивая, дядя Вася высказал Галине все, что его волновало, беспокоило. Он проклинал свою инвалидность, при которой трудно что-либо сделать, но оставаться в стороне от большой борьбы он не может.

- Ноги бы мне, давно бы в лесу был, - с досадой закончил Нечкин сетование на судьбу.

- Не надо так, дядя Вася, - плотно прикрыв дверь, ответила Галя. - Можешь и ты встать в строй.

Долго говорили дядя Вася с племянницей Галей. В глазах собеседников вспыхивали возбужденные огоньки, лица становились сосредоточенными, серьезными.

Так дядя Вася стал верным другом разведчиц, а его квартира - надежным убежищем и местом явок.

- Дядя Вася, нельзя ли сменить к туфлям набойки?— обратилась Аля к сапожнику.

- Где же они? - спросил Нечкин, не отрываясь от дела.

- Я пока только спросить. Наказывала Галя.

- Когда принесешь, тогда и сменю.

Сапожник с минуту смотрел на вошедших пристально, испытующе. Пароль сошелся, и вид девушек тоже не вызывал сомнений.

- Так вот что. Снимайте обувь, одежду. Я ваши сапоги буду чинить, а вы - ждать. Если кто придет, то меня поторапливайте, можно и ругнуть. Разрешаю.

Девушки покорно выполнили распоряжение дяди Васи и сели на скамейку у теплой печки.

- Дядя Вася, что вы скажете хорошего? – шепотом спросила Аля.

- Слушайте и запоминайте. - Далее сапожник передал все сведения о противнике, находящемся в Нелидове, о проходивших через этот районный центр войсках - сведения, которые удалось собрать от своей клиентуры за последние две недели. Когда в мастерскую заходили посетители, сапожник деловито крутил сапоги девушек, ворчал, что так неосторожно они носят обувь, а чинить нечем, нет подметок. Разведчицы принимали скучающий вид, обижались на кочки, просили скорее починить сапоги, чтобы можно было до комендантского часа успеть домой.

...Девушки в часть вернулись благополучно. Они в тылу врага собрали ценные для командования сведения. Это для Марийки, как разведчицы, было первое боевое крещение, а для Али - четвертым боевым заданием.

Аля Морозова оказалась верной своим словам: она подробно доложила майору о поведении Марийки при выполнении задания.

- Когда я так близко от себя увидела первого фашиста, то сначала меня охватил страх. Я смотрела на него, как на редкого, кровожадного зверя. От испуга я онемела, не могла пошевелить языком, словно он распух. Никогда не думала, что так испугаюсь. Когда же от страха немного оправилась, во мне закипела такая ненависть, что хотелось броситься на фашиста, вцепиться в него и рвать на мелкие кусочки. Я уже готова была на такой поступок, да Аля вовремя удержала, - объясняла Марийка майору свои поступки.

Рассказала Марийка и об обиде, которую несправедливо нанес ей и Але сердитый дед.

- Конечно, старик прав, он говорил правду. Но только это вас не касается, - успокаивал Марийку комиссар. - Вы с чистой совестью имеете право смотреть в глаза нашим людям. Дед же имел в виду малOVERов, шкурников и предателей, которые, к сожалению, имеются. Вот с них-то народ и спросит.

НА СВЯЗЬ С ПАРТИЗАНАМИ

Хмурым утром в конце октября бойцы боевого охранения подобрали тяжело раненного партизана. Он просил об одном: доставить зашитый в подкладку ватника пакет и передать его командованию.

В тот же день майор Тараненко был вызван в штаб армии и подробно ознакомлен с содержанием пакета. Доносил товарищ Шубин, что им создан крупный партизанский отряд, и просил выслать для связи с ним радиста с рацией. Место отряда в донесении не указывалось, об этом должен был сообщить человек, доставивший пакет. Но он скончался.

- Командующий приказал разыскать этот отряд, - сообщил майор о полученной задаче военкому Семенову, - А как это сделать? Ребят посылать нельзя - их ничто не спасет, если будут задержаны. Надо подобрать кого-то из девушек. Алю Морозову? Она сразу же привлечет внимание фашистов. Нину? Галинку? Тоже не подойдут.

- Разве Марийку? - предложил военком. - В ней трудно заподозрить разведчицу. Худенькая, низенькая и к тому же может быть плаксивой.

- Она бы подошла. Беспокоит только одно: как бы не было у нее срыва. Впечатлительна и вспыльчива она.

Но все же командование разведывательной части решило готовить для связи с партизанским отрядом Шубина Марийку.

Двое суток девушка корпела над картами, тщательно изучала свой маршрут, запоминала деревни, речки, развилки дорог, подробности рельефа местности, по которой ей предстояло идти. Марийка еще раз прочитала приказы гитлеровских комендатур о режиме в тылу врага. Ей была подготовлена справка, в которой

указывалось, что Павлова Мария, пятнадцати лет от роду, направляется на место своего постоянного жительства в село Родниково Смоленской области. Старостам предлагалось оказывать ей помощь, содействие, так как она со своим отцом передала стадо скота германской армии. Справка написана на немецком языке и заверена печатью.

Переброска Марийки через линию фронта происходила темной ночью. До боевого охранения ее сопровождал лейтенант Кириллов. Прощаясь, он крепко пожал руку девушки, пожелал:

- Будь осторожна. Не горячись. Заботиться о тебе там некому.

Тихо. Темно. Лишь изредка взлетали вверх ракеты, на короткое время освещая землю, да прорезали темень очереди трассирующих пуль.

Осторожность - первое требование к разведчику. Пусть он прекрасно подготовлен, до мелочей знает все местные обычаи, но если не будет осторожен, «погорит» еще при переходе через линию фронта. Марийка через всю «ничейную» полосу ползла, чутко вслушивалась в звуки, доносившиеся со стороны противника. Она замирала, когда в небе горели ракеты, ползла быстро-быстро, когда была темнота. За длинную осеннюю ночь девушка углубилась в тыл врага на шесть километров и осталась дожидаться рассвета в лесу. Для нее это были неприятные часы, полные тревог. Малейший шорох, самый слабый звук напрягали ее нервы. Тело стыло от холода, судороги сводили ноги, стучали зубы.

Взошло солнце. Стало теплее. На деревьях чирикали мелкие, не известные Марийке птички. Девушке хотелось прилечь, согреться, поспать. Но нельзя. Надо скорее выходить на дорогу. Всякий замеченный в лесу, в поле вне дорог человек мог быть расстрелян без разбирательств. На участке дороги, который проглядывался из леса, разведчица увиделадвигающиеся машины, пешеходов. Комендантский час кончился.

Марийка вышла на дорогу и смело пошла по ней, беззаботно помахивая узелком, в котором лежали ломоть ржаного хлеба деревенской выпечки, кусок вареного мяса и спичечная коробка с солью. На дороге она влилась в поток пешеходов, идущих куда глаза глядят, искала «земляков», переходила от одной группы к другой.

Несколько дней кружила Марийка по селам и деревням, переходила из одного района в другой, но все напрасно. Она не услышала ни одного слова, даже намека о месте партизан, хотя всюду чувствовалось их действие: недалеко пущен под откос воинский эшелон, где-то поблизости взорван мост, а в одной деревушке бесследно исчез свернувший с большой дороги на ночлег обоз противника.

Когда разведчице надо было остановиться на ночлег или получить питание, она доставала справку, подавала ее старосте. По-разному действовал на старост документ с гитлеровским орлом. Одни увидев немецкую печать, слащаво улыбались, начинали юлить перед Марийкой, заискивать, видели в ней силу, которую стремились склонить на свою сторону. Другие же, быстро глянув на бумагу, немедленно возвращали, словно она жгла им руки, пристально, с каким-то укором, ненавистью глядели на девушку и небрежно бросали:

- Иди вон в ту избу.

А «в той избе» не надейся на гостеприимство. Не только под бок на ночь подстилку, но и кипятку к ужину не получишь.

Однажды Марийка опоздала на ночлег. В селе, куда она пришла, стоял вражеский гарнизон. Разведчица выбрала самый плохонький домишко - вряд ли тут могли жить немцы - и попросилась переночевать. Ей отказали. В двух других домах ее послали за разрешением в комендатуру.

Иного выхода не было, и Марийка пошла к коменданту.

- Мне нужен господин комендант, - обратилась она к часовому, который ни слова не понимал по-русски и кричал: «Хальт!» (Стой!)

В это время открылась дверь, и из помещения на крыльцо вышел молодой, щегольски одетый офицер гитлеровской армии. Он внимательно посмотрел на девушку, брезгливо кривя тонкие губы, спросил по-русски:

- Что тебе надо?

Марийка оторопела. Она еще ни разу не слышала, чтобы немцы так хорошо говорили на ее родном языке. С ответом она задержалась.

- Что же ты молчишь, милочка? – Последнее слово офицер произнес с подчеркнутым пренебрежением.

- Хочу попросить у господина коменданта разрешение переночевать в этом селе, - заискивающе, покорным тоном сказала Марийка и поклонилась офицеру.

- А разве ты нездешняя? - удивился гитлеровец.

- Нет, господин офицер. Я иду домой, а сейчас уже темно. - Переступив с ноги на ногу, девушка стала вытирать глаза.

Офицер насупился, подумал, потом спросил:

- Документы есть?

- Ага. Есть, - девушка для подтверждения качнула головой. - Сейчас достану. - Пошарив за пазухой, вытащила справку и смело протянула офицеру.

Переводчик комендатуры прочитал справку, пристально посмотрел на девушку, еще раз взглянул на документ. «Неужели придрался?» - подумала Марийка, готовая сейчас же расплакаться, чтобы произвести на гитлеровца впечатление. Наконец-то лицо офицера расплылось в улыбке.

- Ты, оказывается, хорошая девочка, - перейдя на более мягкий тон, проговорил он - Я сам отведу тебя к старосте. Там ты хорошо отдохнешь милашка, - уже ласково говорил офицер и, не снимая белых перчаток, взял ее за подбородок. - Какая прелестная мордочка!

Марийка резко схватила руку фашиста и с силой оттолкнула ее в сторону.

- О! Ты, как видно, колючка! Умеешь сердиться, - сказал офицер. - Не надо так. От этого может быть плохо.

Разведчица опустила глаза, тяжело дышала, осуждала свой поступок. Но что поделаешь, если временами чувства берут верх над разумом.

- Простите меня, господин офицер. Я не хотел вас обидеть, - с покорностью извинялась девушка.

- Доблестная армия фюрера ценит таких людей, - не думая сердиться, самодовольно ответил переводчик. Он вчетверо сложил справку и вернул Марийке.

В доме старосты солдат не было. У него в отдельной комнате жил переводчик, с которым пришла Марийка. Их встретил высокий, плотно сбитый, с черной окладистой бородой мужчинам лет шестидесяти. Его большие черные глаза сверлили девушку, а ручки нет-нет да и складывались в огромные кулаки.

- Собирай-ка, что есть повкуснее, на стол, - тоном приказа проговорил офицер. — Это очень хорошая девочка. Она голодна, и ее надо накормить.

- Русская? - густым басом спросил хозяин, внимательно оглядывая Марийку.

- Конечно, русская, - ответил переводчик.

- Это чем же она отличилась? - староста нахмурился еще сильнее, его глаза зло сверкали.

- О! - восторженно воскликнул офицер. - Она сделала большое дело для нашего фюрера. Она сдала стадо скота германской армии, - сказал переводчик, подмигнул Марийке и ушел в свою комнату.

Староста грузно опустился на лавку и стал расспрашивать девушку. Она ему уверенно, с подробностями рассказала, как правление колхоза поручило ее отцу и еще двум пожилым колхозникам угнать скот фермы в глубокий тыл страны. Отец взял с собой и ее, Марийку. Несколько дней и ночей без отдыха гнали этот скот. Недоенные коровы шли медленно. Дед Максим предложил загнать стадо в лес и там дожидаться немцев. На этом и порешили, а через трое суток всех коров сдали представителю немецкого командования. Отец в чужом селе записался в полицейские.

- Ему в свое село возвращаться боязно, вот и послал меня проведать маму, - закончила рассказ Марийка.

Хлопнула дверь, и в избу вошла пожилая женщина. Увидев девушку, спросила.

- К нам, что ли, гостя-то?

- Подавай-ка, мать, на стол картошку да капусту, а то девочка-то голодная. Переводчик велел ее накормить. Заслужила она.

Хозяйка подошла к печи и взялась за заслонку.

- Что ты в печь-то лезешь? - остановил хозяин свою жену. - Аль не видишь, под столом картошка-то!

Женщина недоуменно посмотрела на мужа, ответила:

- Там же для скотины.

- Не велика и эта барыня. Захочет, так пожрет, - сердито ответил староста и, хлопнув дверью, вышел на улицу.

Поев мелкой, холодной картошки, Марийка забралась на теплую печь и вскоре заснула.

Разведчица проснулась рано, еще до рассвета. Она винила себя в том, что срок, установленный на розыски отряда Шубина, истекал, а она пока еще не нашла на его следы. Станным показался староста. Служит гитлеровцам и так враждебно отнесся к ней за то, то «ее отец сдал колхозное добро фашистам». Как его понять?

Во время завтрака появился захмелевший переводчик. Он был доволен.

- Что нового на фронте, господин офицер? - спросил староста. Гитлеровец сразу же принял серьезный вид, выпрямился и хвастливо ответил:

- О! Прекрасно! Как обещал фюрер, так и есть. Еще неделя-вторая, и будем пить кавказский коньяк в Москве!

- Не дай бог, чтобы повторилось то же, что было с Наполеоном, - проговорила Марийка и неумело перекрестилась.

Офицер презрительно посмотрел на девушку, заорал:

- Пора всем знать, что Гитлер не Наполеон! Хайль Гитлер! - взмахнув рукой, прокричал переводчик и ушел к себе в комнату.

Хозяин был удивлен высказыванием девушки. За все утро он впервые поднял вверх густые брови и посмотрел на Марийку. Она опять задумалась: почему староста взглядом одобрил ее сомнение?

Староста расспросил девушку о том, куда она будет пробираться в дальнейшем, посоветовал, как лучше попасть в город, а потом предложил:

- Я туда сегодня еду. До поворота подвезу. Марийка согласилась, а через полчаса они были в пути.

Староста молчал. Он верил в то, что говорила девушка, и видел в ней врага народа. Более того, ему показалось подозрительным обращение переводчика с этой девчонкой. Не было еще случая, чтобы к нему, старосте, приводили кого-либо на ночлег. Уж нет ли за ним слежки и не подослана ли девчонка? Не находила и разведчица нить для разговора с гитлеровским прислужником - так его про себя называла девушка. Подвода с разбитого шоссе свернула на ровный проселок. Подхлестнутая плетью лошадь побежала быстрее. Колеса гулко стучали о мерзлую землю. Миновали маленькую, далеко отброшенную от большой дороги деревню. За ней начинался глухой хвойный лес.

Староста остановил лошадь, слез с телеги, достал из кармана черный головной платок, подошел к сжавшейся от холода Марийке.

- Что съежилась? - гаркнул старик. - Умела пакостить, умей и ответ держать. Если только пикнешь, пришибу! - Он поднял над головой девушки огромный жилистый кулак.

Разведчица ждала той минуты, когда она объяснится с дедом и рассеются сомнения, но она никак не предполагала, что эти объяснения начнутся таким странным образом.

Староста вывернул Марийке руки за спину, связал их веревкой, а платком так плотно замотал голову, что она ничего не видела и плохо слышала.

- Если будешь кричать, то и в глотку забью тряпку, - пригрозил дед, садясь на край телеги.

- За что же так поступаешь? – слезливо спросила Марийка.

- Сама знаешь. Общественный скот врагу сдала, и вины как будто нет? Еще перед судом ответишь!

Разведчица сперва смутно, потом отчетливее стала понимать обстановку, в которую она попала. Ей было неудобно, веревка резала руки, ломило глаза, но она была рада. Хотелось все-все рассказать этому молчаливому деду, обнять его и целовать, как родного человека. И опять вспомнила наказ майора: никогда не давай чувствам взять верх над разумом. Решила молчать до конца. Теперь она была уверена, что староста - свой человек и везет он ее к партизанам. Марийка была довольна, что так правдоподобно ей удалось провести старосту-партизана. Она совсем было собралась сказать о себе, как услышала оклик:

- Стой!

Старик натянул вожжи, остановил лошадь, легко спрыгнул с телеги.

- Да что с тобой, не видишь, что ли? - спросил он, как бы досадую. - К командиру надо скорее. Вот пигалицу привез. Посмотреть - малюсенькая, а загадочная уж больно.

- Развяжи, Кузьмич, покажи во всей красе свою «загадку», - совсем рядом услышала Марийка тот чистый молодой голос, который их окликнул.

Марийка увидела вокруг подводы много людей, которые смотрели на нее с презрением, с какой-то жалостью. Сколько раз привозил Кузьмич «загадочных людей», и каждый раз они представляли перед судом отряда. Трудно верилось, чтобы и эта девушка с открытым взглядом была бы связана с врагом. Высказывались различные мнения.

- И родилась при Советской власти, учили ее на народные деньги, а вот, поди, что получилось. Огрех какой-то, - огорчился крепкий мужчина, широкая русая борода которого закрывала половину лица и груди.

- Может, ошибка какая. Уж больно мала, чтобы напакостить могла, - сокрушался седой старик, опираясь на палку.

Разведчица не обращала внимания на высказывания партизан, с неменьшим любопытством она рассматривала собравшихся. Увидев мальчика лет десяти, в шапке, наискосок перевязанной красной лентой, Марийка улыбнулась.

- Она еще и смеется, - возмущался молодой рыжий парень, у которого один глаз косил к носу. - Ничего, посмотрим, как потом засмеешься.

Но поведение девушки было очень странным. Она всем своим существом выражала радость, что попала к партизанам. Даже Кузьмич и тот усомнился в своих выводах и быстро зашагал к командиру отряда, чтобы рассказать о странном поведении девушки.

Марийку доставили в большую и светлую землянку. За столом спокойно сидел худощавый человек в очках. Он внимательно оглядел вошедшую, щелкая пальцами по столу, тихо спросил:

- Рассказывайте, что вы там натворили вместе со своим отцом?

- Мне сам командир отряда нужен.

- Здесь я командир.

- Вы!?

- А почему бы и нет? Разве не похож?

- Может быть. Но почему-то я думала, что командир должен быть...

- Можешь не продолжать. Считала, что командир отряда высоченного роста, в плечах - косая сажень, а от его голоса в ушах перепонки лопаются? Не надо больше в прятки играть. Говори начистую: кого ищешь? После того, что о тебе доложили, я не верю в ту сказку, которую рассказала старосте.

Марийка с минуту стояла молча. Решала с чего начать разговор. Изредка смотрела на командира, в его без злобы сверлящие через стекла очков глаза, как будто предлагавшие говорить откровенно, оглядывалась на конвоиров, стоявших у дверей.

- Тяжело начать? Ладно, тогда я начну, я командир партизанского отряда Шубин.

- Шубин? Так я вас и ищу! - радостно воскликнула Марийка. Она выпрямилась и, глядя прямо в глаза командиру, отрапортовала:

- Товарищ командир партизанского отряда! Красноармеец Павлова прибыла к вам с Большой земли со специальным заданием.

Изумленные конвоиры переминались с ноги ногу. Им так хотелось сейчас же выскочить из землянки и скорее сообщить людям, что Кузьмич привез самую дорогую гостью. Они ждали знака командира, чтобы выйти, а когда получили, не помня себя бежали к старосте, все еще окруженному любопытствующими.

Как только в землянке остались командир отряда и Марийка, разведчица быстро сняла изрядно поношенное пальто, разорвала его подкладку, достала маленькую, твердо скатанную трубочку и подала ее Шубину. Лицо командира стало каким-то светлым, бодрым и добрым. А прочитав листок, он подошел к разведчице, пожал руку, обнял и трижды поцеловал в щеку.

- Теперь мы не будем «кустарями-одиночками», - сказал Шубин, выпуская Марийку из своих объятий.

Весть о том, что в отряде находится посланник с Большой земли, быстро облетела партизанский лагерь. Все хотели видеть Марийку, поговорить с ней. Не напрасно разведчица, уходя на связь с партизанами, почти вызубрила содержание последних номеров «Правды». Не успевала она закончить ответ на вопрос: «Что же пишут наши газеты?» - как ее просили:

- Сказала бы, внучка, что там под Москвой.

- Значит, фашистов нет в столице? - переспрашивал сиплым голосом маленький, сгорбленный годами, с реденькой седой бородкой, с добрым приветливым взглядом старичок. - Поди ты, как брешут гитлеровцы. Они уже похвастались, что вошли в Москву и парад в ноябре проведут на Красной площади. Вот паразиты! Лают и нас с толку сбивают, - дед сердито сплюнул.

Был теплый октябрьский вечер. Легкий ветерок шумел в ветвях высоких оголенных деревьев. Солнце на закате залило запад розовым светом, а на темно-синем восточном небосклоне уже заметны мерцания звездочек. По лагерю горели костры, вокруг которых стояли и сидели люди. Доносился спокойный разговор пожилых мужчин. Слышались молодые, задорные голоса, рассказывающие какие-то озорные небылицы, вызывающие дружный хохот. Кое-где пробовали запевать, но неподхваченные песни быстро смолкали — так гаснет вспыхнувший костер, если в него не подкинуть хворосту.

Мало-помалу взрывы смеха стали реже а песни – настойчивее, сильнее. В них партизаны изливали тоску о родных местах, о крепкой любви о святой партизанской дружбе.

Высокий тенор запевал:

*Как письмо получишь от любимой,
Вспомнишь дальние края,
А закуришь - и с колечком дыма
Улетает грусть твоя.*

Чуть помедлив, партизаны дружно подхватывали:

*Эх, махорочка, махорка,
Подружились мы с тобой.
Вдаль дозоры смотрят зорко,
Охраняя край родной.*

- Любимая моя песня «Махорочка», - задумавшись, проговорил Шубин.

От костра к костру переходили командир отряда и разведчица. Везде их приглашали посидеть, поговорить.

- Однако пора и на отдых, - предложил Шубин. - Переночуешь на постели комиссара. Он сегодня на задании. Как-то там? - задумчиво сам себя спросил Шубин и, не ответив, пошел к большой землянке.

Утром Кузьмич повез Марийку обратно. В течение всей дороги он рассказывал о зверствах гитлеровцев над военнопленными, над семьями партизан.

- Ты уж меня извини, внучка, - говорил на прощание Кузьмич. – В нашем деле иначе нельзя. Всегда со смертью рядом ходим.

Спрыгнув с телеги, Марийка скрылась в густом молодом ельнике, а староста поехал, не оглядываясь, и вскоре скрылся за поворотом дороги. Она бодро шагала по лесным и проселочным дорогам, была рада, что нашла партизанский отряд Шубина, выполнила задание командования.

Разведчица обходила деревни и села, избегала встречи с людьми. Боялась терять время на объяснения, да теперь у нее не было и документов, которые бы ее оправдывали.

Дул холодный, колючий ветер. Девушка подняла воротник пальто, спрятала руки в карманы - рваные рукавички грели плохо. Она не думала о ночлеге, хотя ночь уже близка. Решила – пока есть силы, скорее идти к своим.

Ветер усилился. В воздухе закружились белые мушки, а потом пошел крупный снег. Стало совсем холодно. Мерзли ноги в рваных, развалившихся туфлях. Девушка решила переждать непогоду. Защитив лицо рукою, она осмотрелась вокруг. Недалеко на лугу сквозь снежную завесу увидела темное пятно: не то копна, не то воз сена.

- Сено, - сказала вслух и облегченно вздохнула Марийка.

- Да, сено, - кто-то тихо и хрипло проговорил за спиной.

Девушка вздрогнула, резко повернулась, готовая, если потребуется, сцепиться в драке. В ее сознании промелькнула мысль сожаления, что у нее нет никакого оружия. Перед девушкой стоял исхудалый человек в серой порванной шинели, обросший бородой, с винтовкой в руке. Из-под мятой выцветшей пилотки свисали длинные волосы. Марийка уже встречала в лесах таких людей и выводила их к своим.

- Вы откуда знаете, что там сено? – поборов страх, спросила разведчица.

- Я за копнами наблюдал еще засветло. Зачем оно тебе надо? – спросил мужчина.

- Переждать непогоду.

- Почему же не идешь в село?

- Потому же самому, что и вы, - совсем осмелев, ответила девушка.

Незнакомец заметно смутился, улыбнулся.

- «Окруженец»? – спросила Марийка.

- Как видишь.

- Давно попали?

- Порядком. Вон как оброс. Кабы один был быстрее бы шел, - словно оправдываясь, говорил боец. - Раненый товарищ еще со мной, - уже с гордостью произнес «окруженец», показывая в сторону леса.

- Пошли к нему скорее, - торопила девушка, взяв охапку сена.

Войдя в лес, на побелевшей от выпавшего снега поляне Марийка увидела ползущего человека.

- Он? - спросила девушка.

Незнакомец утвердительно кивнул головой.

- Да. Опять не дождался, ползет искать меня,

Взяв раненого под руки, все трое пошли в глубь леса. Из еловых лап вскоре был сооружен слабенький шалаш. Разведчица разделила свой скудный запас продуктов, бóльшую долю отдала раненому. По тому, как жадно ели, девушка видела, что ее попутчики очень голодны.

Знакомство состоялось быстро. Марийка о себе сказала, что она идет за линию фронта к своим. «Окруженцы» также пробираются туда. Они - танкисты. Здоровый - Володя Соловьев, а раненый Саша Черемухин.

Володя рассказал, что их танк был подбит в боях у Минска, что сперва их было трое, но тяжелораненый командир танка умер, и они вдвоем осторожно пробираются по немецко-фашистским тылам.

- Давайте выходить вместе, — предложила Марийка.

- Мы согласны, - ответил обрадованный Саша. - Только вот я для вас обуза, - уже с сожалением говорил раненый.

- Перестань ты об этом, - вступил в разговор Володя.

Марийка поняла, что все другие слова между танкистами были давно переговорены, израсходованы и, видимо много раз была произнесена товарищеская клятва: «Умирать - так вместе».

Разведчица сменила Саше повязки. Всю ночь напролет сидя у маленького костра внутри шалаша, она зашивала танкистам шинели, пилотки, а из своего теплого платка сшила им рукавицы.

Шли только лесами. После долгого наблюдения Марийка сходила в деревню, принесла оттуда питание, узнала, как ближе и безопаснее идти к фронту. Она рассказала товарищам, что противник до Москвы не дошел, что он задержан и несет большие потери.

- Откуда узнала? - серьезно спросил Володя.

- Я нашу листовку подобрала и читала, - сочинила девушка. Не могла же она сказать, что только две недели тому назад она читала центральные газеты.

- И мы читали листовки. Только все вражеские: «Сдавайтесь, выходите из лесов. Уже Москва взята», - с горечью проговорил Саша.

Через двое суток Марийка и танкисты пересекли линию фронта. Их встретил лейтенант Кириллов.

- Я предчувствовал и верил, что вернешься. А некоторые сомневались в этом, - говорил обрадованный лейтенант. - Да что я разговорился. Возьми обмундирование, переоденься.

Володя Соловьев и Саша Черемухин были обрадованы такой встречей и удивлены отношением лейтенанта к Марийке. Они поняли, что девушка была направлена в тыл врага, но об этом им не сказала, хотя более суток шли вместе.

- Такова уж ее боевая профессия, чтобы остерегаться, - оправдывал ее поступок Саша.

- И не боялась идти с нами? — спросил Володя Марийку.

- Что же мне бояться, если вы меня боялись больше, особенно когда я уходила в деревню. Сознайтесь, ведь так было? - спросила разведчица.

- Откровенно, так и было. Боялись. Вдруг проговоришься или, чего доброго, нарочно выдашь. Ведь был у нас случай, как один предатель ушел в деревню за продуктами и привел за собой гитлеровцев. Хорошо, что мы загодя заметили и наша группа рассеялась. Вот и оказались вдвоем. С тех пор даже Саша боялся, как бы я его не оставил. - Володя посмотрел на своего друга и покачал головой в знак упрека.

Дрова, подброшенные в печку, разгорелись, и в землянке стало тепло. Бледное лицо раненого танкиста выражало усталость. Он подолгу смотрел, не моргая, на Марийку, словно стараясь запомнить все мелочи в ее поведении, движениях, незначительные черточки ее лица. Но стоило Марийке взглянуть на него, как Саша опускал глаза, отворачивался. Володя в это время, стараясь вспомнить все подробности, докладывал лейтенанту о наблюдениях в тылу врага.

Пришла машина разведывательной части. При прощании с Марийкой Саша прослезился – так он выражал свою признательность девушке за все, что она для него сделала за последние два дня.

- Если бы не ты, когда-то бы мы вышли, - говорил он. - Как только благодарить!

- Поправляйтесь, фашистов бейте сильнее, вот это и будет лучшим для меня подарком, - ответил девушка.

- Обязательно поправлюсь. И так буду бить оккупантов, что нигде им не укрыться! - ответил Саша.

Через неделю Марийка вновь ушла в партизанский отряд Шубина, но уже не одна. С ней была радистка Вера Кулик с маленькой радиостанцией. Девушки благополучно дошли до условленного места, где должен был их встретить староста Кузьмич. Но встретил не он, а старичок, которого Маринка видела в отряде Шубина.

- Гестапо Кузьмича казнило, - сняв шапку, ответил старичок. - Видно, в чем-то ошибся, кому-то много доверился.

ПО РОДНЫМ МЕСТАМ

Рано нагрянула зима в 1941 году. В ноябре прочно лег толстый слой снега, ударили морозы. На направлении, где действовала разведывательная часть майора Тараненко, противник захватил Селижарово, продвинулся от него немного на север и перешел к обороне. У фашистов не хватало сил, чтобы активно действовать на многих участках фронта. А они в это время выполняли план второго «генерального» наступления на Москву.

По-прежнему разведчицы, снимая серые шинели, надевали рваные шубенки, валенки, уходили в тыл врага. Глубокий снег затруднял их действия. Более же всего мешали предательские следы, которые оставались при переходе через передний край обороны. Однако ничто не могло сломить волю патриотов к борьбе. Разведчицы Мария Павлова и Нина Нечаева готовились к очередному заданию.

- Поймите, как трудно будет вам. Теперь не лето, когда каждый кустик ночевать пускал. Придется ходить по деревням, по фронтовым дорогам, всегда на виду у врага. Осторожнее ведите себя, - напутствовал комиссар Семенов. - Не горячись, Марийка. Ты идешь старшей, отвечаешь не только за себя, но и за Нину и за выполнение задания.

Комиссар Семенов уже немолодой. У него своя дочь в таком же возрасте, как и эта девушка. Она тоже в рядах Советской Армии, только где-то под Москвой. Всегда спокойный, Семенов заметно волновался. Он тяжело переживал гибель разведчиков. «Сделать так, чтобы они выполнили задание и остались живы», - думал комиссар, глядя на девушек.

- Кто проверял вашу экипировку? - спросил Семенов у них.

- Лейтенант, - ответила Марийка.

- Я ему доверяю. Однако и самому проверить не мешает. - Семенов внимательно осмотрел в меру порванную и зашитую верхнюю одежду, кофточки, юбки, шали, даже носовые платки. Ничто не могло вызвать подозрений. Но валенки ему не понравились. Они были почти новые. Сразу же напрашивался вопрос: откуда такие? Прошлогодние сохраниться не могли, а в этом году в продаже их не было.

- Идите на оклад, подберите подшитые. Хотя и не будет форсу, но надежнее – распорядился военком.

Переходу через линию фронта погода благоприятствовала. Дул сильный ветер, порошил снег, через пять минут заметал следы. Да и гитлеровцы в такую погоду обычно прятались в блиндажи, были невнимательны.

Очутившись в полутора километрах за линией фронта, девушки увидели группу женщин, ломанами и лопатами выдалбливавших в мерзлой земле окопы вблизи леса. Солдат-конвоир прятался от непогоды в землянке, метрах в двухстах от места работы. Разведчицы присоединились к женщинам. Знакомых они не встретили, поэтому не было и расспросов.

Когда же работавшим было разрешено на полтора часа отлучиться по домам, в тыл пошли и девушки. Совсем недавно они в городе Селижарове беззаботно проводили детство, здесь же наступила юность, в пору которой война заставила надеть серые шинели. Охваченные воспоминаниями разведчицы шли молча. Нина рано осталась без родителей, воспитывалась у тети Кати, не обижавшей, но и не баловавшей племянницу. Девушке хотелось скорее попасть на улицу Мирную, обнять свою тетю. Марийка не надеялась встретить родных. Ее отец - коммунист, и, наверное, вся семья эвакуировалась. А если не успела? Марийка, бывая в тылу врага, знала, что семьи коммунистов подвергались гонениям, а чаще уничтожению. Нет, не надеялась она увидеть здесь родных.

- К моей тете пойдем. Отогреемся. Осмотрим в городе. Да и поесть пора. Насчет хлеба - не знаю, а картошки будет вволю, - мечтательно проговорила скупая на слова Нина.

Возле девушек остановилась крытая грузовая машина. Шофер поднял капот и уткнулся под него. Из кузова выскочили три солдата, запрыгали возле машины. Один из них увидел девушек, закричал, показывая на валенки:

- Матка, карош фаленки?

- Гут, гут, - подтвердили другие.

Гитлеровцы подбежали к девушкам, сбили их с ног, грубо сдернули валенки и стали примерять.

- Нихът карош, отшень маль, - проворчал немец и далеко забросил валенки в разные стороны. Так же поступил и второй солдат.

Марийка еле себя сдерживала от желанья броситься на них, нагрубить, особенно тому, который самодовольно хохотал. Но ей пришлось разыгрывать покорность. Девушка заплакала, сняла с ног портянки и босиком пошла за своей обувью. Засмеялись и другие фашисты. Глядя на эту картину, шофер упорно молчал, потом сильно хлопнул капотом, завел двигатель. Солдаты перевалились в кузов, и, поднимая снежную пыль, машина скрылась под горой.

- Ладно, что комиссар не разрешил надеть новые валенки. Шагать бы теперь босиком, - серьезно проговорила Марийка.

Перед девушками открылась картина мертвого города. Развалины, присыпанные снегом. Ряды печей и труб указывали на бывшие улицы. А три-четыре месяца назад здесь стояли деревянные домики с раскрашенными наличниками, окруженные садами, палисадниками. Улицы днем всегда были полны не избалованных городским транспортом пешеходов, игравших детей, а под вечер они белели от гусей и уток, возвращавшихся домой с речки.

Рядом с подорванным мостом гитлеровцы навели через реку временный наплавной мост. Вход на него охраняли солдаты. Чтобы попасть в центральную часть города, моста не миновать. Хотя и холодно, но река еще не замерзла, посередине ее русла широкой лентой плыла серая шуга.

Находясь в тылу врага, нельзя быть долго в раздумье. Все действия разведчиков должны быть смелыми и быстрыми. Девушки же остановились и задержались на одном месте. К ним с моста направился солдат.

- Мы с работы идем, с работы, - стала объяснять Марийка, показывая, как они рыли окопы. - Там, там, - девушка показала в направлении железнодорожной станции, - наш хауз, дом наш. Мы туда идем.

- Не мошно, - ответил солдат.

- Там унзер мутер, мама, - слезливо проговорила Марийка. Нина тоже выдавила слезы, всхлипывала.

Солдат позвал еще двух охранников, посоветовался с ними и разрешил:

- Шнель, - махнул он рукой на мост.

Разведчицы в свободное от заданий время старательно изучали немецкий язык. На этот предмет ежедневно отводилось по два часа. Они знали - солдат ответил: «Быстрее», но нельзя было показывать, что они сразу поняли сказанное.

- Можно? - уже всхлипывая, просила Марийка.

- Мошно, мошно, матка, - немец взял Марийку за плечо и толкнул к мосту, а сам пошел к костру.

Девушки низко поклонились солдату, пролепетали «данке» и побежали. Очутившись на другом берегу, они решили перевести дух, оглянулись. Солдаты грелись у костра, но когда они увидели, что девушки остановились, замахали им руками, дескать, убегайте скорее.

- Пошли. Видно, они боятся своего начальства. Все же и среди немцев есть порядочные люди, только зажаты они, трусят пока.

Центр города так же, как и окраина за Волгой, сожжен дотла. Здесь фашистских солдат встречалось мало. На девушек, смело шедших по улице, никто не обратил внимания. Но сколько ни броди среди руин, сведений о противнике соберешь мало. Разведчицы решили проникнуть к железнодорожной станции. На этот раз им дорогу преградила незамерзшая река Селижаровка.

Проходя по одной улице, на которой не было целых домов, девушки догнали группу местных жителей, направлявшихся на станцию. Солдаты, охранявшие мост, документы не проверяли, и разведчицы беспрепятственно вышли в заречную часть города. Поднявшись в гору, они увидели почерневшую от пожара кирпичную коробку большого здания, в котором была школа. Пять лет бегала сюда Марийка, каждый день узнавала все новое и новое от своих учителей. И с каждым днем мир как бы раздвигал для нее свои границы, становился шире, интереснее. Почему-то запечатлелась сдача экзаменов за семилетку.

Был июньский солнечный день. В классе светло-светло. В школе непривычная тишина, казалось, никого в ней не было. Но только раздался звонок, как в коридоре вновь загудели, зашумели детишки, школа наполнилась бурливой жизнью. Марийка в кругу

своих подруг быстро сбежала по широким ступеням крыльца и бросилась к тополям на высоком берегу Селижаровки. «Вот к тем», - она посмотрела в сторону рощи.

- Как думаешь, Нина, удастся нам снова сесть за парты? - вздохнув, спросила Марийка.

- Не знаю. А очень бы хотелось, - ответила Нина. - И как же я себя ругаю, что не старалась в школе, ленилась! Если бы вернуться к тем дням училась бы только на «отлично».

Станционные постройки так же, как дома в центре города, сожжены, разбиты. Всюду торчали концы искореженных рельсов, балок, валялись обгорелые остовы вагонов. Вражеские солдаты и местные жители расчищали пути от завалов, укладывали новые шпалы, рельсы. Ни шатко ни валко работал железнодорожный кран. Около него пыхтел маневровый паровоз.

День клонился к вечеру. На ночь девушки ушли в соседнюю с городом деревню. Хозяйка-старушка всю ночь напролет охала от боли в пояснице и, глядя на девушек, плакала от печали по невестке и внучатам, эвакуированным в город Калинин. Вот уже прошло два месяца, как от них нет никаких вестей, и старушка очень беспокоится.

Поднявшись рано, заботливая бабушка напекла ржаных лепешек, наварила картошки, собрала завтрак для девушек. Она не хотела их будить - пусть поспят. «Легко ли им мыкаться по белу свету без присмотра родителей», - думала старушка, сидя на лавке у стола. Она с материнской нежностью смотрела на спящих раскрасневшихся беженок, поправила одеяло и опять замерла на лавке.

- Поешьте, - предложила хозяйка утром.

- Спасибо, бабуля, не откажемся, - бойко ответила отдохнувшая Марийка. - Перекрестимся, - шепнула она Нине, желая услужить старушке.

Девушки встали перед столом, внимательно вгляделись в угол. На божнице стояла потускневшая икона с ликом бородатого старца. Бабушка, наблюдавшая за Марийкой и Ниной, поняла, что они хотят молиться.

- Не надо внучки. Я и сама давно не верю, а для вида, чтобы полицейские не придирались. Вот уж кого бы надо казнить! Фашисты - на то они и фашисты - враги наши. А вот что полицаи думают? Лютуют пуще фашиста другого. Грабят, выслеживают, вынюхивают. «Коммунистка ты, что ли? Почему в доме иконы нету?» - намеднишь привязался один. Да на что мне такой бог, в которого верят и эти бандюги? А икону, вот, все же пришлось у соседей одолжить.

Выдавая себя за беженок из Селижарова, после полудня вторых суток девушки вошли в Пено, небольшой районный город, очень мало пострадавший от боев. Фронт далеко, даже не слышно артиллерийской стрельбы. Гитлеровцы располагались по домам.

Девушки смело ходили по городу, запоминали все, что видели. Только против одного здания, над входом в которое висел фашистский флаг, их остановил невзрачный, с глазами и мордой хорька мужчина средних лет.

- Кто вы? – грубо спросил он девушек и противным взглядом хищника впился в Марийку.

- Беженки. Из Селижарова идем.

- Знаю я, - скалил он широкие желтые зубы и махал перед девушками кулаками. – От партизан, поди, а не беженки. Документы давай!

По улице в ту и другую стороны по одному и группами проходили офицеры, солдаты. Некоторые останавливались, наблюдали за действиями полицейского, с любопытством смотрели на девушек.

Марийка и Нина долго шарили по своим карманам. Полицейский торопил, злорадствовал, что они не находят документы. Его глаза сузились, мордочка вытянулась, зубы оскалились. Он был готов броситься на девушек и душить.

- Вот они, - сказала Марийка, подавая свидетельство об окончании семилетки, удостоверение к значку БГСО, справку селижаровского старосты.

Полицейский прочитал, внимательно осмотрел печать старосты, сличил с оттиском печати в своей записной книжке и, сдвинув брови, вернул Марийке.

- Ваши, - протянул он руку к Нине.

Документы Нины оказались тоже в порядке.

Они подтверждали, что Нина в Селижарове жила до войны, а теперь ей разрешено уйти в тыл от линии фронта.

После такой проверки документов разведчицы сделали вывод, что надо быть более осторожными, меньше ходить по улицам, избегать предателей-полицейских. То, что в этом городе фашистов много, у девушек сомнения не было. До вечера разведчицы занимались выяснением численности гарнизона и номеров частей.

На ночь девушки остановились в доме на окраине города. Жилую часть его занимали солдаты, а хозяйка ютилась в кладовке, в которой было холодно.

- Поживите у меня, - ласково предложила она. - И мне не так боязно будет с вами. Замоталась я с окаянными. Через каждые две недели все новые, и начинают с того, что кипятят одежду, моются прямо в избе. Срамота одна. До чего же вшивые - и сказать невозможно. Все ведра, сколь есть, запоганили.

- Матка, вода! - раздался из кухни повелительный голос. – Шнель!

- Вот слышите? Покою не дают, проклятые. Уж ведер двадцать принесла. Все руки вытянула, а им все подай, жаловалась женщина.

- Давайте, мы сходим, - предложила Марийка.

- Что ж, сходите. Колодец недалеко, за хлевом, - подавая ведра, согласилась хозяйка.

Девушки вернулись быстро с полными ведрами. Они вошли в кухню, остановились у порога. Солдаты в одних кальсонах кипятили обмундирование. Противно было девушкам смотреть на них, но уйти им не разрешили. Тучный солдат вылил воду в бак и, вернув порожние ведра девушкам, распорядился:

- Нох вода! Шнель! (Еще воды! Быстрее!) Марийка бежала к колодцу. Нина отставала.

- По душе пришлась тебе работа? - спросила Нина. - А я вот не могу так спокойно смотреть на все это.

Сейчас ты носи ведра одна, а я забегу в хлев. Солдатскую книжку с табуретки взяла, надо ее прочитать, запомнить.

- Давай уйдем с книжкой и отнесем ее майору, предложила Нина.

- Что ты, нельзя так. Фашисты хватятся документа, хозяйку казнят, по дорогам хватать всех будут. А если у нас книжку найдут, то не миновать виселицы. А нас ждут, - ответила Марийка.

Следующую пару ведер, изгибаясь от тяжести, несла Марийка. Все тот же немец орудовал у котла. Он взял ведра, отвернулся от девушек, а она тем временем незаметно положила солдатскую книжку на то же место, где ее и взяла.

Ночью подул ветер. Поднялась сильная метель. В другое время девушки остались бы переждать такую погоду у хозяйки в каморке. Но им надо было торопиться со сведениями к майору. Идти к линии фронта по дороге - задержат фашисты, не оправдаться. Пробираться лесами - без малого тридцать километров. На это уйдет двое суток, да еще и неизвестно, где придется пересекать линию фронта. Обдумывая возможные варианты, разведчицы не спали до утра. Они, укрывшись шубенками

жались друг к другу, но было холодно. За стеной сердито выл ветер, жалобно скрипели жерди, приставленные к краю крыши.

Марийка представляла, как ее ждут в части со свежими данными о противнике. И доложить есть что. Гитлеровцы произвели замену частей, и установлен номер полка, выведенного в резерв в Пено. Где-то далеко прокричал утренний петух. Маленькое окно стало сереть. Нина заснула. Марийка мечтала о большом-большом подвиге; как бы она желала проникнуть в гитлеровский штаб, взять там самые важные документы и доставить их своему командованию! Сон закрыл и веки Марийки.

- Выходи на расчистку дороги! — услышали разведчицы противно сиплый голос и сильный стук в дверь.

- Да это вчерашний полицейский! - испуганно зашептала Нина. - Как быть?

Хозяйка вышла в сени, спросила:

- На часок или на весь день собираться?

- До Осташкова будем расчищать, - услышали девушки ответ полицейского.

- Это нам и надо, Ниночка, - обняла Марийка подругу. - Только бы попасть на самый дальний участок, к Осташкову. А там до передовой — рукой подать.

- Опять на дорогу гонят, - сквозь слезы жаловалась хозяйка. — каждый день вот так. Измучились. Хотя вы не показывайтесь на улицу, а то тоже заберут на дорогу.

- Можно вместо тебя пойти? - спросила Марийка.

- Не согласится Хищник. - Оказывается, такую кличку дали в народе полицейскому с мордочкой хорька.

- Тогда предложи, чтобы тебя оставили в этом городе, а мы готовы поехать дальше. Ведь нам безразлично, где быть: здесь или в другом месте. В Осташкове, может, двоюродную сестру найду. Она до войны там жила, - просила Марийка.

- Ладно, попрошу.

Желание девушек сбылось. Хищник был даже доволен, что сумел на самый дальний участок набрать беженок. Наблюдавший за работой полицейский поставил Марийку, Нину и еще пять женщин расчищать занос против леса. Работа шла медленно. Надзиратель был недоволен, ругался.

- Расчищай сам, прихвостень собачий, - сверкнув карими глазами, закричала на него высокая, плотная, подпоясанная армейским ремнем женщина, подступая к растерявшемуся полицейскому. Она шла на него смело, в руках сжимала лопату.

- Да я вас... тебя... - запрыгал коротышка полицейский. - За это тебя судить будут!

- Скажешь, тебе же хуже будет. Я не побоюсь соврать, что ты меня посылал к партизанам. На этом тебе и крышка будет. Ты уж лучше помалкивай.

Коротышка вскоре ушел.

- Наябедничает, - смотря вслед полицейскому, проговорила женщина в серой шали.

- Нет, такая паскуда побоится, - ответила высокая женщина.

Под вечер пурга усилилась. Марийка и Нина отошли «ненадолго в лесок», да так и не вернулись.

Увязая в снегу, они шли на зарева от вспышек ракет, на торопливые очереди автоматов и еще до рассвета были в штабе одной нашей части.

Сведения, принесенные разведчицами из тыла врага, были своевременными, для командования очень важными.

БУДНИ РАЗВЕДЧИЦ

В декабре установилась суровая русская зима. Лютые морозы сковали реки прочным бледно-лазоревым льдом. Толстый слой снега, как будто пуховое одеяло, лег на поля, спрятал следы осенних боев. Иней посеребрил молчаливые леса, украсил ажурной оправой каждую веточку, прутик.

Разбросанные по лесам маленькие деревеньки с еловыми рублеными приземистыми домиками, наполовину присыпанными снегом, казались еще меньше. Крохотные окна изб обледенели.

Вдоль улиц проложены санные дороги, а от них к каждому двору промяты узенькие тропинки. Еще до рассвета окна домов розовели, люди просыпались рано, топили печи, грели выхоладовавшие за ночь избы.

А как только начинал дуть свирепый ветер рвать с деревьев снежные наряды, крошить сугробы в пыль и бросать в разные стороны, лес шумел, стонал. Тогда по полям гуляла плотная поземка, заметала дороги, слепила путников, залезала им под

полушубки, со злым свистом налетала на деревеньки, заравнивала тропинки. Ветер задира л крыши, не выпуска л дым из труб. От душного чада люди задыхались, кашляли, терли глаза, открывали двери, впускали в жилища свежий воздух.

Часть майора Тараненко и размещалась такой деревушке в полукilометре от большой дороги. Сюда еще доносился гул артиллерийских налетов, но уже не слышна была трескотня пулеметов, автоматов. Бойцы этой части больше времени находились на передовой или в тылу врага, возвращались в деревню для того, чтобы подкрепиться, подучиться, подготовиться к выполнению нового задания.

В памятные дни декабря 1941 года разведчики, жили одной радостью со всем советским народом - великое сражение под Москвой завершилось победой Красной Армии, разгромом немецко-фашистских полчищ. Каждый день приносил радостные вести о новых и новых успехах на фронте.

- Читайте, девочки, Калинин освобожден, - положила на стол красноармейскую газету вбежавшая в избу Аля. - Вот радость-то какая! Ведь это наш областной центр!

Марийка читала газету вслух.

- Ах, как это великолепно! Скоро будем переписываться с родными, - воскликнула разведчица родом из Калинина.

- А теперь, девочки, собирайтесь на занятие. Одевайтесь потеплее. Опять пойдем в поле, в лес, - распорядилась Аля.

Намерзнувшись за день, по вечерам девушки рассаживались вокруг краснобокой железной печки и до

поздней ночи оживленно говорили о делах, о службе, вспоминали детство, юность, смеялись над ребятами, которые в старших классах не знали, как к ним обращаться: не то девочки, не то девушки. И те неповторимые дни казались самыми счастливыми в жизни. Проникновенно они пели песни, вкладывая в них всю свою душу. А потом вздохнет кто-нибудь из подружек, выскажет вслух свою печаль: «А меня еще никто не любил. Да и я тоже не испытала этого чувства» - и смолкнет. И пойдет долгий разговор о любви, о дружбе, о сокровенных тайнах девушек. Кто-нибудь предлагал завести патефон, и уже который раз слышались голоса Руслановой, Шульженко, Лемешева и Козловского. А когда очередь доходила до пластинок с записью танцев, в избе плавно кружились пары.

Равнодушной ко всему этому оставалась только одна Нина Нечаева. Среднего роста, полная, с крутыми плечами, говорившими о силе девушки, с широким, немного скуластым, но симпатичным лицом, она была неразговорчива, задумчива и немного замкнута. В небольших серых глазах затаена печаль, какая-то тоска, и только иногда ненадолго в них вспыхивали искорки радости. Она не любила рассказывать о себе, не любила слушать и других. Подруги не знали, какой у нее голос в песне - она никогда не пела. Нина жила в мире книг. Читала много, без разбора и с таким увлечением, что от книги ее можно было оторвать только силой приказа. Любимым романом был

«Война и мир» Толстого. Вечерами Нина обычно садилась спиной к стене, чтобы не заслонять свет подругам, ставила локти на стол, опускала на руки подбородок и замирала, склонив голову с копной густых темных, коротко подстриженных волос.

Один раз, чтобы не мешать Нине, девушки оделись и пошли на улицу. Они это сделали так осторожно, что Нина заметила уже тогда, когда подружки были в сенях - Нечаева быстро оделась и тоже пошла за ними: она не могла переносить одиночества.

Когда же Нина была в разведке, то преображалась до неузнаваемости: становилась находчивой остроумной, много шутила, смеялась. Она смело вступала в разговор с солдатами, держалась независимо, иногда грубила, даже дерзила им. На этот недостаток в поведении ей указывали начальники и подружки.

- Чтобы репей не пристаивал, его не надо задевать, лучше обойти стороной, - говорил майор Тарасенко. - Так и вы, Нина, поступайте в тылу врага. Зачем задираться?

Стыдливость и стеснительность украшают девушек. Но стыдливость Нины была так велика, что являлась причиной многих страданий. Она не могла зайти в избу и попросить хлеба, так и ходила голодная сутками. Однажды Нине, вернувшейся из тыла противника, на передовой предложили переспать ночь в землянке радистов, а утром обещали ее отправить на машине. Она согласилась, но вскоре исчезла. Девушка добралась до ближайшей деревни, идти дальше не могла - чувствовала большую усталость и слабость. Ей бы постучаться в окно какой-либо избы и попроситься переночевать, но она постеснялась, и остаток ночи провела в холодном сарае. Утром на попутной машине разведчица вернулась в часть с обмороженными пальцами ног.

- Ведь ты же не стеснялась носить воду фашистам, когда они были в одних подштанниках? - говорила Марийка, напоминая подруге о том, как они были в городе Пено. Чего же у себя дома стесняешься?

- Фашистов не стыжусь. Для меня они враги, с ними веду борьбу. А вот с нашими бойцами так не могу. Стесняюсь и чувствую себя нехорошо, если кому-то причинила неудобства, - рассуждала Нина. - А может, один из них - мой жених?

Как-то раз вечером к девушкам заглянул военком Семенов. Он рассчитывал у них пробыть не более десяти минут, чтобы успеть обойти все избы, в которых размещались бойцы, да ошибся.

- Нет, товарищ комиссар, сегодня от нас скоро не уйдете, - подставляя табуретку, проговорила Аля Морозова. - Конечно, простите, но вечер побудете с нами.

- Дорогие мои, да я и шел к вам для этого. Ведь, кроме вас, у меня никого нет, - отшучивался военком.

Семенова в части уважали. Что бы ни случилось, какая бы неприятность ни обрушилась на разведчика, какой бы он ни совершил поступок, всегда обращался к комиссару и всегда находил у него совет, поддержку. Служба разведчиков тяжела. Им приходится быть с глазу на глаз со смертью, не чувствуя своим плечом плеча товарищей. Для них теплое, откровенное слово человека, который в себе совмещает качества требовательного начальника, старшего товарища, близкого друга, крайне необходимо.

Уважали комиссара и за то, что, когда требовалось, он сам выполнял черновую работу рядового разведчика, предварительно отращивая русую с проседью бороду. Уважали его за справедливость, за человечность. Провинившийся боец не ждал от комиссара снисхождения. Тем не менее, говорил военкому все откровенно, полностью, не утаивая даже мелочей. И Семенов помогал молодому человеку выправиться. А ведь как необходима товарищеская поддержка, когда оступишься на дороге жизни, тем более в военное время, крутое и суровое.

Однажды, возвратись после выполнения задания, Марийка заболела. У нее болела голова, она ничего не ела.

- Ну что ты хандришь? - спросила ее Аля, - Что бы ты хотела сейчас съесть?

Долго не отвечала Марийка на второй вопрос, но все же не могла отмолчаться.

- Простокваши с сахаром, - ответила она, зная, что этого здесь не найти, значит, и подруга не будет больше беспокоиться.

Аля торопливо оделась, поцеловала Марийку, вышла во двор. Она встретила толстую, с двойным подбородком хозяйку и стала просить кринку квашеного молока, предлагая за нее деньги или сахар. Но тетя Фекла и слушать не хотела:

- Могу променять только за селедку, - ставила она условие.

- Пойми, что у меня ее нет, не знаю, где взять, - убеждала Аля. - Марийка больна и очень хочет простокваши, - упрашивала Аля. - Ну, продай, тетя Фекла.

Хозяйка была неумолима. Отвечала:

- Поболает да выздоровеет твоя Марийка. Вам нужна простокваша, а мне, может, так же нужна селедка. Нет, голубушка, не продам.

- Бесчувственная же ты, тетя Фекла. Если бы, допустим, был ранен близкий тебе человек и ему бы захотелось молока, ты и тогда бы стала торговаться? – попробовала Аля разжалобить скаредную хозяйку.

- Типун бы тебе на язык, - рассердилась Фекла. Она резко наклонилась, схватила пальцами подол, поднесла к носу и громко высморкалась.

Хозяйка, не переставая ворчать, сердито хлопнула дверью, пошла к соседке.

Аля провожала взглядом несговорчивую тетю Феклу до тех пор, пока та не скрылась в соседском доме, мысленно посылая ей вдогонку далеко недобрые пожелания.

Морозова обежала все дома, где имелись дойные коровы. Купить же кислого молока не смогла.

Домой возвращалась Аля с отвратительным настроением. «Да что это такое? За нее же, эту тетю Феклу, Марийка иногда жизнью рискует, а она... Нет, пойду и посмотрю на кухне», - решила Морозова.

На цыпочках, бесшумно и быстро Аля вошла на кухню. Хозяйки там не было. Подняв крышку ящика, девушка увидела две кринки скисшего синеватого молока. Положив пятьдесят рублей, она взяла одну криночку.

- У нас, как в сказке о скатерти-самобранке. Захотела простокваши с сахаром - и пожалуйста, - проговорила Аля, ставя тарелку на табурет перед подругой.

- Ой, как великолепно, милая Аллочка, - от удовольствия хлопала в ладоши удивленная Марийка. – Нет ли еще чего? Дай тогда хлеба. Так хочу! - попросила больная, съев простоквашу.

Занятые своими маленькими личными заботами, девушки забыли, что им надо было быть на уроке немецкого языка.

- Попадет теперь нам, - вздохнув, проговорила Марийка.

- Только мне. Ты же больна.

- И меня врач не проверял. Я тоже самовольничаю.

- Когда ты больна, а когда здорова, я лучше любого врача знаю, и вину за то, что ты лежишь, беру на себя. Готова хоть на гауптвахту идти, лишь бы ты была здорова, - с задором ответила, твердо зная, что хозяйка пожалуется начальству и даром ей это не пройдет. В душе свой поступок она оправдывала тем, что его допустила не из корысти, а для того, чтобы сделать приятное больной подруге. И тут же себя ловила: «Если все

так самовольно будут поступать, что тогда? Нет, придется нести наказание, не миновать его», - думала девушка и волновалась лишь об одном - не узнала бы об этом Марийка.

Только успела Аля убрать тарелку и порожнюю кринку, как в комнату вошла тетя Фекла. Вся красная, с перекосившимся от злобы лицом, размахивала кулаками, пискляво кричала:

- Я к главному пойду! Так не оставлю. Отучу шkodить-то!

Марийка, недоумевающая, смотрела то на разгневанную хозяйку, то на Алю. Она еще не понимала, что произошло, но видела, что тетя Фекла в чем-то обвиняет ее подругу.

- Вы получили полсотни? Получили. Чего же еще надо? И вообще...

Тетя Фекла расходилась все больше. Она швырнула деньги, выскочила из избы и побежала к дому военкома.

- И бежит-то, как утка, - пробурчала Аля, глядя, как Фекла, переваливаясь с боку на бок, торопилась по улице.

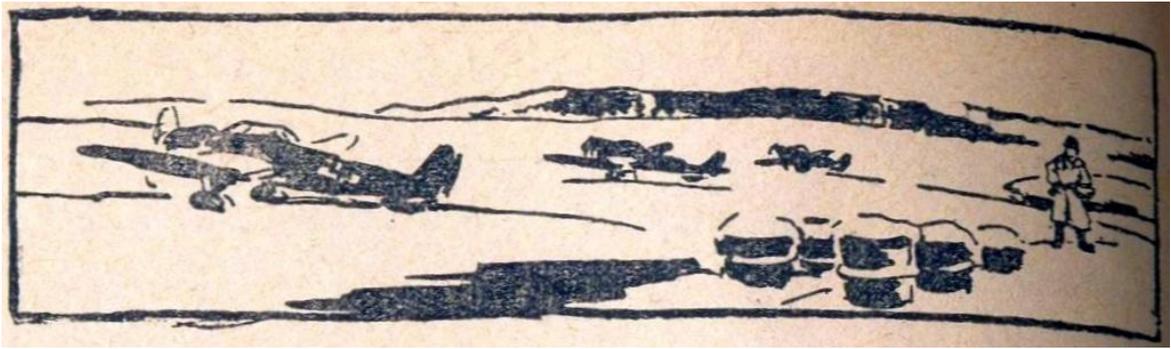
Через полчаса красноармеец Морозова стояла навтыжку перед военкомом Семеновым. Она не оправдывала свои действия.

- Нехорошо я поступила. Виновата. Не сдержалась. А о занятиях по немецкому языку совсем забыла, - отвечала Аля.

Морозова Аля отстояла на охране вещевого склада один наряд вне очереди. На военкома девушка не обиделась. Он прав. Самовольничать нельзя. Так же он прав, что у Али не хватает терпения, нет подхода при обращении с «отсталыми тетями». Это же для разведчиков большой недостаток.

...Военком Семенов у девушек пробыл до полуночи. Разговоры были на самые разнообразные темы. Сперва он говорил о положении на фронтах, о труде советских людей, об усилиях партии, направленных на разгром врага. Затем разведчицы засыпали его вопросами о дружбе, о любви, просили совета, как держать себя при знакомстве с ребятами. Когда Девушки пели, Семенов им подпевал.

- До чего же хороша жизнь, девушки. За нее есть расчет и подраться! - сказал он, одеваясь.

НАЛЕТ НА АЭРОДРОМ

- Аля Морозова и Мария Павлова, к командиру части, - войдя в избу, громко объявил писарь штаба с множеством морщинок на серьезном, задумчивом лице. Полгода назад он был колхозным счетоводом. Война заставила его отправить на фронт двух сыновей и самому надеть серую шинель.

- Сейчас придем, - отозвалась Аля и стала собираться.

В комнате, в которой обычно разведчикам ставились задачи, девушек встретил майор Тараненко.

- Командование поручило вам провести группу разведчиков дивизии к аэродрому, который вы обнаружили в тылу врага, - начал он. - С подробностями операции вас ознакомят в дивизии. Не уроните, девушки, чести нашего подразделения добровольцев.

Аля и Марийка волновались. И это понятно. Ведь им впервые предстояло идти в тыл врага не в одиночку или в паре с подругой, а совместно с группой дивизионных разведчиков. Вместе с этим увеличивается трудность перехода через линию фронта, да и действия в тылу врага совершенно не те, которые они выполняли прежде.

- Нам тоже дадут автоматы? - спросила Марийка у майора.

- Обязательно. Но вам придется взять и обычную одежду местных жителей.

Девушки возвратились на свою квартиру поздно ночью и сразу же легли спать. На следующий день они получили стеганные на вате брюки, телогрейки и белые маскировочные костюмы. Переодевшись, они часто подходили к помутневшему небольшому зеркалу, с интересом рассматривали себя, находя, что больше похожи на мальчишек. Девушек выдавал яркий румянец на щеках, блеск глаз, нежные черты лица, конечно, голоса.

- В таком костюме, Марийка, ты как настоящий парень, - восхищалась Аля. - Тебя бы сейчас и родной отец не узнал.

В соседнюю часть девушек сопровождал сам майор Тараненко. Подруги в пути более всего говорили о том, что их может ожидать.

- Знаешь, что меня беспокоит? Согласятся ли разведчики, чтобы мы были проводниками? Ведь силой не навяжет и начальник, - высказала Аля свое сомнение.

- Доверят. Да что, в самом деле, мы хуже ребят, что ли? Только бы подучиться стрелять,- ответила Марийка.

Машина въехала в большое село и остановилась у здания школы. Майор открыл дверку кабины, встал на подножку, постучал в бок кузова, предупредил:

- Приехали. Выгружайтесь, девушки, - Обошел машину, распахнул дверку будки. - Давайте вещички.

Аля подала майору два плотно набитых вещевых мешка, легко спрыгнула на землю. За ней вылезла и ее подруга.

- Идемте, - сказал майор и направился к школе. Девушки безмолвно взяли вещи и пошли следом за ним.

- Принимайте, товарищ Красавин, пополнение, - войдя в просторную комнату, обратился майор к высокому капитану.

- Прекрасно, коллега, - ответил капитан, поднялся и крепким рукопожатием поздоровался с майором. - Да тут, оказывается, старая знакомая!— произнес он, глядя на девушек.

Марийка, как только вошла в комнату, сразу же узнала в высоком капитане того начальника, который ее пригрел в своей землянке после первого перехода через линию фронта.

- Вот и еще повстречались, - проговорил капитан и положил на плечо девушки свою руку.

- Товарищ капитан, о раненом летчике, который тогда был со мной, вы ничего не слышали? - покраснев от смущения, спросила Марийка. Она часто вспоминала дядю Колю, один раз даже написала письмо, в котором просила начальника ответить, где и в каком состоянии летчик. Но не послала такой запрос - не знала, какому начальнику адресовать, а также не знала отчество и звание Коли. Позднее Марийка смеялась над

затеей с письмом: получается такой же адрес - «На деревню дедушке», - как у Ваньки Жукова.

Но тогда, в первые дни жизни в части, ей представлялось, что о таком герое, как дядя Коля, начальники в тот же день донесли в Москву. Ведь он не только сбил фашистский самолет, но и вернулся к своим, будучи раненым. Воображение девочки рисовало картину, как лично докладывали самому Главнокомандующему о подвиге Николая Рощина, как он распорядился лечить в лучшем госпитале и наградить дядю Колю орденом. Она была разочарована, когда Семенов ей сказал:

- Не посылай такое письмо. Не загружай напрасно штабы. Не найти того летчика только по имени и фамилии.

Потом Марийка и сама поняла, что письмо посылать не надо. Но все же стремилась как-то справиться о летчике. Увидев знакомого капитана, она не удержалась от желания спросить у него о Рощине.

- Нет, не слышал. Как тогда отправили в госпиталь, так больше о нем ничего и не знаю.

- И я тоже, - проговорила Марийка и под взглядом своей подруги опустила глаза вниз.

- Это хорошо, что вы уже обмундированы, - сменил тему разговора капитан. - У меня бы для них и валенок не нашлось, - сказал он, обращаясь к майору.

- Только не обижайте, но и не балуйте моих разведчиков, - улыбаясь, попросил Тараненко Красавина.

Вскоре девушки остались одни. Аля нахмурилась, сдвинула свои пухлые губы, глазами впиалась в растерявшуюся Марийку, которая не выдежала молчания и напряжения:

- Что с тобой, Аля? Почему ты так на меня смотришь?

- Как что? Ты до сих пор мне ничего не говорила о знакомстве с этим капитаном и с каким-то летчиком? Ничего себе, подружка! - возмутила Аля. - Почему ты это утаила?

- Какое тут знакомство? Когда я самый первый раз перешла через передовую, то оказалась с бойцами части этого капитана. А летчик был ранен, и я ему помогла добраться до своих. Какое же тут знакомство, если я не знаю фамилии капитана? Да и вообще, я еще мала.

В длинном коридоре слышались шаги, широко распахнулась дверь, и в комнату вошел капитан.

- Теперь, товарищи разведчики, давайте знакомиться. Ваш временный начальник, так сказать, опекун, капитан Красавин, - представился он.

Аля и Марийка тоже назвали себя.

Девушкам капитан показался каким-то сухим, казенным, официальным. В своей части к ним начальники никогда не обращались «товарищи разведчики», а всегда или по имени, или нежно «девушки». Аля посмотрела на Марийку, а та еле заметно пожала плечами, отвечая этим подруге: понимаю, дескать, что казенно, но разве от меня зависит?

- Теперь за мной! - скомандовал капитан Красавин и пошел из комнаты, - Вещи оставьте здесь, - распорядился он уже из коридора.

В штабной комнате было накурено. Едкий дым самосада щекотал ноздри девушек. При виде капитана находящиеся в штабе встали, одернули гимнастерки, меховые безрукавки. На девушек не обратили внимания. Писаря привыкли видеть в своем штабе добровольцев-подростков и воинов, которым перевалило за пятьдесят лет.

Капитан подошел к столу у окна и положил перед низеньким, средних лет человеком, нос которого оседлали большие очки в массивной роговой оправе, документы прибывших разведчиц. Заведующий делопроизводством прочитал бумаги, снял очки, недоуменно посмотрел на девушек, потом на капитана, тряхнул вьющейся шевелюрой, непривычно вытянулся перед капитаном, ответил:

- Сейчас же оформлю.

- Только никому ни слова об этих девушках, - шепотом предупредил капитан.

- Понимаю, - ответил заведующий делопроизводством и наклонился над книгой приказов.

Новые разведчики вскоре все же вызвали нескрываемое любопытство у посетителей штаба. Девушки слышали замечания:

- Совсем пацаны безусые, - сожалея, шмелем гудел бас великана-усача.

- Что от них проку-то? - слышался голос из темного угла под полатями.

Поставив на все виды довольствия, как принято выражаться у военных, капитан повел девушек в отдельное для разведгруппы помещение.

- Ничего, чернявые, не унывайте, - ласково проговорил он, заметив, что девушки волнуются, часто переглядываются. - Ребята у нас дружные, в обиду вас никому не дадут.

- Примут ли они нас проводниками-то? – беспокоилась Аля, заметив, однако, что Красавин не так-то формален, как показалось в первые минуты.

- Как это так – примут ли? Да они вас ждут. Вот в этом доме вы и будете жить, - свертывая с дороги на узенькую тропинку, сказал капитан. – Для вас отдельная комната приготовлена. Учтите, девушки, - вкрадчивым голосом предупредил капитан, - они ждут «бывалых разведчиков» с гвардейскими усами. - И Красавин мягко улыбнулся.

В сенях дома остановились. Из-за неплотно прикрытой двери слышалась безобидная перебранка:

- Сашка, черт ты такой, побрейся, - повелительно звучал высокий молодой тенор. - А ты, юнец, для чего усы оставил?

- Думаю, товарищ сержант, так все же солиднее.

- Мы тоже не «зеленые» разведчики, и нам нечего под них подыгрываться, - возмутился сержант. - Сейчас же побриться! А вы скоро смените подворотнички?

- Это к встрече с вами готовятся, - тихо сказал капитан, наклонившись к Але. - Они совершенно не ожидают, что к ним приедут девушки.

Красавин резко и широко открыл дверь, вошел в комнату, а за ним и девушки. Разведчики были заняты своими несложными делами: одни брились, причесывались, другие пришивали к гимнастеркам свежие подворотнички, третьи утюжили обмундирование, чинили полушубки.

Не без любопытства бойцы стали рассматривать вошедших. Но ведь не вдруг-то рассмотришь в сумерках.

- Знакомьтесь, товарищи. Это проводники из соседней части, - представил капитан. - А это бойцы группы, с которой вам предстоит действовать, - сказал он, обращаясь к девушкам.

- Проходите, ребята, садитесь, - предложила растерявшийся сержант, и посмотрел на своих товарищей.

Девушки поняли замешательство сержанта, причину вопросительных взглядов друг на друга. Они ждали бывалых, физически сильных и выносливых проводников, а к ним

прислали совсем мальчишек. Конечно, самолюбие разведчиков было ущемлено. «Была бы я на их месте, тоже обиделась бы не на шутку», думала Марийка, глядя на здоровых, как на подбор, крепких парней.

Посмотрев на сержанта, девушки молча прошли и сели на табурет, стали осматривать комнату. Пол чисто выскоблен косарем, до желтизны вымыт. Стол аккуратно застлан газетами. В правом углу из-под серого солдатского одеяла виднелись ровно сложенные матрасы. У входа на вбитых в стену гвоздях висели до блеска начищенные котелки, а около них, ближе к двери, - белые полушубки и шапки-ушанки. На перегородке между передней комнатой и кухней поблескивали синевой новенькие автоматы.

Марийке стало жарко. Она развязала тесемку капюшона и стянула его вместе с шапкой на затылок. Поверх ее белого маскировочного костюма рассыпались волнистые темные волосы. При свете только что зажженной лампы разведчики увидели девушку. Они замолчали, полуоткрыв рты, недоумевая смотрели на капитана. Красавин как будто только и ждал этого момента. Он подошел к молодому парню, наклонился, рассматривая отращенные усы, заметил:

- Никак, гвардейские отрастил? Солидность-то какая стала, сынок!

Напряженность, стоявшая до сих пор, сменилась взрывом смеха.

- Не успел побриться, - смущенно ответил разведчик.

- Другой приезжий тоже с кудрями? - тихо спросил у капитана сержант.

- Нет, второй с косами, - громко ответил Красавин.

Разведчики и девушки смеялись от души. И это добродушный смех сразу же отбросил во взаимоотношения «стариков» и «новичков» натянутость, недоверие и настороженность.

Познакомившись со всеми участниками предстоящего похода в тыл врага, девушки ушли в отведенную для них комнату.

- Учтите, товарищи, они много раз были в тылу противника, обнаружили аэродром, а теперь проводниками у вас будут, - предупредил капитан.

Начальником разведывательной группы капитан Красавин назначил лейтенанта Кравцова, молодого, способного командира, атлета по сложению. В 1940 году Кравцов окончил институт физической культуры, получил должность преподавателя в техникуме. В первые дни войны он ушел на фронт. Много раз ему приходилось выполнять задания командования по разведыванию врага, и всегда он выходил

победителем. За это лейтенант пользовался уважением и полным доверием со стороны начальников и подчиненных.

Приняв группу, Кравцов стал готовить бойцов к предстоящему рейду по тылам врага и налету на аэродром. Аля Морозова и Марийка сердились, иногда обижались на лейтенанта за излишнюю, как им казалось, доходящую до мелочей придирчивость. Он и девушек, так же как и мужчин, заставлял ходить на лыжах, перебегать от укрытия к укрытию, прыгать, преодолевать препятствия, по часу лежать в снегу, притаившись. Не раз им приходилось оттирать снегом побелевшие носы и щеки, отогревать окоченевшие руки и застывшие ноги.

Вот и день отправки группы Кравцова на задание. Десять разведчиков, одетых в белые маскировочные костюмы, с автоматами стояли на лыжах. На правом фланге лейтенант.

- За мной, марш, - скомандовал он и размашисто пошел из деревни к лесу. По его лыжне легко скользили другие разведчики. Встречный ветер румянил и щипал Марийкины щеки, пузырил на ее спине масккостюм. В лучах солнца снег искрился мириадами блесточек, слепил глаза белизной. Разведчики, погрузившись каждый в свои мысли, шли молча. Марийка была горда, что на ее долю выпало счастье вести бойцов в тыл врага, и наконец-то она получила автомат и сможет мстить гитлеровцам с оружием в руках. «Если бы сейчас на меня мама и братик посмотрели, то как бы они радовались за меня», думала девушка, отталкиваясь палками.

Через полчаса движения разведчики вышли к дороге, где встретили капитана Красавина.

- Устали? - спросил он Марийку, от которой больше, чем от других, поднимался пар.

- Нет, нисколечко, - ответила девушка, обидевшись. Да и как быть спокойной, если на каждом шагу товарищи и начальники выказывают жалость, сочувствие к ней. «Не доверяют, не надеются», - думала Марийка и досадовала на низенький рост, на свой вид совсем подростка.

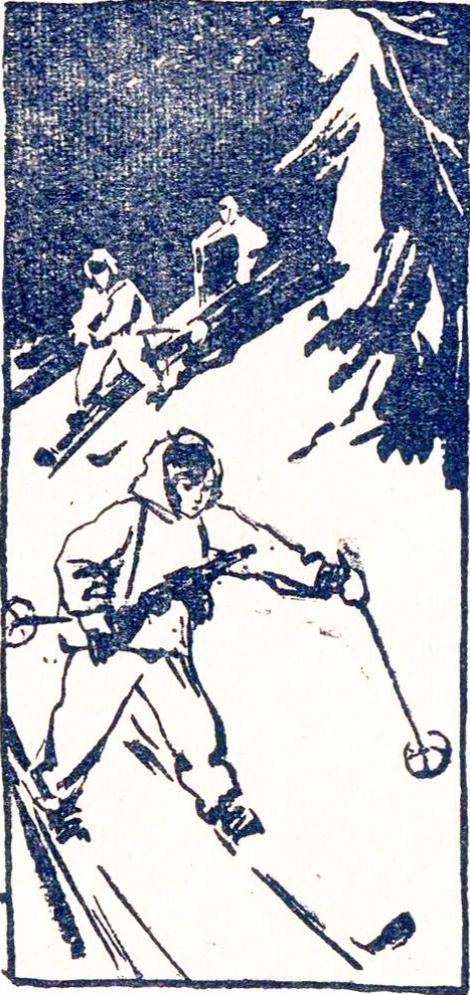
Дальше к передовой разведчики ехали на машине. Кто-то пытался запеть, его не поддержали, и песня затухла. Курящие нещадно дымили табаком. Лейтенант их оговаривал:

- Перестаньте. Не махорки жалко, а вас. Кашлять будете.

К передовой добрались тогда, когда солнце бросило последние лучи, скрылось за горизонтом.

- Дождетесь в этой землянке, - указал командир батальона капитану Красавину.

- Товарищи, закусить и поспать, - распорядился капитан, когда разведчики вошли в землянку.

Как быстро пролетает время, когда можно отдохнуть! Не успела Марийка прилечь, закрыть глаза, а капитан уже шумел:

- Вставайте, друзья. Пора. На наше счастье метель началась.

Марийка потянулась, в ее локтях хрустнуло. Быстро соскочила с нар и вместе с подругой выбежала на улицу, чтобы умыться снегом, прогнать сонливость.

Перед выходом разведчики с минуту сидели молча...

- Несколько слов о переходе через линию фронта, - вставая, проговорил капитан. - Наша артиллерия и пулеметы будут молчать, чтобы не вызывать у врага подозрений. Если же по ходу дела огневое прикрытие потребуется, то его дадим немедленно. Задача вам известна. Ну, кажется, все. - Капитан стал прощаться за руку. - Желаю, друзья мои, удачи, боевого счастья. Родина ваш подвиг не забудет. Теперь пошли.

В ходу сообщения командир саперного взвода доложил капитану, что в проволочном заграждении врага проход сделан и что два сержанта-сапера ждут разведчиков в окопе боевого охранения.

На передовой солдаты противника вели себя, как и обычно в темные пасмурные ночи. Подступы к своим позициям освещали ракетами, пулеметчики не целясь давали несколько очередей и замолкали на десять-пятнадцать минут.

Один за другим разведчики вылезали из окопа и, вставая на лыжи, быстро скрывались в темноте.

- Ну, дочка, счастливо тебе, - поцеловал капитан Марийку в лоб, помог ей вылезти из окопа. Девушка под собой не чувствовала ни ног, ни лыж. Ей казалось, что противник их обнаружил и нарочно подпускает ближе, чтобы расстрелять в упор. «Все же ползком куда спокойнее», - думала Марийка, впервые переходя линию фронта на лыжах. Впереди справа глухо хлопнуло. Отбрасывая искры, с шипением взлетела ракета, ярко вспыхнула, задрожала бледным светом и рассыпалась, погаснув. Девушка

лежала, плотно прижавшись к снегу, наблюдала, как в свете ракеты будто пенилась разыгравшаяся метель.

Сколько раз пурга и непогода выручали разведчиков, укрывая их от противника. А как радовались разведчики такой погоде, в которую добрый хозяин не выгонит со своего двора собаку. За одну ночь группа лейтенанта Кравцова ушла так далеко в тыл, что не слышны стали артиллерийские выстрелы. К утру она остановилась в густом хвойном лесу.

Бойцы подошли к командиру.

- Скоро должны выйти к железной дороге, - сориентировавшись по карте, объявил лейтенант. И как бы в подтверждение слов Кравцова разведчики услышали грохот близко проходящего поезда.

- Идем точно. За мной! - скомандовал лейтенант и зашагал к железной дороге. Спереди показались просветы в лесу, и разведчики в ранней утренней синеве увидели нити рельсов, массу пней от вырубки деревьев по сторонам дороги.

Лейтенант поднял руку - сигнал внимания, потом помахал рукавицей над головой, это значит, что все бойцы должны подойти к нему ближе.

Марийка отличалась острым обонянием. Она быстро втянула в себя несколько раз свежий воздух подошла к лейтенанту и прошептала:

- Дымом пахнет.

- И я чувю, - подтвердил сержант Копылов, - Разрешите, товарищ лейтенант, проверю, - предположил он командиру группы.

- Только осторожнее, посмотри и обратно. Никакого шума, - предупредил Кравцов.

- Всех можно перебить, и не пикнут, - запыхавшись, докладывал возвратившийся сержант, - Забрались в маленькую землянку, снаружи никого, горланят песни. Разрешите, товарищ лейтенант? - спросил сержант, показывая на гранату.

- Нельзя и думать об этом. Мы имеем определенную задачу и должны ее выполнить, а не делать по пути скандалы, - ответил лейтенант, - За мной!

Разведчики пересекли железнодорожное полотно, пурга вскоре замела их следы.

- Привал. Курить еще нельзя, - распорядился лейтенант, наблюдая, как курящие откашливались, зажав рты рукавицами.

Бойцы расстегнули крепления и освободились от лыж. Одни отдыхали лежа, другие сидя. Марийка вытоптала в снегу глубокую яму, положила на ее край лыжи и села, прислонившись к дереву. Она устала. Все же как-никак, за ночь, в такую пургу, по незнакомому лесу, разведчики прошли более тридцати километров.

Девушка радовалась, что благополучно миновала передовые позиции противника, железную дорогу и ушли далеко в тыл врага. Она прислушивалась, как в ее груди колотилось сердце. Марийка за последнее время с каким-то страхом замечала за собой, что реже и реже стала думать о детстве, о довоенной жизни, даже о родных. Конечно, ей было очень грустно по ушедшим временам, болью щемило сердце, когда она вспоминала маму, отца и брата. Но эта боль была уже не так остра, как три месяца тому назад, не всякий раз грустные воспоминания заканчивались слезами. Чувство постоянной опасности в тылу врага настойчиво вытесняло уже пережитое, ушедшее в прошлое.

- Красота-то какая! - воскликнула девушка, оглядевшись вокруг. - Аля, посмотри-ка!

Марийка и раньше любила лес в зимнем убранстве. Ее внимание всегда привлекали своим величием ели, высоко взметнувшие вершины и плотно скрестившие широкие лапы. Девочке казалось, что старые деревья нарочно так делают, чтобы укрыть от непогоды маленькие, еще слабенькие, присыпанные снегом елочки. Однажды во время лыжной прогулки с подругами по школе Марийка выбежала на широкую поляну. Белизна снега резала глаза. А когда она осмотрелась, то увидела рябину с ярко-красными кистями. Это было так неожиданно, что Марийка не удержалась от восхищения, позвала подруг. Девочки долго любовались плотно прижавшимся к стволу толстой березы деревцем с тонкими прутьями, обвисшими под тяжестью ягод.

- Давайте нарвем, - предложила тогда одна из девочек.

- Не надо. Ведь это так красиво, - возразила Марийка. - Пусть так и останутся. Другие увидят, тоже будут рады.

- Может, сюда больше никто и не придет, - продолжала первая девочка. - Налетят птицы и все склюют.

- И то будет польза. Птички - друзья леса, - не отступала Марийка, повторяя понравившуюся ей фразу, услышанную от учительницы.

Так и ушли тогда девочки домой, не нарвав ягод. Марийка живо вспомнила об этом, увидев вдалеке кисти рябины.

- Лес как лес. Тихо, фашистов не слышно, - ответила Аля и посмотрела по сторонам, ни на чем не задерживая свой взгляд.

Восторг Марийки был непродолжительным. Она смотрела на лес глазами бойца, солдата и видела в нем или своего союзника, покровителя, или своего злого недруга, если он встречал огнем притаившихся за деревьями автоматчиков противника. Она боролась за жизнь, и эта борьба заставила девушку во всем видеть в первую очередь то, что ее усиливало или ослабляло в этой борьбе.

Минует, отгрохочет война, настанет мир, боевые будни уступят место мирным. Осколки разорванного металла разъест ржавчина. Глубокие воронки и траншеи распашут земледельцы. Упадут искалеченные войной деревья, а на их месте поднимется крепкая молодежь. Марийка многое забудет из того, что сегодня ее волнует, будет нежной, любимой женой и чуткой, отзывчивой бабушкой. Не беда, что она не расскажет своим внучатам о расцветке неба в тот вечер, когда ее «царапнуло» на передовой, не вспомнит, желтые или багровые листья были на зарослях дикого хмеля у ручья, около которого она плакала навзрыд, не зная, как через него перенести раненого летчика. Не осудят ее за это внуки. Они будут слушать свою бабушку, затаив дыхание, и в их воображении она будет именно тем солдатом, который нанес решительный удар по немецко-фашистским полчищам.

- Можно курить, - разрешил лейтенант.

Четверо разведчиков засуетились, затрясли кисетами, алюминиевыми коробками-протабашниками, сделанными ротным умельцем из продырявленного котелка. На крышках протабашников была нанесена гравировка по заказу владельцев. У Сережи Хлебникова, красивого, могучего великана-сибиряка, с крышки смотрела деревянная изба, занесенная снегом, на переднем плане часть ствола кедра с тремя массивными ветвями, повисшими над крышей дома. Вдали на горизонте лес. В верхних углах - пятиконечные звезды, а в нижних - сердца, пронзенные стрелами, встретившимися посередине крышки.

- Неспроста я так заказал, - объяснял Сережа смысл узора на протабашнике. - Звезды - символ нашей страны. Домик, кедр, ну весь этот вид, - он обводил пальцем в середине крышки, - это моя родина, Сибирь, значит. Ну а внизу - моя личная жизнь, любовь.

У радиста Валерия Субботина, мечтательного паренька из Москвы, на протабашнике выгравирована мачта радиостанции имени Коминтерна, а за ней - стена Кремля и контур Спасской башни.

Разведчики закурили. Тонкие струйки дыма поплыли кверху и быстро таяли.

- Думаю, и вам пора, - сказал Кравцов Але Морозовой.

- Да, товарищ лейтенант, - ответила та и обратилась к Марийке: - Пошли.

Девушки взяли громоздкие мешки, которые до этого поочередно несли ребята, скрылись в густой заросли елок. Они сняли все то, что могло подтвердить их принадлежность к армии, надели длинные цветастые платья, старенькие шерстяные платки, стоптанные подшитые валенки, залатанные овчинные полушубки. Затолкав в мешки военное обмундирование, девушки вышли к изумленным разведчикам.

- Вас теперь и не узнать. Совсем изменились, - встретил их лейтенант Кравцов. - Покушайте - и в путь.

Девушки вышли на проезжую дорогу и направились в село, расположенное около аэродрома. Сержант Копылов и Сережа Хлебников проводили разведчиц до опушки, влезли на высокую ель. Они видели, как девушки вошли в село и скрылись в первом же доме.

Разведчицы вернулись под вечер. Аля докладывала лейтенанту:

- Только мы вошли в село, в конце его увидели толпу женщин и стариков под конвоем гитлеровцев. Думая, что фашисты угоняют население, мы сразу же заскочили в первую избу. Назвались беженками. Вскоре в дверь шумно вбежал солдат с автоматом на изготовку.

- Ком, матка, ком! - закричал он. В комната сразу же запахло водкой.

- На кого я дочку-то оставляю, - стала просить хозяйка, женщина, лет тридцати.

- Ком! - еще грубее вскричал солдат. - Ком! - махнул он автоматом и в нашу сторону.

- Ладно, пойду, - ответила хозяйка, снимая с вешалки ветхое пальтишко на тонком слое ваты. - Не плачь, моя доченька, скоро вернусь, - успокаивала она девочку, глядя по русой головке. - Расчистим аэродром, и снова буду с тобой.

Услышав, что фашисты собирают жителей для расчистки снега на аэродроме, мы переглянулись - лучше ничего не придумать, чтобы туда пробраться. Часа четыре работали и все, что нужно, высмотрели. В село вернулись вместе с жителями. Хозяйка предлагала остаться у нее, поесть, но мы, сославшись на то, что до наступления комендантского часа надо дойти до соседнего села, ушли.

- Это прекрасно, девушки, - одобрил лейтенант. - Теперь докладывайте главное.

Аля и Марийка подробно сообщили обо всем, что они видели в селе, на аэродроме, о подготовке гитлеровцев к новогоднему пиршеству в здании школы, об охране складов и их расположении.

- Один белобрысый солдат меня даже на бал пригласил, - широко улыбнувшись, закончила Аля.

- А вы что ответили? - спросил лейтенант.

- Согласилась, - засмеялась Аля.

Время для налета на аэродром противника Кравцов наметил на час ночи. Он рассчитал, что к этому времени у гитлеровцев пьянка будет в разгаре.

В полночь фашисты открыли стрельбу из автоматов и пистолетов, салютуя уходящему и новому, 1942 году. Вереницы трассирующих пуль быстро поднимались ввысь и там гасли.

Разведчики бесшумно подбирались к намеченным объектам нападения. Саше Волкову, Косте Белову и Марийке было поручено поджечь склад с горючим. Еще днем девушка заметила четыре ряда железных бочек, аккуратно замаскированных снегом, высмотрела, где ходит часовой и как можно его снять без стрельбы. Ночью Марийка вывела разведчиков к складу горючего. Часового сняли быстро, он не успел и вскрикнуть. Девушка с автоматом встала на дороге, идущей от караульного помещения, а ребята закладывали взрывчатку в центре склада.

Подорвать авиационные бомбы лейтенант взялся лично. У него проводником была Аля. И у этого: склада разведчик снял часового без стрельбы, заложил взрывчатку. Лейтенант ждал наступления установленного времени.

- Аля, вот мой планшет. Возвращайся к месту сбора. Тут карта и записи о противнике. Ровно в час подам сигнал, подорву бомбы и вернусь, распорядился лейтенант.

- Без вас не пойду, - заупрямилась Аля.

- Товарищ красноармеец, выполняйте, - повторил приказ командир разведгруппы так строго, что Аля поползла в лес.

Девушка оглянулась, когда в небе зеленым светом горела ракета. Она увидела сцепившихся в рукопашной схватке лейтенанта и гитлеровца. «Откуда он взялся? Ведь смена часовых должна быть в два часа», - думала она. Аля, забыв о маскировке, побежала на помощь командиру.

- Прочь от склада! Выполняй приказ! - крикнул Кравцов девушке. - Скорее уходи. Будет взрыв. Прошу тебя.

Аля бежала к лесу. В стороне села замелькали вспышки выстрелов. Вступили в бой бойцы прикрытия. Их задача - задержать гитлеровцев и дать возможность товарищам отойти после диверсии.

Сильный взрыв потряс землю. Вспыхнуло широкое зарево. Аля оглянулась, но лейтенанта больше не видела. Там, где был склад, - облако черного дыма, временами раздираемое разрывами бомб.

При налете на аэродром погиб лейтенант Кравцов. Это видела Ада. Не вернулся на место сбора Миша Шатров, всегда стеснительный, спокойный, двадцатилетний комсомолец. Он в свободные минуты любил складывать частушки, рисовать карикатуры на фронтовые темы. Мише была поставлена задача блокировать дом, в котором размещался штаб противника, и где по случаю праздника пьянствовали их летчики. Дождавшись сигнала, Миша застрелил часового, вбежал в избу и взорвал три гранаты. Было убито шесть и ранено пять гитлеровцев. Но погиб и Миша Шатров. О его смерти разведчики узнали уже позднее, после освобождения села от захватчиков.

Задерживаться вблизи от места диверсии нельзя. Разведчики ушли в глубь леса. Радист Субботин связался со штабом, доложил о налете. Бойцы молча проверяли лыжи, оружие, снаряжали магазины автоматов, курили. Они по-разному переживали потерю товарищей.

Аля плакала. Гибель лейтенанта Кравцова для нее была большой утратой. Девушка еще никогда не любила и опасалась этого чувства. Война и любовь в ее понятии были несовместимы. Она высмеивала тех ребят, которые пытались за ней ухаживать.

Встретившись с Кравцовым, девушка растерялась, дрогнуло и заняло ее сердце в неизвестной истоме. Был бы лейтенант в обращении таким же, как многие другие, возможно, ей легче было бы справиться с собой. Но он был не такой. Смелый, решительный в разведке, требовательный, настойчивый и прямой командир на занятиях, оставаясь с Алей наедине, чувствовал себя связанным, становился молчаливым.

- Ой, Марийка, не знаю, что и делать с собой. Все ноет и ноет в груди, - однажды ночью пожаловалась Аля подруге. - Сказал бы он: «Иди со мной на край света, через огонь и муки» - и пошла бы, не раздумывая. Мала ты, Марийка, не понять тебе это.

- А он что?

- Одно только: «Красноармеец Морозова, мы к ответственному заданию готовимся. Надо больше закаляться физически». Один раз я спросила: «Почему вы не назовете меня по имени?» Он даже побледнел, протянул ко мне руки. Я ждала, что он обнимет. Но Кравцов как будто испугался, повернулся и ушел к капитану.

- Может, ты ему не нравишься? Может, он другую любит?

- Вот и дело-то в том, что он меня любит и меня же боится. А еще больше боится сам себя. Ведь я вижу и замечаю.

И вот лейтенанта Кравцова не стало. Аля плакала, не скрывая от товарищей своих чувств. Ей в этом не мешали. Горе со слезами легче проходит.

Трудным и опасным был для разведчиков обратный путь. По деревням и дорогам рыскали дозоры эсэсовцев. Над лесами кружилась «рама» - двухфюзеляжный разведывательный самолет противника. Подобно коршуну, она выслеживала добычу в оголенных зимних лесах, с небольшой высоты ее экипаж проверял дороги, отыскивал лыжные следы, высматривал, нет ли где над лесом синей струйки дыма.

В одной из стычек с гитлеровцами пал смертью храбрых Степан Жуков, получили ранения Саша Волков в руку и Марийка в ногу. Напав на следы разведчиков, фашисты настойчивее преследовали их, однако, не углубляясь в леса. Они перехватывали дороги, которых советским бойцам не миновать при движении к линии фронта. В одном глухом месте на дороге разведчики подбили легковую машину, захватили в плен майора Курта Лема, длинного, сухого штабного офицера.

После этого движение группы стало медленнее. На лыжах гитлеровец шел неумело, неловко, часто останавливался, снимал фуражку с наушниками из сукна и вытирал пот с лысой головы. По поведению майора видно было, что он стремился затянуть время, зная надеялся на погоню. Сережа Хлебников пригрозил фашисту автоматом, и майор пошел быстрее. Не могла самостоятельно двигаться Марийка. Ее везли на санках, сделанных из лыж.

Недалеко от линии фронта разведчики столкнулись с отделением гитлеровцев. Уклониться от боя не удалось. Связав пленного майора и заткнув ему рот тряпкой, разведчики оттащили его подальше в лес. Сержант Копылов приказал охранять «языка» легко раненым Марийке и Саше Волкову.

Началась перестрелка. Фашисты ползли к лесу открытым полем. Им навстречу вели огонь два наших бойца. Четверо разведчиков во главе с сержантом отошли в сторону, залегли в засаде, а когда вражеские солдаты были готовы броситься в атаку, с фланга открыли огонь по противнику.

Саша Волков побежал на помощь своим товарищам, оставив Марийку присматривать за пленным офицером. Майор стал кататься, тереться лицом по снегу. Он стремился вытолкнуть изо рта тряпку и развязать руки. Разведчица, преодолевая боль от раны, подползла к немцу, с большим трудом приподнялась на колени, размахнулась и ударила гитлеровца по голове прикладом автомата. Фашист вздрогнул и вытянулся.

- Спокойнее будешь, гадина, - выругалась Марийка и поползла к опушке леса, где шел бой. Вскоре сзади раздалась автоматная очередь, девушка услышала свист пуль. «Обошли!» - мелькнула у нее мысль. Она, не чувствуя боли в ноге, быстро спряталась за толстым стволом дерева и увидела, как к ней бежали два солдата противника. Первой очередью девушка убила одного гитлеровца. Второй же солдат, спрятавшись за дерево, продолжал стрельбу. Пули резко тукали в мерзлые стволы, пронзительно визжали на рикошетах. Марийка, экономя патроны, отвечала короткими очередями. Она более всего опасалась, чтобы гитлеровец не увидел майора и не развязал бы его. Вскоре стрельба на опушке прекратилась.

Первой к Марийке подбежала Аля. Она опустилась около подруги на колени, прижала ее голову к своей груди, стала целовать в щеки, приговаривала:

- Молодчина ты! Не растерялась. Жива, моя родная!

Собрались все разведчики группы.

Сержант Копылов был недоволен поведением Саши Волкова. Нельзя было оставлять раненую Марийку одну с пленным.

Ночью не замеченные врагом разведчики перешли через линию фронта, а утром они подробно доложили сведения, собранные о противнике, а также о результатах налета на аэродром и боев при столкновении с гитлеровцами.

- Показания «языка» - майора Курта Лема - как нельзя кстати, - говорил старший начальник и благодарил разведчиков.

МАРИЙКУ ПРИНЯЛИ В КОМСОМОЛ

Капитан Красавин тепло поблагодарил девушек за их мужественное поведение при выполнении задания. В его словах, в действиях не было прежней официальности. Он был добрым, заботливым.

- Мы получили новогодние подарки. Оставили и вам, девушки. Получайте, - капитан вручил посылки Але и Марийке.

Посылки небольшие. Марийка распоролла холстину, оторвала фанерную крышку ящичка. Сверху лежало письмо от учеников шестого класса далекой сибирской школы. Детская ручонка старательно вывела: «Дорогой боец! Бейте фашистов так, чтобы они нашли гибель на просторах нашей любимой Родины. Мы знаем, вы сражаетесь за наше счастье. Мы этого никогда не забудем. Обещаем учиться только отлично, а когда вырастем, будем работать не покладая рук. Извините, что подарок не так-то богат, но он от чистого сердца. Желаем вам здоровья, боевого счастья».

Девушки внимательно разобрали содержимое посылок. Кисеты, бритвенные приборы они отдали ребятам. Плотную завязанную банку с душистым медом Марийка поставила на стол, попросила ее вскрыть и пригласила всех, кто был в избе, на «ложку сибирского меду».

С улицы послышался гул автомашины, который оборвался против дома. В избу вошла пышущая здоровьем краснощекая с русыми кудряшками, выбившимися из-под шапки, медицинская сестра.

- Я за ранеными, товарищ начальник, - обратилась она к капитану.

- Вот один, - указал Красавин на Марийку, лежавшую на деревянной кровати. - Второй за стеной. Сейчас их соберем. Погрейтесь пока.

Медсестра быстро скинула беленький с закрученными рукавами полушубок, вымыла руки и стала расспрашивать о ранении, а затем осматривать Марийку.

Проводить девушек пришли все разведчики. Они жали им руки, желали успешно бить врага, здоровья, а если и придется быть ранеными, то только легко.

Аля вернулась в свою часть, Марийку отвезли в полевой госпиталь на излечение. Ранение легкое, без повреждения костей. Однако мякоть ноги выше колена была порвана. Операцию провели под местным наркозом. Марийка часто ощущала острые боли, вздрагивала, на лице выступал пот.

Военком Семенов навестил Марийку в тот же день, в который ее положили в госпиталь. Девушка после операции крепко спала. Ее лицо было бледным, казалось постаревшим, под глазами и на высоком лбу легла густая сеть мелких морщинок.

- Все раненые первые дни отсыпаются, тихо сказала, обращаясь к Семенову, девушка с соседней койки. - Я целые сутки спала.

Длинные пушистые ресницы Марийки вздрогнули, медленно раскрылись.

- Товарищ комиссар! Это вы? – обрадовано проговорила она. - Здравствуйте.

- Здравствуй, Марийка, дорогая наша малютка, - ответил Семенов, поправляя одеяло. - Ну как себя чувствуешь?

- Хорошо. Врач сказал, что все обойдется, и я скоро встану, - уверенно ответила девушка.

- Мне он так же сказал, - поддакнул военком, доставая из сумки три письма. - Вот получай. От подруг. И подарочки прими, - показал он рукой на свертки, лежавшие на тумбочке. - Поправляйся скорее.

Марийка была счастлива, щеки порозовели, глаза заблестели от набежавших слезинок признательности, улыбка не сходила с лица. Она бережно взяла письма, прижала к груди, потом к губам.

- Спасибо всем-всем нашим, спасибо и вам, товарищ комиссар.

Долго разговаривали военком части и красноармеец-разведчик. Много у них было общего, волнующего. Семенов рассказал о последних событиях в части, о разгроме немцев под Москвой. И когда, казалось, обо всех больших делах переговорили, Семенов сообщил:

- Новый набор патефонных пластинок получили. Такие хорошие песенки - заслушаешься. Поговорю с врачами и, если они разрешат, пришлю сюда патефон с пластинками.

Вот бы мы все обрадовались! - вступила в разговор девушка с соседней койки. - По мне, кажется, песенкой и музыкой можно вылечить скорее, чем микстурой.

- Если не устала, то теперь твоя очередь рассказывать, Марийка, - предложил Семенов. - Не все говори о походе, а только уточни два момента: как вы с Алей разведывали аэродром, и как ты охраняла пленного майора. Между прочим, «язычок» доставлен ценный.

Наступили вечерние сумерки, а комиссар все еще сидел у Марийки. Быстро летит время за разговорами.

- Поздравляю, дочка! На тебя и на Алю в Военный совет армии поданы документы о награждении орденами.

- Спасибо, товарищ военком.

- И еще очень важное для тебя сообщение, - военком наклонился к Марийке и продолжил: - Как только вернешься в часть, будем разбирать твое заявление о приеме в комсомол. Почитай здесь Программу и Устав. Возьми, - комиссар подал две тоненькие брошюры, стал собираться.

- Товарищ комиссар, посидите еще, - удерживала девушка. - Откровенно скажу - о вступлении в комсомол я давно мечтаю. Но примут ли меня? Ведь я еще ничего такого не сделала. Комсомольцы на Амуре целый город построили. Вот то герои, а я... Как думаете, примут?

- Примут, Марийка. Защита Родины всегда была в почете.

- Вы не слышали, как чувствует себя тот разведчик, которого вместе со мной привезли?

- спросила девушка после некоторой паузы. - Его Сашей звать.

- И о нем говорили врачи. Операция прошла хорошо. Ранение в мягкие ткани руки без повреждения кости.

Марийка заулыбалась радостней, ее лицо залил румянец.

- Спасибо, товарищ комиссар, за все спасибо. - Только бы в тыл не увезли, - на прощание высказала свои опасения девушка.

Марийка поправлялась быстро. Наступил и день выписки. Радостная, возбужденная вернулась она в свою часть. Подруги тискали Марийку в своих объятиях, целовали. Вечером пришли девушки из соседней избы, состоялся «бал», посвященный возвращению Марийки из госпиталя. Девушки заводили патефон, проигрывали новые пластинки, пели, танцевали. В вальсе кружились и Марийка с Алей.

Как и предупреждал комиссар Семенов, вскоре было созвано комсомольское собрание. На повестке дня были два вопроса — об авангардной роли комсомольцев при выполнении заданий и прием в ряды ВЛКСМ разведчиц Оксаны Гай, Гали Афанасьевой и Марии Павловой.

При обсуждении второго вопроса первой принимали чернобровую, с тугими тяжелыми косами украинку Оксану Гай. Она вышла к столу президиума, повернулась лицом к собравшимся. Девушка залилась румянцем, в руках нервно перебирала зелено-серый армейский берет. Она стояла прямо, смотрела на комсомольцев таким взглядом, как будто искала у них поддержки. Всегда веселая, Оксана стала серьезной, с ее щек исчезли ямочки. Когда она наклоняла голову, смотрела вниз, то ее длинные ресницы совсем закрывали черные глаза. В этой притихшей, скромной девушке нельзя было узнать отчаянную разведчицу.

Марийка восхищалась действиями Оксаны, втайне мечтала быть похожей на нее. Да и как не стремиться подражать храбрости Оксаны?

Однажды разведчица Гай возвращалась из тыла врага. Фашисты ее задержали на своих передовых позициях. Компрометирующим являлись немецкие газеты и журналы, которые несла Оксана. Солдаты тесным кольцом обступили девушку, смеялись, высказывали на своем языке пошлости. И казалось, не было никаких надежд на избавление от позора и смерти. Но Оксана не теряла самообладания, надежды вырваться из плена.

К блиндажу подъехал расстроенный, возбужденный всадник, осадил лошадь, быстро, хотя и неумело, спрыгнул на землю и молча пошел в блиндаж. За ним направились и другие. Остался один плюгавенький гитлеровец, который, оскалив гнилые зубы, подошел к девушке, двумя пальцами взял ее подбородок. Но вскоре и он убежал в укрытие на крик офицера.

Оксана схватила газеты и журналы, подбежала к коню, подобрала поводья, моментально вскочила в седло. Девушка толкала в бока лошади стоптанными каблуками ботинок, хлестала поводьями по шее. Конь понес на галопе. «Теперь бы только миновать траншею и проволоку», - думала она.

Когда лошадь приземлялась после прыжка через забор колючей проволоки, девушка на время закрыла глаза. Она знала, что перед проволочными заграждениями противник укладывал минные поля. И вот эти прежние наблюдения подсказывали ей о вероятных взрывах. «Будь что будет, только не попасть к врагу живой», - подумала девушка, не сдерживая, а подхлестывая лошадь. Но мин не было. Конь легко нес ее через «ничейную» полосу.

От быстрой езды в ушах разведчицы свистело, в голове был такой шум, что он вытеснял всякую способность думать о чем-то другом, кроме спасения и стремления скорее добраться до своих. Из окопов противника по всаднику вели огонь. С резким свистом по сторонам пролетали пули. И только бы ей еще проскакать десятка три шагов до леса, как конь споткнулся на передние ноги и рухнул через голову на спину. Выбитая из седла наездница покатила по земле и свалилась в окоп.

Оксана не любила рассказывать о себе. Да она в своих действиях и не видела что-то особенное. Для нее все было просто, понятно, любой на ее месте поступил бы так же, а может, и лучше.

- Бесстрашная ты, Оксана, - как-то ей сказала Марийка.

- Это неправда. Я тогда так испугалась, что плохо соображала. Только об одном и думала - добраться до своих, - улыбнувшись, ответила Оксана.

Глядя на Оксану Гай, стоявшую у стола президиума, Марийка не смогла себе представить выражения лица и глаз этой милой девушки во время страха.

Оксану Гай в члены комсомола приняли единогласно.

- Вот счастливая, - шепнула Марийка сидевшей рядом девушке.

- И тебя примут, не волнуйся, - ответила та.

Председательствующий секретарь бюро комсомольской организации лейтенант Рындин зачитал заявление Гали Афанасьевой. Потом комсомольцы слушали ее биографию. Галя, хотя и смущалась, но говорила уверенно, твердо. Марийка с хрустом ломала свои пальцы, думала: «Все же счастливые девушки. Они старше и им есть что рассказать. О чем же я буду говорить?»

- Нервничаешь? - спросила соседка.

Марийка поправила гимнастерку, уперлась локтями в колени и наклонила голову.

- Ты что? - спросила все та же соседка.

- Боюсь, не примут, - тихо ответила Марийка. - Нет у меня биографии. Вернее, ничего, я еще в жизни не сделала такого, как другие.

Пришел черед, и к столу вышла Марийка.

- Расскажите вашу биографию, - мягко предложил лейтенант. Аля, сидевшая в президиуме, подбодрила подругу:

- Не стесняйся, Марийка. Будь смелее. Девушка краснела, не знала, куда девать руки.

Проверила, все ли застегнуты пуговицы, засунув большие пальцы за ремень, разогнала складки гимнастерки в стороны от пряжки ремня. Почему-то стала рассматривать карандаш, который зачем-то достала из кармана.

- Я незнаю, как быть, но у меня, собственно, еще нет биографии, - смущенно проговорила она. Родилась, училась, вот и все.

- Успокойтесь и расскажите, когда и где родились, кто ваши родители и где они? - дал наводящие вопросы председатель собрания, как бы бросая Марийке «спасательный круг».

Слово за словом девушка рассказала свой недолгий жизненный путь. Комсомольцы слушали внимательно. Осталось ответить на последний вопрос. Но тут Марийка тяжело вздохнула, посмотрела на Алю взглядом, который просил прощения, пощады, милости:

- О судьбе родных до сих пор я ничего не знаю.

Многие комсомольцы зашептались. Такой ответ для них был неожиданным. У Али тонкие брови изогнулись дугой и поднялись вверх. С недоверием, обидой и в то же время с жалостью она смотрела на свою подругу, потом спросила:

- Как? Ты же сама мне много раз говорила, что получаешь от них письма? Даже выдержки читала?

- И мне также зачитывала, - слышался голос еще одной девушки.

- Обманывала, - тихо ответила Марийка. - Получала от одного пожилого красноармейца, которого вывела из окружения. Он в письмах и называет меня дочкой.

- Непонятно, зачем, с какой целью ты скрывала, что нет связи с родными? - сердито нахмурив брови, спросила Аля.

- Я не хотела, чтобы вы мне выражали сочувствие, жалость. Вы всегда на меня смотрите, как на маленькую, - с дрожью в голосе объясняла Марийка. Ведь сама же мне читала книжку, в которой говорилось, что жалость к человеку губит его, ослабляет волю, заставляет отступать от намеченной цели, прививает эгоизм. Не хотела я этого, — преодолев внутреннее замешательство, ответила Марийка, обратившись к Але.

Наступила напряженная тишина. Два разных чувства боролись в душе Али: гордость за выдержку Марийки и обида, что она о своем личном горе даже не поведала своей подруге. Не выдержала Аля тишины, попросила слова:

- Считаю, что Марийка поступила неправильно, не по-товарищески. От друзей ничего нельзя утаивать, тем более свое горе. Я упрекаю ее за этот поступок. А в комсомол принять надо...

За Алей выступили еще пять девушек. Все они говорили, чтобы Марийку в комсомол принять. Но в оценке поступка Марийки мнения были разные. Одни соглашались с Алей, считая, что скрывать от коллектива свое несчастье нельзя, другие говорили, что было бы неверно выносить свое горе на широкое обсуждение, искать у других сочувствия, жалость, выпрашивать снисхождения. С таким делом надо выходить в коллектив тогда, когда сама не в силах справиться, и Марийка права, - закончила выступление одна девушка.

- И мы тоже, нечего сказать, хороши. Не могли Марийку вызвать на откровенность. Чуть что, так ей отвечаем: «Ты мала. Тебе не понять», - высказала свое мнение курносая девушка.

- Есть предложение сделать перерыв. Курить хочется, да и конца собрания не видно, - выкрикнул из зала сухощавый красноармеец, которого за высокий рост называли дядей Степой и часто просили достать воробушка, показывая птичку на вершине дерева.

В избе поднялся шум. Напрасно председатель пытался успокоить комсомольцев обещанием скоро окончить собрание - ребята настойчиво требовали перерыва. Обсуждение вопроса о личном горе человека и об отношении к нему коллектива

перехлестнуло через преграды, которые устанавливал регламент собрания, и охватило одновременно всех.

Лейтенант Рындин посмотрел на военкома Семенова, пожал плечами и, получив согласие, объявил «перекур» на десять минут.

После перерыва выступил Семенов. Он говорил немного:

- Я не склонен обвинять Марийку в каком-то нетоварищеском поступке. Майор и я в первый же день узнали о личном несчастье Павловой. Она нам сказала откровенно, и мы тогда договорились, чтобы об этом дальше не распространяться. Да и к чему? Помогли бы вы ей разыскать родителей? Нет. Заменили бы их? Тоже нет. А что бы сделали? В лучшем случае пожалели бы, погладили по головке, спросили лишний раз: тоскуешь? Постоянно бы бредили Марийкины раны, не давая им зажить. Да и то посудите: у кого нет своего горя? Каждый из нас его имеет. Ну, так давайте печалиться, друг другу сочувствовать! Разжалобимся до того, что только одни слезы будут. Мария Павлова, - Семенов тепло глянул на Марийку, - замечательный разведчик. Она выполнила несколько сложных заданий, пролила свою кровь в борьбе с гитлеровцами. А она бы могла и не идти на фронт, значительно уменьшить чашу личных страданий. Она сердцем, делом и сознанием с комсомолом.

Марийку в члены ВЛКСМ приняли единогласно. После закрытия собрания подруги обступили ее, горячо поздравили. Уходя с собрания, она почувствовала себя членом многомиллионного коллектива, который ставил своей целью под руководством партии строить светлое будущее - коммунизм и как нижайшую, но очень важную и главную на то время задачу уничтожение фашизма. Она обрела новые силы. Цели, стремления и желания ее, так же как и тысяч других комсомольцев, влились в общий единый могучий поток.

Есть инстинкт самосохранения. Все живое стремится избежать опасности, уменьшить ее вредное влияние на свой организм. Этот инстинкт порождал у Марийки двойное чувство. Первое - бежать от опасности, от фронта, скрыться от войны, чтобы не слышать свиста пуль, разрывов снарядов и бомб, не кашлять после сна на холодном полу, не биться в ознобе под завывание ветра, в мороз и дождливую ненастную погоду, забыть все невзгоды передовой позиции. Второе чувство - бороться, несмотря на страдания, бороться за себя, за других, за Родину, бороться столько, сколько есть сил, как позволит жизнь. Бороться так, чтобы рвать глотку врага зубами, если будут обломаны ногти на пальцах. Бороться не в одиночку, а плечом к плечу с другими, такими же, как она, более всего в жизни ненавидящими врага Отчизны.

Девушка силой воли заглушала первое чувство и никогда не ограничивала второе. В школе она жадно впитывала все, что ей говорили учителя. Она полюбила свой город, край, язык, обычаи, Родину с белоствольными березками, с очень дорогими сердцу полями и лесами, с пухлыми кустами на широких лугах реки Волги. Марийка любила слушать рассказы своего отца о том, какой будет жизнь в ближайшее время и какой будет Родина при коммунизме.

- Сегодня это мечта, дочка. А придет время, и о строительстве коммунизма будут говорить так же, как мы говорим о выполнении заданий третьего пятилетнего плана. Не надо жалеть сил для того, чтобы эта мечта была явью, - говорил он.

Марийка была безгранично рада тому, что ее приняли в комсомол. Ей казалось, что она даже подросла, стала сильнее, взрослее. Она не бросалась снежками с подругами, не толкалась с ними, не хохотала, возвращаясь с собрания. Шла степенно, углубившись в свои думы. И ее никто не отвлекал от размышлений. Уже у самого дома Марийку подхватила подбежавшая Аля, закружила:

- Давай погуляем. Не хочется идти в избу в такой вечер.

ВЫЕЗД В КИНОТЕАТР

Ясным, морозным утром в дом, в котором жила Марийка, зашел комиссар Семенов. Такие «обходы», как он называл их, военком делал ежедневно. Девушки Семенова встретили радушно, сразу же окружили, засыпали вопросами.

- Приятные новости принес. На нашем направлении войска Красной Армии тоже перешли в наступление, прорвали оборону врага на широком фронте, - начал беседу комиссар. - Фашисты отступают, бросают технику, оружие. Много пленных.

Сообщение вызвало радость разведчиц. Они захлопали в ладоши, некоторые кричали «ура». Марийка обняла Алю:

- Теперь и родных разыщу. Они узнают из газет, что наш город освобожден, если не приедут, то писать будут. Ой, как я рада! - кричала Марийка.

- Успокоились? - спросил военком, когда девушки сели на скамейки. - Еще новость. Сегодня мы поедем в Кувшиново, будем смотреть художественный фильм.

- Когда?

- Сразу же после завтрака.

- Покушайте вместе с нами, - пригласила Аля комиссара.

- Боюсь, как бы потом не пришлось расплачиваться.

- Вы не бойтесь, - улыбаясь, ответила Аля.

- Тогда другое дело. Остаюсь.

Девушки суетились, бегали из комнаты в комнату, на кухню и обратно. На столе, накрытом скатертью, появились яичница с кусками сала, хлеб, посуда, чайник и сахар.

- Прошу к столу. Да побыстрее, пока не остыла яичница, - распорядилась Аля за хозяйку.

- Богато живете, - удивился Семенов. - Где же яички взяли?

- Допрос, товарищ военком?- смеялась Аля. - Поделиться опытом могу. Вчера пилили и кололи дрова хозяйке, а сегодня она нам дала десяток яичек.

Завтрак у девушек был скромный. Они торопились привести себя в порядок, чтобы их не застал врасплох сигнал к выезду. Каждой хотелось быть красивее. Аля старательно заламывала длинные ресницы. Оксана мочила в блюде с водой пальцы и собирала в тонкие линии черные густые брови. Радистка Лена жженой пробкой подводила белесые брови, помогала подругам одеваться, просила совета, сама советовала.

Марийка собиралась с большим желанием, беспокойством и внимательностью. С тех пор, как стала красноармейцем, она еще ни разу не выходила «на люди». Чтобы казаться повыше ростом, она тайком от подруг положила в валенки стельки.

- Марийка, иди ко мне, помогу навести красоту, - предложила свои услуги Аля и сразу же стала укладывать подруге волосы. Вскоре из-под серой шапки Марийки свисали несколько локонов, как бы непослушно выбившихся из-под головного убора. Легким и привычным движением расчески Аля концы локонов закрутила в кольца. Марийка стала выглядеть более взрослой.

- Вот так и поедешь, только шапку не трогай, - проговорила Аля, последний раз проведя расческой по кудряшкам подруги и прижав их ко лбу ладонью. - Все ребята заглядятся...

Не желала Марийка, чтобы на нее парни заглядывались больше, чем на других ее подруг. Но и не хотела, чтобы ей было внимания меньше, чем другим. Однако разница на два-три года в пятнадцати-восемнадцатилетнем возрасте заметна, очевидна... Пройдет два-три года, и Марийка станет красивой, интересной, с нежными привлекательными чертами лица, с величавыми движениями. Но теперь она подросток, одинаково безобидно откликающийся на «девочка» и «девушка». Ее большие карие глаза по-детски доверчивые, без лукавства, с открытым взглядом, еще упорно говорили о незрелом возрасте Марийки.

Во второй половине дня автомашина остановилась перед зданием кинотеатра. Девушки быстро выпрыгнули через открытую дверь будки и растворялись: такого скопления бодрых и веселых людей им не приходилось видеть уже несколько месяцев.

- Ой, как много! - вырвалось у Марийки. - И все военные.

Девушки зашли за будку машины, достали маленькие зеркальца и, смотрясь в них, укладывали завитки волос, расчесывали челки, локоны, поправляли шапки, шинели.

- Довольно прихорашиваться. Не на смотрины идете, - смеясь, заметил комиссар.

- Как знать. Может, здесь и ходит моя судьбинушка, - ответила Аля и скромно опустила глаза вниз.

С наигранным смехом девушки вышли из-за машины и пошли к крыльцу кинотеатра. Они как будто плыли, стройные, красивые, румяные, и, зная это, давали возможность собравшимся на площади любоваться собой. Делали вид, что ничем и никем не интересовались, не смотрели в стороны и в то же время все видели, все примечали. Служба приучила их к такому притворству. Бойцы перед ними расступались, давали дорогу, одергивали на себе шинели, поправляли шапки, не скрывая восхищения, громко говорили между собой:

- Вот бы адресок выяснить!

- Из какой это дивизии? Наверное, гвардейцы.

- Сестрички, разрешите вам дорожку показать? - обратился щеголеватый кавалерист в кубанке, лихо сдвинутой на затылок.

- Нет, братец, спасибо. Сам не заблудись, - певуче ответила Аля.

Марийка старалась быть в середине группы девушек. Она еще не умела держаться под взглядами парней, не могла отшучиваться, как это делали подруги. Ей казалось, что все смотрят на нее, судачат над ее свободной шинелью с завороченными рукавами. Девушка смотрела на Оксану, раскрасневшуюся, с ямочками на щеках, с искрящимися глазами. «Вот счастливая», - думала Марийка.

Небольшой группой стояли танкисты, которые не стремились к тому, чтобы обратить на себя внимание девушек. Они были в темно-серых, лоснящихся от масел шинелях, на головах изрядно поношенные танкошлемы, на ногах большие, подшитые, с рыжими подпалинами валенки. По всему видно, что танкисты сюда попали без сборов, второпях, с ремонта или обслуживания техники. Марийка на себе поймала пристальный взгляд совсем молоденького красноармейца.

- Где-то я его видела, - шепнула она Але.

Людской шум перед кинотеатром мешал девушке сосредоточиться, чтобы припомнить встречу с этим пареньком. До крыльца оставалось еще метров десять. «Скорей бы в здание», - подумала Марийка, чтобы не быть под общим обозрением

любопытствующих. Она старалась быть сосредоточенной, боялась допустить что-либо смешное. Заглядевшись, она уже раз наскочила на Оксану, чем вызвала взрыв смеха артиллеристов.

Поднявшись на крыльцо кинотеатра, Марийка оглянулась, но танкистов не видела, они с того места ушли. «Все же где-то встречалась с ним. Если бы не виделись, то он не стал бы так внимательно смотреть на меня», - думала девушка.

В фойе Аля взяла Марийку под руку, и они пошли по кругу. Почувствовав на себе чей-то взгляд, Марийка оглянулась, встретила с глазами того же молодого танкиста, о котором думала. Парень покраснел от смущения, но подошел.

- А я вас сразу узнал, - проговорил танкист. - Вас звать Марийка. Верно? Помните, как двух танкистов встретили в тылу врага?

- Саша Черемухин? - воскликнула Марийка. Ее глаза расширились, заблестели от радости, она плотно прижалась к Але. - Это он, о котором я говорила, - глядя в глаза подруге, сказала Марийка.

Прохаживающиеся в фойе оттеснили Алю, Марийку и Сашу к стене.

- Тогда вы были с бородой, да еще раненый, - как бы оправдываясь, проговорила Марийка. - А теперь... Значит, выздоровели?

- Уже давно. Снова успел побывать в бою, - ответил Саша, перебирая в руках измазанные в солидоле рукавицы. - Прямо от танка нас привезли. Вот и получилось не по-выходному.

- Что вы. Ведь не по одежде ценятся люди, тем более на фронте, - ответила Аля.

- А где ваш товарищ? - спросила Марийка.

- Мой друг Володя погиб. В бою, - с ноткой жалости в голосе ответил Саша и глубоко вздохнул. - Он все время вас вспоминал.

В зрительном зале было людно. Многие сидели в проходах на полу. Демонстрировался фильм «Александр Невский». Марийка видела его до войны. Но теперь смотрела как будто впервые. По-новому понимала его смысл. От времен, показанных экране, Марийка мысленно проводила нить к нашим дням, чувствовала себя продолжателем лучших традиций русского народа и самой главной из них - беззаветной любви к Родине.

Погода была нелетная. Сеанс прошел спокойно без воздушной тревоги. На улице Саша Черемухин извинился и отозвал Марийку в сторону.

- Вы можете задержаться на минуточку? - спросил он.

- Сейчас спрошу.

Марийка подбежала к Але, взяла ее руку, зашептала:

- Можно я с ним побуду?

- Иди, иди. Еще не скоро поедem, - толкая легонько в бок счастливую подругу, ответила Аля.

Бывает же так. Люди врозь, и у них столько много накапливается такого, что бы надо рассказать друг другу. Саша часто думал, что, если встретит; девушку, которая его спасла, он ей расскажет о том, как вел танк в атаку, как раздавил пулемет врага, о том, что он о ней написал родным на Урал и что его мама в каждом письме спрашивает: нашел ли ту девушку, которая спасла ему жизнь? Марийка так же часто вспоминала раненого танкиста: «Выздоровел ли он? Что с ним? Вот бы встретить и рассказать ему о себе! Ведь тогда совсем не поговорили. А человек, видать, он славный». Когда же Марийка и Саша повстречались, то получилось не так. Все, что они желали рассказать друг другу, куда-то улетело. И стояли они счастливые, обрадованные, а слова на язык не шли.

- Вам не холодно? - спросил Саша девушку, поправлявшую шапку.

- Нет. Я не мерзлячка.

Падал крупный снег. Медленно надвигались сумерки. Площадь опустела. В кинотеатре начался следующий сеанс, Саша и Марийка пошли по дороге, лишь бы не стоять на месте.

- В тот вечер, когда вы нашли нас, тоже шел снег, вспоминал Саша. - Признаться, я тогда испугался. Володя ушел раздобыть чего-нибудь поесть, да задержался. Я уж подумал, его гитлеровцы захватили. А с ним пришли и вы, - Саша ласково посмотрел в полыхавшее румянцем лицо идущей рядом девушки. - Помните?

Против кинотеатра хрипло сигналил фронтовой «газик». Марийка оглянулась. Подруги махали руками, звали вернуться.

- Уже пора, - забеспокоилась девушка. - Идемте обратно.

- Марийка, - застенчиво проговорил Саша. - У такой, как вы, конечно, много друзей. Ведь знакомством с вами можно только гордиться. Разрешите и мне быть вашим другом? За дружбу со мной краснеть не будете.

- Ладно, Саша.

- Дайте мне ваш адрес, - попросил танкист.

Марийка назвала номер полевой почты. Саша записал в блокнот. Потом вырвал листок бумаги, написал на нем свой адрес и отдал девушке.

- Я обязательно напишу, - взяв Сашин адрес, ответила Марийка, протянула свою руку для пожатия и бегом побежала к машине.

НОВАЯ ПОДРУГА ЖЕНЯ

Подули южные ветры. Солнце стало теплее и ласковее пригревать землю. Снег на крышах домов и в поле потемнел, осел. Днем дробно била звонкая капель, а к вечеру с краев крыш спускались прозрачные синеватые сосульки. Когда же прошумели вешние воды, с зимовки вернулись ранние птицы, а леса как бы очнулись от спячки и вздохнули широкой грудью, девушки не утерпели, пошли на прогулку. За последние недели они засиделись дома, заданий на разведку им не давали: в эту пору малюсенький ручеек превращается в серьезную преграду.

- Девочки, даже не верится, что весна пришла, - кричала Аля, убегая в глубь березовой рощи. - Давайте березовицу пить, - предложила она.

Кто из северян весной не пил березовый сок? Вряд ли такой найдется.

- Давайте! Чур, только деревья не губить, - согласилась Марийка. - Надрезы делать маленькие.

Нож оказался только у Али. Она с ним не расставалась, ведь это подарок лейтенанта Кравцова. Припав к белым стволам берез, девушки, чмокая, глотали березовицу.

- А я что-то нашла! Угадайте! - пряча руку за спину, спрашивала Аля собравшихся подруг. Не узнаете ни за что, - подзадоривала она.

Марийка не утерпела, забежала за спину подруге и обрадовано воскликнула:

- Подснежники!

- Покажи, - стали просить девушки.

- Смотрите, какие нежные, бархатные, - показала Аля несколько голубеньких, еще не полностью распустившихся цветков.

К себе в избу девушки вернулись счастливые, бодрые, принесли подснежники, ветки распутившейся вербы и ядреный запах весеннего леса.

- Ах, жизнь моя, весна моя, любовь моя! - прижав к губам нежный подснежник, закрыв глаза, театрально проговорила Лена, стройная, милая блондинка.

- Скорее доктора, скорее! Прекрасной Елене дурно от весны, - шутливо, в тон Лене ответила Аля и брызнула на подругу холодной водой.

От неожиданности Лена вскрикнула, быстро вскочила с постели, побежала за Алей. В избе все засмеялись, глядя на шалости двух девушек.

- Можно к вам? - вошла в избу незнакомая, красивая девушка с толстой до пояса косой каштановых волос. - Меня зовут Женя Егорова. Вчера приехала, - отрекомендовалась вошедшая.

- Пожалуйста, раздевайся, - предложила Аля.

Женя сняла черный полушубок, повесила на вешалку, поправила прическу, одернула дымчатого цвета свитер, плотно облегающий высокую девичью грудь, стала здороваться с девушками. Взгляд ее больших синих глаз был открыт, простодушен.

Она на всех смотрела доверчиво и в ответ ждала только доверия.

Аля и ее подруги слышали, что Женя очень смелая, награждена орденом и имеет странное прозвище «Мой Фриц». Еще вчера им хотелось познакомиться с ней, но не удалось. Она долго была на беседе у майора, а потом у преподавателя немецкого языка.

Женя оказалась приятной, находчивой собеседницей. Она любила шутки, быстро расположила к себе новых подруг, и казалось, что они уже давно-давно знакомы.

Марийка несколько раз шептала на ухо Але, чтобы та спросила Женю о происхождении столь необычного для разведчиков прозвища. Аля отказалась. Тогда Марийка сама обратилась:

- Почему вас так странно прозвали - «Мой Фриц»?

Женя удивленно посмотрела на Марийку, улыбнувшись, спросила:

- Вы уже знаете?

- А разве в этом обидное что-нибудь для вас. Тогда простите, Женя, - извинилась Марийка.

- Ну что вы! Обидного ничего нет. Только удивилась: пришла к вам в первый раз, в части еще ни с кем не знакома, а вы уже знаете, как меня прозвали.

Увидев откровенное любопытство на лицах всех девушек, с которыми ей придется дружить и нести службу, Женя согласилась рассказать о том, как к ней прилипла кличка.

В августе 1941 года в одном районном городке появилась высокая, опрятно одетая девушка, мило улыбающаяся фашистским офицерам и солдатам. Видя это, русские женщины называли ее гитлеровской болонкой, потаскухой, проклинали, стыдили. Такое обращение девушка как бы не замечала и на немецком языке, правда, с некоторым акцентом, отвечала на ругань. Перебранкой заинтересовался комендант.

- Кто ты есть такая? - грубо спросил он девушку, когда ее привели в кабинет.

- Анхен Вернер. Еще мой дед оставил фатерлянд и переехал в Россию. Я родилась и росла в этой стране, но осталась верной моей настоящей родине, - говорила о себе девица, часто встряхивая длинными, распущенными волнистыми волосами.

- О, это похвально! Восточные германцы всегда честно служили фатерлянду. Вы мне будете нужны. Я потом поговорю с вами. Приходите через два часа, - изменив тон и манеру разговаривать, отпустил комендант Анхен.

В назначенное время девушка была в комендатуре. Она заполнила анкету, написала автобиографию, отдала коменданту. Тот прочитал, передал бумаги обер-лейтенанту:

- Поговорите с ней подробнее. По-моему, подойдет на должность переводчицы.

Анхен с благодарностью кивнула коменданту головой, глянула на него так мило, что старик смутился.

- Очень вам обязана, господин комендант.

Обер-лейтенант Фриц Шварке проверил у Анхен имевшиеся документы. Хотя они и были выданы советскими учреждениями, но подтверждали, что она по национальности немка, получила среднее образование.

На следующий день Анхен Вернер была назначена в комендатуру переводчицей, получила комнату в доме по соседству с обер-лейтенантом. Она на каждом шагу, при

каждой встрече с русскими старалась подчеркнуть свою принадлежность к «великой нации» и в то же время считала себя ниже «настоящих» немцев, заискивала перед ними.

В комендатуре ею не могли нарадоваться, уж очень ревностна была к службе.

- Вот шкура, только бы ей ругаться, издеваться, - отзывались о ней местные жители с ненавистью.

За переводчицей открыто ухаживал обер-лейтенант, начальник секретной части комендатуры. Они вместе шли на службу, вместе возвращались на квартиру, и каждый раз Фриц Шварке провожал Анхен до ее дома. Они зачастили в ресторан. Кружась в вальсе, Фриц часто целовал ручку своей кокетливой партнерши. За столом они пили шампанское, оживленно говорили, шумно смеялись. Сослуживцы завидовали Шварке, который «подхватил» себе «одичавшую в России» красивенькую немочку. Начальник секретной части гордился этим. Он хвастался, что намерен жениться, конечно, после войны, если позволят родители.

- У него, бестии, далекий прицел, - высказывал свое мнение помкоменданта. - Получит в России деревеньки две и останется здесь. Жене привыкать к холоду не надо.

Однако переводчица Анхен вела двойную жизнь. В комендатуре она играла роль исправной переводчицы, а также роль влюбленной в Шварке девушки. Она силой заставляла себя ходить на службу, улыбаться фашистам, с горькой обидой выслушивала упреки соотечественников. Много раз она думала о том, чтобы бросить комендатуру, убить ненавистного Шварке, который вел себя нагло, бежать, и, если придется умереть, пусть свои знают, что она не «гитлеровская болонка».

Другая жизнь девушки была скрыта от всех окружающих правдоподобной ложью. Иногда к ней с жалобами на своих соседей приходили слезливые бабы. Переводчица, вместо того чтобы выслушать и разобраться, ругалась, нередко выгоняла и незаметно передавала или получала бумажки. Особо рьяно она защищала полицейских, и они с ней были откровенны.

- Не смейте наговаривать на полицаев! Они фюреру служат! - кричала она на жалобщиков.

Один раз Вернер получила от своего начальника из-за линии фронта задание: во что бы то ни стало добыть очень важный секретный документ или, в крайнем случае, узнать подробнее его содержание. Задача сложная. Документ хранится в сейфе секретной части на втором этаже. Там охрана была круглосуточной. Выкрасть документ невозможно, получить от Шварке или узнать от него содержание документа было

напрасной мечтой. Шварке на это не пойдет ни при каких обстоятельствах. Он был педант на службе и все будущее благополучие связывал с именем, которое он получит на Востоке.

Обер-лейтенант обладал исключительной памятью. Он знал содержание документов почти наизусть. Вспомнив об этом качестве Шварке, переводчица допустила мысль, а потом стала ее в деталях обдумывать: если нельзя достать документ, то надо похитить самого начальника секретной части.

План девушки ее начальник утвердил и, в свою очередь, принял все меры, чтобы он был выполнен.

Как и обычно, Шварке и Анхен из комендатуры возвращались вместе. Между прочим, девушка сказала, что желает пойти на речку. Ей хочется посмотреть на ее воды, на лес, вообще побывать на лоне природы, помечтать. Если еще вода теплая, то она и искупается.

Фриц залебезил, стал просить разрешения сопровождать девушку в столь приятную и для него прогулку. Он давно искал случая быть с ней наедине, девушка же всегда избегала.

- Не обижайте меня, Анхен. Не отказывайтесь, - просил Шварке. - Заодно и вашим телохранителем буду. Хотя у нас партизан и нет, но на всякий случай, - полушутя и улыбаясь, объяснял Шварке необходимость быть рядом с Анхен во время ее прогулки в лес.

- Я буду стесняться, Фриц, - отвечала Анхен, кокетничая и прижимаясь плотнее боком к руке офицера.

После обеда, под завистливые взгляды сослуживцев, «влюбленные» пошли по зеленому живописному лугу в сторону стрельбища. Они выбрали красивое место. Темно-зеленым ковром лежала долина, а по ее середине величаво, спокойно текла река. В ее зеркальной глади отражались прибрежные заросли ивняка и курчавые березы. Над водой летали разноцветные с прозрачными крыльями стрекозы.

- Давайте посидим здесь, - предложила Анхен. - Какая прелесть!

- С удовольствием, - согласился Фриц. Шварке расстелил на траве скатерть, развернул пакет с закуской, поставил бутылку шампанского и два бокала.

- Прошу, Анхен!

- Милый Фриц, я сперва посмотрю воду. Если теплая, то покупаюсь, а потом и выпьем. Вот будет здорово!

«Полудикарка» быстро сняла туфли и босиком побежала к реке, вошла в воду.

- Холодная, - крикнула девушка не спускавшему с нее глаз Фрицу. - Я оботрюсь сырым полотенцем.

Фриц наблюдал, как за жиденькими кустами девушка сбросила с себя платье, взявшись за концы полотенца, растерла свое тело. Ему хотелось пойти к Анхен, но боялся, как бы не испортить прогулку, которая так много обещала для удовлетворения его страсти.

Одевшись, девушка пошла по лугу, срывала цветы и укладывала их в букет. Она это делала не спеша, дразня Фрица. Когда же он нетерпеливо стал звать Анхен, она быстро и игриво прибежала к нему, села напротив.

- Простите, Фриц. Я так люблю бегать по лугу, собирать цветы, - сказала Анхен.

Выпив шампанского и закусив, гитлеровец и переводчица пошли бродить по лесу.

- Милая Анхен, когда же ты будешь моею? - взяв за плечи девушку, шипел Фриц.

- Сегодня вечером, милый мой Фриц, - ответила переводчица, чмокнула его в щеку, вырвалась и побежала к опушке леса. Офицер бежал за ней, стараясь поймать.

Запыхавшаяся девушка обхватила березку и повисла на ней.

- Ой, как устала. Вы совсем меня загнали, - смеясь сказала девушка. - А вам хоть бы что. Вы очень сильны, Фриц? Это правда, что вы стреляете лучше всех?

- Все это верно, милая Анхен, - выпятив грудь, самодовольно ответил офицер. - Можешь убедиться.

Сделав отметку на белом стволе толстой березы, обер-лейтенант отмерил двадцать шагов, прицелился и выстрелил. Потом еще раз. Пули впились в дерево рядом с отметкой.

- Хотите, я и вас могу обучить стрелять. Я считаюсь не только лучшим стрелком, но и методистом, - расхвастался Фриц, распаляемый восхищениями Анхен.

Офицер стал объяснять девушке, как надо держать пистолет, как правильно стоять, вытягивать руку, прицеливаться. Первый выстрел, произведенный Анхен, был неудачным. На дереве не было и следа пули.

- Ничего, не огорчайтесь, - успокаивал обер-лейтенант переводчицу. - Второй выстрел будет лучше. Стрельните еще. - Фриц передал пистолет Анхен.

После выстрела Шварке побежал к березе, девушка осталась на месте с пистолетом в руке.

- Есть! - обрадовано крикнул Шварке, показал пальцем в центр отметки и пошел к Анхен. Но он остановился в десяти шагах перед девушкой, не узнавая ее. Не было прежней кокетки, доверчивой, наивной «полудикарки» Анхен. Он видел строгую, собранную, сильную девушку с обжигающим ненавистью взглядом. Она уверенно и привычно держала пистолет, направляя его ствол на Шварке.

- Руки вверх! - скомандовала девушка.

- Анхен, не надо так шутить, - растерянно бормотал Фриц. - Оружие заряжено!

- Я не шучу, Шварке. Руки вверх!

- Анхен!?

- Ошибаешься. Я не Анхен, а Женья, партизанка, - еще более строго сдвинув брови, ответила девушка. - Кругом!

Обомлевший от испуга Фриц послушно повернулся, сразу обмяк, сторбился, стал беспомощным.

- Если вы хотите сохранить свою жизнь, Шварке, и невредимым вернуться домой после войны, то ведите себя спокойно, не вздумайте сопротивляться, - диктовала условия Женья.

- Ведьма ты русская! - злобно шипел Фриц. Потом он резко бросился к Жене, но споткнулся о маленький пенек, растянулся на земле. Девушка отскочила в сторону, пронзительно свистнула.

- Не шевелись, застрелю! - разведчица наставила на фашиста пистолет.

Фриц выл от обиды, от злости и от бессилия. Он не ждал, что кто-то прибежит на выстрелы для оказания помощи - рядом стрельбище, где обычно стреляют солдаты комендатуры.

На свист Жени из чащи леса выбежали два солдата с автоматами на изготовку. Увидев их Шварке визгливо закричал:

- Взять ее! Она партизанка!

Однако солдаты закрутили Фрицу руки, забили рот тряпкой.

- Спектакль окончен, обер-лейтенант, мой Фриц, - проговорила Женя, поправляя волосы, - Идемте скорее, - распорядилась она.

Ночью разведчики партизанского отряда вывели Женю с «ее» Фрицем в расположение советских войск. Командир полка приказал пленного отправить в штаб дивизии, а Жене предложил остаться в полку, отдохнуть.

- Извините, товарищ майор, - ответила Женя. - Это Фриц мой, и только я его доставлю своему начальнику.

- Подумаешь, «мой Фриц»! - возмутился вспыльчивый начальник штаба полка.

- Да, Фриц мой, и я его обязана доставить, - отстаивала свое право девушка.

- ...И вот с тех пор, девочки, я и хожу с кличкой «Мой Фриц». Думаю, что в ней для меня обидного ничего нет, - закончила Женя.

Между Марийкой и Женей вскоре установилась теплая дружба. Аля, замечая это, стала беспокоиться:

- Забудешь ты меня, Марийка.

Женя очень любила слушать песни, но сама не пела. Ее голос не мог выводить мелодии, был негибок, непослушен. Иногда Женя пыталась подтягивать подругам, но каждый раз замечала, что только мешает. Ее любимой песней была «Орленок». Слушая ее, девушка становилась грустной, задумчиво-мечтательной. Глаза не мигая останавливались на одной точке, наполнялись слезами. Но Женя не плакала. Очевидно, с этой песней в жизни девушки связано что-то хорошее, чего ей было жаль, а может быть, «Орленок» вызывал у нее большие, светлые мечты. Подруги не добивались от Жени признания в этом: придет время, и она сама им расскажет.

ГИБЕЛЬ АЛИ МОРОЗОВОЙ

Вечером Алю и Женю отвезли на передовую позицию. Марийка обижалась, почему же не ее отправили на задание с Алей? Ведь они друг к другу привыкли и успешно выполняли все предыдущие задачи.

- Так надо, - кратко ответил девушке военком Семенов.

Ночь Марийка провела беспокойно. Долго не могла заснуть, а потом ей виделись кошмары, будто бы во время пыток по ее спине водили докрасна раскаленным железом, на морозе обливали холодной водой и она покрылась коркой льда. Марийка металась по постели, кричала. Ее разбудила Лена. И больше девушка не могла заснуть. Она лежала на спине с открытыми глазами и думала об Але и Жене: что-то с ними, где-то они?

Коллектив разведчиц был дружен, и о нем в части не случайно говорили: «Их водой не разольешь». Марийка со всеми девушками была в хороших отношениях. К ней подружки были трогательно заботливы. Иногда это Марийке претило, но она примирилась: такова участь младших. Однако дружба с Алей у нее была особенной. При всякой возможности они были вместе, взаимно внимательны, отзывчивы. Они спали в одной постели, ночами допоздна шептались, хихикали, прежде чем заснуть.

Когда же одна из них уходила в тыл врага, а вторая оставалась дома, то не находила себе места, становилась замкнутой, грустной. Она тосковала по подруге. В части Алю и Марийку обобщенно называли «пара влюбленных».

Название это за девушками укоренилось очень прочно. Даже старшина роты при рапорте представителю высшего штаба допустил выражение «пара влюбленных». Это было так. В часть приехал подполковник. Во время построения роты, в которой проходили службу Аля и Марийка, девушек во взводе не оказалось. Они, не зная о

смотре, были на прогулке в лесу. Помощник командира взвода после переключки доложил старшине, что «люди согласно списку все налицо, за исключением «пары влюбленных». Старшина знал, о ком шла речь, и не придавал значения такому докладу. Вскоре показался подполковник. Старшина во все горло скомандовал: «смирно!» - и, чеканя шаг, пошел ему навстречу, громко, выделяя каждое слово и «съедаая глазами начальство», отрапортовал:

- Товарищ подполковник! Рота для смотра построена. Отсутствует «пара влюбленных». Старшина Тищенко.

У начальника брови полезли вверх, на лице появилось недоумение.

- Кого, кого нет? - переспросил он.

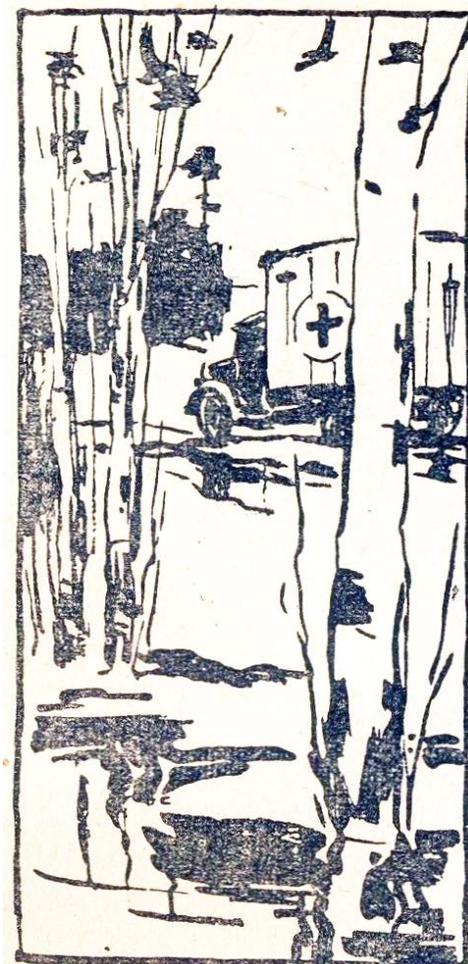
- «Пары влюбленных», - не догадываясь о причине удивления прибывшего начальника, повторил старшина.

В нарушение уставных положений по строю прокатился хохот. Что же поделаешь? Уж такова натура русского человека, что он не может сдержаться от смеха, если смешно. Да и как от него удержаться? Старшина Тищенко строго соблюдал всю торжественность ритуала встречи старшего начальника и, увлеченный этим, вместо «Отсутствуют красноармейцы Морозова и Павлова», выпалил: «Отсутствует «пара влюбленных».

Озадаченный подполковник нахмурил брови, подозревая в рапорте издевку, но после объяснения майора Тараненко тоже засмеялся. Старшина же Тищенко от обиды в тот же день сбрил усы, которыми так гордился. Название «пара влюбленных» после этого случая окончательно закрепилось за девушками-подружками.

До восхода солнца Марийка вспоминала дни дружбы с Алей. Временами ей было так тоскливо, что девушка плакала. «Да что это со мной делается? Ведь такого никогда не было», - упрекала себя Марийка и в то же время не могла остановить слезы.

- Чует мое сердце - что-то неладное с Алей, - жаловалась Марийка во время завтрака своим подругам. - Так оно ноет!

А когда девушки были на занятиях, к медицинскому пункту части подошла санитарная машина. Из ее широко распахнутой двери вышла с красным, заплаканным лицом Женя. Два бойца осторожно выдвинули накрытые простынью носилки, внесли их в медпункт.

- Аля погибла! — с быстротой молнии облетела печальная весть все подразделения части. Дошла она и до Марийки. Девушка побледнела, какое-то время находилась в оцепенении, затем, надевая берет на бегу, бросилась к штабу. Там Марийка встретила Женю:

- Где Аля? Что с ней?

- На немецкой mine подорвалась.

Девушки беззвучно плакали, часто вытирали слезы.

- Успокойтесь. Ведь не воскресить, - проговорил военком, уводя девушек в свою комнату.

Похороны состоялись в этот же день. У свежевырытой могилы собрались бойцы части, жители села. В стороне стоял взвод с карабинами. Марийка смотрела на могилу безразличным взглядом, как будто не понимая того, что происходило. Не изменяя своего положения, она выслушала речи командира, комиссара. Так же она была спокойна в начале выступления председателя местного колхоза. Но когда он сказал: «Жители села Заречное никогда не забудут славную девушку-разведчицу Алю Морозову! Ее могиле пионеры будут отдавать салют!» - Марийка зарыдала. Она не слышала, как взвод дал три залпа, как люди разошлись от холмика, убранного темно-зелеными венками из лап ели.

- Пошли, Марийка. Уже скоро вечер, - проговорила Женя, трогая плечо подруги.

Гибель самой близкой подруги вызвала у Марийки воспоминания о родных, о злодеяниях, причиненных фашистами. Все ее участие в качестве разведчицы в борьбе с врагом показалось каким-то ничтожно малым. Как отрядные страницы своей красноармейской службы она вспоминала налет на аэродром, где била врага из автомата. Марийку все более влекло в часть капитана Красавина.

- Откомандируйте меня к капитану, - обратилась Марийка с просьбой к майору Тараненко. Хочу сражаться с оружием в руках, ходить в атаки.

- Сделать это не долго. Выписать аттестат - и конец. Но все ли ты обдумала? Тебе не приходилось читать дневник Али?

Марийка отрицательно покачала головой.

- Возьми. Прочитай, подумай, - майор подал девушке тетрадь. Дневник был неполный, велся нерегулярно, от случая к случаю. Да и нельзя требовать от Али записей за каждый день. Она большую часть времени была в тылу врага.

Марийка углубилась в чтение записей подруги.

«7 ноября 1941 года. Сегодня у нас в части праздничный вечер. К нему, как и все девочки, я готовилась с радостным волнением. Но вот пришел старшина и объявил, чтобы я готовилась к заступлению в наряд. Я на него разозлилась: почему я должна заступать, а не кто-то другой? Даже немного, не выходя за рамки субординации, нагрубила. Потом мне стало стыдно. Я же военнослужащая, и для меня несение караульной службы в революционный праздник - обязанность почетная. На фронте идут жаркие бои. Наши бойцы отстаивают столицу, в это время, пока записываю строки в тетрадь, кто-то гибнет, а я не хочу идти в наряд. Я стыжусь за свой поступок. Пойду к старшине и извинюсь.

17 ноября. Вчера от комиссара получила первое в части взыскание. Какой позор! Я посрамила честь всего подразделения. Меня наказали правильно. Не обижаюсь. «Покупка» кринки кислого молока, как ее ни оправдывай, нехорошее дело. Но я не видела тогда иного выхода, а Марийке хотела сделать приятное.

2 декабря. Сегодня мне исполнилось восемнадцать лет. Я стала совершеннолетней! Мама, конечно, не могла забыть об этом дне, но письма от нее почему-то нет. Видимо, оно задержалось в пути. Девочки не знают, что я именинница, а то бы давно натерли уши докрасна.

6 декабря. Ну как не записать поподробнее о таком концерте! Еще утром на стене клуба было вывешено объявление: «Сегодня состоится грандиозный концерт. Приглашаются все-все! Начало в 18.00».

Зрительный зал был набит до отказа. Собрались бойцы части и колхозники. Они с нетерпением ждали начала представления, переговаривались, в зале было шумно, накурено.

На сцене появился автотехник части. Он - конферансье. Его знали как остряка, носителя большого количества прибауток, шуток и анекдотов.

- Дорогие товарищи! Посмотрите комическую сцену о том, как одна фрау, вполне достойная своего мужа, приехала в Россию осмотреть поместье, полученное от

фюрера. Итак, раз! - автотехник скрылся за занавесом. Через минуту оттуда послышалось «Два!». А когда раздалось «Три!» - занавес открылся.

На сцене стояла жена фашиста в огромной соломенной шляпе, из-под полей которой свисали пряди неестественно белых волос. Она была одета в узкие черные брючки, заправленные в голенища хромовых сапог, в белую блузку с короткими рукавами, черные перчатки натянуты по самые локти. Одной рукой она делала легкие взмахи веером, во второй руке держала железную цепь, на каких обычно выводили в совхозе на прогулку застоявшихся жеребцов. Но другой конец цепи был прикреплен не к уздечке лошади, а к ошейнику маленькой черной, с выпученными глазами собачки.

Зал содрогался от хохота, а я смеялась, кажется, больше и громче всех. Ведь я знала, что помещицу играет Марийка.

Встретить свою фрау вышел ее муж Фриц, одетый в форму гитлеровского офицера. К его груди, спине, к рукавам и штанам прикреплены железные кресты. Только было он стал расшаркиваться перед своей фрау, как собака с визгливым лаем бросилась на него и вцепилась в сапог. Фриц растерялся. Пришлось даже занавес закрыть.

Это представление никогда не забуду.

Январь 1942 года. Узнала о гибели наших подруг Шуры и Кати. Милые, дорогие девочки, как жаль мне вас! Хочется уйти в боевую разведку или вообще в боевую часть, взять автомат и мстить фашистам. Признаться, я уже собиралась так поступить, но сдержалась. Что ни говори, а мы нужнее здесь и пользы для дела приносим больше, чем бы принесли там. Только мы этого не видим, не замечаем, не сознаем, да и не понимаем.

12 апреля. Мне казалось, что я воюю потому, что мною руководит ненависть. Ненавижу фашистов, этих подлых убийц, насильников, захватчиков. Я видела злодеяния гитлеровцев и каждый раз клялась мстить и мстить за горе, которое они причинили моему народу.

Теперь я чувствую, что мною руководит не только ненависть, но и любовь. Да, да, любовь! Я люблю Родину, люблю маму, люблю жизнь, люблю одного человека. За право любить, за любовь я и сражаюсь».

Марийка вернула дневник майору. С тех пор она стала серьезнее, реже слышался ее задорный смех. Гибель подруги она переживала тяжело. Много раз вспоминала прочитанное в дневнике. И больше ни разу не просилась в часть капитана Красавина.

УЧИТЕЛЬНИЦА И УЧЕНИЦА

Весна совсем вступила в свои права. На деревьях лопались почки, вылезали липкие светло-зеленые листочки. Над цветущими ивами деловито гудели пчелы, перелетая с одного цветка на другой, порхали белокрылые бабочки. Без устали трудились муравьи, стаскивая в кучи опавшую хвою. Чистое небо было лазоревым. Над полями звенели жаворонки. Женщины копались на огородах, рыхлили грядки, готовились к посадке ранней рассады.

Озабоченный председатель колхоза совсем забегался по воинским частям, разыскивая специалистов по ремонту плугов и борон, прося лошадей для пахоты и посева.

- Поможем, - обещал ему майор Тараненко.

В теплый погожий день все бойцы части вышли на помощь колхозникам. Разведчики работали с увлечением, вдохновенно. Марийка и ее подруги рубили и таскали хворост, лейтенант Кириллов, их командир взвода, вбивал колья, строил плотную изгородь на берегу небольшой речки: здесь будут жить колхозные утки. Знакомые с плотницким и столярным делом красноармейцы заботливо поправляли дома, колхозные постройки. Над полями раздавались бодрые крики пахарей, понукавших лошадей. Через свежевспаханное поле перелетали стаи грачей и галок, торопливо собиравших личинок и червячков.

Люди всего на один день забыли о войне, вернулись к труду. Это их радовало. Только иногда они останавливались, прислушивались к гулу, пытались рассмотреть высоко летевший самолет и, когда гул смолкал, вновь жадно брались за дело.

- Марийка, у меня есть новость для тебя, - с веселой ноткой в голосе проговорила только что прибежавшая с дежурства радистка Лена.

- Какая? - насторожилась Марийка. - Хорошая?
- Потом скажу, - лукаво сверкая глазами, ответила Лена, набирая охапку хвороста.
- Скажи сейчас. Ну, - просила Марийка.
- Твоя землячка Тина Савельевна вернулась!
- Правда? Где же она? Да не тяни, Лена, - подбежала и умоляла Марийка.
- У нас в избе. С нами будет размещаться.

Марийка радость выражала по-разному. Иногда, услышав приятное, она прыгала, била в ладоши, громко смеялась. Иногда же садилась, широко улыбалась и смотрела куда-то вдаль и вряд ли что видела. Услышав сообщение, что ее учительница Селижаровской школы Тина Савельевна вернулась, Марийка села на нарубленные ветки. Улыбка радости не сходила с ее лица.

Девушка вспомнила детство, первый свой урок в новой школе. Родители Марийки переехали в город Селижарово в октябре, когда в школах уже шли занятия. В тот день к началу первого урока девочка опоздала. Она пробежала вдоль длинного коридора, но не могла найти свой класс. На дверях табличек не было. Марийка спокойно вошла в первую же комнату. Ученики, положив ручки и отодвинув тетради, с любопытством рассматривали вошедшую. С наименьшим интересом смотрела и учительница, начавшая писать на классной доске фразу.

Маленькая девочка в темно-коричневом платье и белоснежном фартучке, держа в правой руке новый школьный портфель, без смущения посмотрела на учеников, повернулась к учительнице, не зная, как с ней поздороваться.

- Наверное, новенькая, - высказал бойкий мальчишка свое предположение.
- Я еще только первый раз пришла в эту школу, - ответила Марийка, не сводя своих больших глаз с учительницы.
- Садись, девочка, вот сюда, - ласково сказала она и показала на свободное место за первой партой.

Марийка уверенно прошла, села, достала тетрадь по русскому языку.

Учительница дописала на доске предложение, положила мел, повернулась лицом к притихшему классу.

- Сейчас, дети, мы разберем это предложение по частям речи, - объявила она спокойным голосом, отделяя каждое слово от предыдущего короткой паузой. Потом

учительница подошла к Марийке, слегка наклонилась, взяла девочку за плечи и спросила:

- Как тебя звать?

- Марийка.

- Ну вот, Марийка, давай с тобой и разберем это предложение. Не стесняйся, иди к доске, - проговорила учительница, убирая руки с плеч поднимающейся девочки. - Сперва прочитай, что написано.

- В селе за рекою потух огонек, - бойко прочитала Марийка и стала доверчиво и с гордостью за свои успехи смотреть на понравившуюся ей учительницу.

- Верно, Марийка. Прочитала правильно, - похвалила учительница. - Теперь разбери это предложение.

Девочка, думая, что ее спрашивают о смысле этой фразы, бойко заговорила:

- В селе, то есть за рекой, наверное, рыбаки ночью варили уху. А может, жгли костры, чтобы не кусали комары. Ночью летает комаров всегда больше, чем днем. Когда же стало светло и рыбакам надо опять ловить рыбу, они костер потушили, - под взрыв смеха учеников отвечала Марийка.

Рассмеялась и учительница:

- Подумай, Марийка.

Девочка от обиды насупилась, покраснела:

- Ничего смешного тут нет. У нас на берегу озера Селигер всегда по ночам рыбаки костры разжигают. Я сама видела.

Хохот в классе усилился. Он был задорнее, раскатистее, чем вначале. Марийка от обиды готова была расплакаться. В это время послышался звонок на перемену. Учительница, а это была Тина Савельевна, подошла к Марийке, погладила по головке, взяла за руку, отвела в учительскую. Там и выяснилось все недоразумение. Марийка попала на урок русского языка в четвертый класс, а надо было только во второй.

Шли годы. Марийка училась прилежно. Она полюбила Тину Савельевну, строгую и в то же время внимательную, ласковую учительницу. Потом началась война. Тина Савельевна добровольно вступила в армию. Марийка от Нины Нечаевой слышала, что учительница была в части майора Тараненко, но с задания не вернулась.

И вот известие - любимая учительница жива! Марийка вся светилась от счастья.

- Хватит улыбаться-то. Пора за работу, - слегка подтолкнула локтем подругу Лена.

Встреча Марийки и Тины Савельевны была трогательной. Учительница обнимала девушку, целовала в лицо, обе плакали от радости. Временами Тина Савельевна отстраняла от себя Марийку, внимательно рассматривала ее темными, глубоко сидящими глазами, ласково ощупывала обветренными ладонями щеки девушки и вновь заключала в объятия:

- Вот ты какой стала, моя ученица!

Марийка, конечно, была уже не та ученица-девочка, которая случайно забежала в старший класс. И не та, что была на экзаменах. Восемь месяцев войны ускорили ее возмужание, сделали не по годам серьезной, сообразительной, заставили познать такие невзгоды, каких не увидит другая за всю жизнь. Но и Тина Савельевна сильно изменилась. На высокий лоб легли глубокие складки, от усталых глаз паутиной во все стороны разбежались морщинки. Лицо осунулось, щеки провалились, не видно в ней ни кровинки. Из-под косынки выбивались пряди седых волос. Сквозь теплый свитер Марийка отчетливо чувствовала кости ее плеч, ключиц и лопаток.

Вечером Тина Савельевна рассказала девушкам о том, что с нею произошло. Разведчицы временами смахивали слезинки, хотя и сами видывали виды, но слушали, не перебивая.

Тину Савельевну фашисты схватили при переходе линии фронта. Мучительно медленно потянулось время в застенке гестапо. Когда был день, когда ночь, учительница не знала. Ее держали в холодном, темном, сыром погребе. Лицо было разбито, а тело исхлестано во время допросов. Ее унижали, оскорбляли, стремились сломить дух, сделать послушной предательницей. Потом ее чуть живую бросили в концлагерь. Она, находясь в исключительной грязи и холоде, не рассчитывала выжить без медицинской помощи. Однако более здоровые советские женщины в лагере каждый день проявляли о ней заботу, внимание. Они согревали истерзанную Тину Савельевну своими телами, отдавали часть пищи. Потом стали и в лагерь проникать слухи о разгроме гитлеровцев под Москвой. Заключенные повеселели, как о каком-то далеком, сказочном счастье мечтали об освобождении из неволи.

Охрана готовилась к перевозке узников дальше от фронта. Надо было сорвать эти замыслы врага. Тина Савельевна явилась одним из организаторов возникновения «эпидемии» тифа - многие заключенные стали симулировать эту болезнь. Гитлеровцы на лагерь наложили карантин, а с приближением фронта приступили к расстрелу людей. Смелым налетом партизан оставшиеся в живых были освобождены.

Пока учительница говорила об ужасах и муках, ее глаза были сухи, горели жгучей ненавистью к врагу. Но как только стала рассказывать об освобождении из неволи, на глазах появились слезы радости.

- Вот что со мной произошло, - закончила рассказ Тина Савельевна. - Невесело слушать, а еще тяжелее вспоминать. Нервы совсем расшатались, - как бы извиняясь за слезы, проговорила учительница. - Да и что вспоминать? Лучше думать, как дальше врага бить. Майор предлагал поехать на отдых, на запасную базу. Отказалась. С вами, девочки, поправлюсь быстрее и отдохну лучше.

Подкрепив свое здоровье, Тина Савельевна с Марийкой ушли в тыл врага. Линию фронта разведчицы прошли по болотам, за которыми противник вел слабое наблюдение дозорами. Строго соблюдая все порядки, установленные комендатурой, мать с дочкой-подростком ходила из деревни в деревню, разыскивая старшую дочь и шестилетнего сына. При расспросах жителей она тонко голосила, ей подтягивала дочка-Марийка, размазывая слезы и грязь по своим щекам. В одном селе их задержали полицейские, бросили в ветхий сарай. Потом женщину и девушку били плетьюми, требовали сообщить о партизанском отряде. Выручила совсем незнакомая женщина. Арестованных вели по улице деревни на допрос. Конвоира, крепкого мужика лет тридцати пяти, окликнула его знакомая, набиравшая воду из колодца:

- Ты что, Степан, их водишь-то?

- Они партизанки.

- Полно-ко, какие они партизанки. Это вон из соседней деревни, а ты с ними шландаешь по грязи, - смеясь, возразила молодка. - Делать тебе, знать, нечего.

Задержанных из-под ареста освободили в тот же день, выдав об этом справку.

Давно истек срок, установленный командованием Тине Савельевне и Марийке, но они все не возвращались. В части беспокоились. Дом, в котором жили разведчицы, опустел. Не находя себе места, из комнаты в комнату растерянно ходила радистка Лена. Она пыталась петь, но сразу же смолкла. Все ей напоминало подруг: давно неразбиравшиеся постели, платья, платки, шинели, посуда.

Часто бросалась Лена на свою постель, лежала и думала. Она просила военкома переселить ее в соседнюю избу, где жили девушки. Но комиссар не разрешил:

- Значит, перестала ждать подруг? Похоронила? Жди, Лена. Они придут.

Однажды вечером на западе засверкали бледно-розовые зарницы. К полуночи они вспыхивали ярче, стали краснее, послышался глухой гром. Потом рванул ветер, ослепительно блеснула молния, и сразу же с сильным треском загремело совсем близко. В окно дома забарабанили крупные капли дождя. Началась гроза.

Лена плотно укуталась одеялом, голову накрыла шинелью, свернулась в клубочек. При каждом близком ударе грома она вздрагивала. За такой поступок она упрекала себя, думала, что это куда безопаснее, чем быть под обстрелом, тем не менее еще плотнее накрывалась одеялом. Видать, уже так прочно еще в детстве ей был внушен страх перед грозой.

Под утро, когда гроза достигла наибольшей силы, Лена услышала стук в окно. «Может, ветер ставнями хлопает или мне показалось?» - подумала девушка, но насторожилась, чтобы не было посторонних шорохов, приподняла шинель над ухом, прислушалась. Стук повторился.

- Кто там? - не вылезая из-под шинели, спросила Лена. Вместо ответа стук усилился.

Лена надела шинель, робко подошла к окну и при вспышке молнии увидела, что стучит женщина.

- Кто там? - повторила Лена вопрос.

- Я, Марийка! - был ответ.

Не замечая больше ни молнии, ни грома, не чувствуя страха, Лена выбежала в сени, открыла дверь.

- Одна? - услышала Лена вопрос Тины Савельевны.

- Да.

- Наверное, грозы боялась? - уже войдя в избу, спросила учительница.

- Боязно одной-то.

- И верно, страшно во время грозы. Какой-то маленькой, бессильной, беспомощной чувствуешь себя, - проговорила Тина Савельевна. - А придет время, что всю энергию вот таких гроз люди будут ловить и заставят работать.

Лена бросилась к Марийке, стала ее обнимать, целовать в холодное мокрое лицо.

- Дайте раздеться, Лена, - остановила девушку учительница.

Как только прекратилась гроза, Лена побежала на кухню предупредить поваров, чтобы они приготовили сытные завтраки для вернувшихся разведчиц. Потом не удержалась от желания теперь же, пока Тина Савельевна и Марийка переодеваются, доложить об их возвращении майору Тараненко.

- Пусть отдохнут. Никого в избу не пускать, пока они спят, - распорядился майор. - Вы, Лена, за это отвечаете.

От командира пошла команда его помощникам, а от тех - исполнителям: истопить баню, выгладить обмундирование.

Даже парикмахер получил указание, как только его потребуют Тина Савельевна и Марийка, немедленно прибыть на вызов.

Вечером разведчицы долго беседовали с майором, сообщая весьма важные сведения о противнике.

«СЕСТРЫ» ШЛИ ДОМОЙ

Чудесное летнее утро. Из придорожных ярко-зеленых кустов слышалось чириканье невидимых в листве птичек. Ему вторило однообразное трещание кузнечиков в шелковистой траве. В голубом безоблачном небе, распластавшись, описывал круги коршун. Временами он останавливался, дрожал крыльями, складывался и камнем бросался к земле.

- Промазал, - увидев поднимающегося вверх хищника с пустыми когтями, как-то безразлично проговорила Марийка. И трудно было понять: или она жалела, что коршун не поймал жертву, или она этому была рада.

Девушки бодро шагали к Невелю, крупному железнодорожному узлу. Очень важно было иметь за ним постоянное наблюдение и получать информацию о движении войск через эту станцию. Марийка и Женя шли сюда для того, чтобы найти место для укрытия радиста, пока оставленного в лесу. Они имели очень короткое, всего в несколько строк, письмо от шофера части к своей матери Мурашовой, проживающей в этом городе. По его содержанию нельзя было определить, у фашистов или в Красной Армии служит сын Павел. Одни приветы, поклоны «от ясна неба до сырой земли». Если бы письмо попало в руки гитлеровцев, девушки объяснили бы так: «Мы из деревни Погорелово. Забрали нас на ремонт дороги у города Витебска. Там встретили жителя Невеля Павла Мурашова, служащего полиции. Он и написал эту записку матери».

- Марийка, а мать Павла не прогонит нас, если мы скажем, что ее сын в полиции? Как ты думаешь? - тихо спросила Женя.

- Сперва будем вести разговоры без записки, - ответила Марийка.

Мурашова встретила девушек гостеприимно, приветливо. Она засуетилась, захлопотала на кухне, как молодая. Накормив вареной картошкой и хлебом, хозяйка повела осторожный разговор, стараясь узнать от девушек, откуда они и куда идут.

Женя и Марийка часто переглядывались, старались как-то согласовать свое поведение в беседе со старушкой.

- Значит, на фашистов работаете? Они наших убивают, грабят, а вы им дороги строите? Помогаете? - помрачневши, с большим укором глядя на Женю, проговорила старушка.

- Мы же не виноваты. Нас забрали, - стала оправдываться Женя.

- Кто не хочет служить врагу, тот в партизаны подался. Я вот сижу - сил нет, куда уж мне. Зато сын у меня в армии. Воюет. А вы? - ворчала Мурашова, теряя равновесие в разговоре. Она взяла ведра, коромысло и вышла из избы.

- С ней можно говорить открыто, - тихо сказала Женя, когда они с Марийкой остались вдвоем. - Согласится ли только?

- Сама не согласится - укажет, кто сможет принять радиста, - ответила Марийка. - Ради сына она сделает все. Надо от него передать привет, а потом отдать и записку.

Мурашова вошла в избу, еще не успокоившись. Она зло покосилась на девушек, шумно поставила ведра, встала посередине комнаты, сверкая глазами и стуча в пол концом коромысла, строго проговорила:

- Отдохнули, красавицы, теперь время и покой дать хозяйке. Вот ваши шмутки, а вот и порог, - хозяйка указала на дверь.

В слово «красавицы» мать красноармейца вложила всю свою ненависть, презрение к людям, которые бы могли бороться с захватчиками, но, потеряв честь, совесть, позабыв долг перед Родиной, стали служить врагу.

Женя, сидевшая до этого, встала и, глядя в глаза Мурашовой, тихо ответила:

- Мы к вам зашли по просьбе вашего сына Павла. Он просил кланяться и справиться о вашем здоровье. Прислал и письмецо.

Какая мать, не имевшая известий около года, удержится от расспросов, услышав о своем сыне? Мурашова девушек не отпустила. И те сообщили ей о Павле все, вплоть до таких мелочей, как портянки:

- Они у него совсем новые. Только в мае получил. Отчего рваться-то портянкам? Ведь у Павла сапоги исправные, пешком ходит мало, все на машине ездит. Ему, шоферу, служба не то, что нам, - показывая на рваные ботинки, говорила Марийка.

Когда же Мурашова пришла в себя от столь неожиданного и радостного известия, девушки стали склонять разговор к главному, ради чего они проделали далекий и опасный путь.

- Присылайте, дочки, наших. Всегда буду рада помочь. А радиста в погреб устрою, - спокойно ответила хозяйка. - Меня казни не страшат. Я пожила. Впереди осталась только одна дорога - в могилу. И пройти ее так хочу, чтобы не стыдно было за меня Павлу и всем русским. Присылайте, дочки.

В полдень с веревками в руках девушки вышли из избы. Хозяйка вынесла косу, наказала:

- На лугу, у самого леса, трава густая, высокая. Там и накошите. А то, видано ли дело, спать на голых досках, - последнюю фразу Мурашова говорила проявившей интерес соседке. - Да не запаздывайте. Заодно и дровишек принесите.

Девушки вышли за околицу, быстро зашагали к лесу. Они миновали редкие кусты и на широком лугу выбрали место для покоса. Женя наточила косу, плюнула на ладони и стала косить наотмашь. Трава ложилась в ровные валки. Марийка внимательно огляделась вокруг и не торопясь ушла в лес. Она принялась собирать сухие ветки и выжидать, нет ли за ней наблюдения. Когда же убедилась, что за ней слежки нет, Марийка побежала в глубину леса, туда, где была оставлена Оля с рацией.

Радистка пряталась в овраге, заваленном старым валежником и заросшем высоким колючим кустарником. Марийка нашла ее не сразу.

- Собирайся, Оля. Будешь жить у матери шофера Павла. Приятная старушка.

- Как же днем-то выходить? - с тревогой спросила Оля.

Мы с Женей ушли из города, чтобы накосить травы и набрать дров. В город вернетесь ты и она.

Нас вблизи никто не видел, и не будут знать, что не я, а ты пришла. Рацию пронесете в траве. Я же вернусь ночью, с Женей и с хозяйкой об этом договорились.

Оля надела Марийкины кофточку и платок, набрала вязанку дров и вышла из леса к Жене. Девушки нагребли травы, спрятали в ней рацию и пошли к окраине города, куда выходит огород Мурашовой. Они были внешне спокойны, неторопливы, оживленно

говорили между собой. На самом же деле девушки волновались, внимательно всматривались в огороды, опасаясь засады полицейских. Да и глаза соседей также в таком деле были нежелательны. Кроме Мурашовой, на огородах никого не оказалось. Разведчицы пошли смелее.

- Устали, поди-ка? - спросила бабушка, когда девушки перелезли через изгородь. - Давайте я понесу.

- Нет, бабуся, уж донесем, - ответила Женя. - Вот чуть отдохнем, - и опустила на землю траву.

Ночь выдалась темная, дважды принимался дождь, но тучи быстро разгонял порывистый ветер. Марийка вышла из леса и стала осторожно пробираться кустарником к окраине города. От кустов до огорода Мурашовой девушка ползла - идти в рост было опасно. У самых огородов остановилась. Днем бы сразу нашла дом старушки. Ночью же все кажется не таким. Силуэты деревьев, домов были похожи между собой. И чем дальше Марийка смотрела в темноту, тем больше становилась ее неуверенность.

В маленьком окошке блеснул огонек. Марийка обрадовалась. Это ей указывали направление, зажигая спички в чулане, единственное окно которого выходило в сторону леса.

В эту же ночь Оля установила связь с Леной.

Женя и Марийка от Мурашовой ушли рано утром. Они трое суток пытались попасть во фронттовую полосу, но не удавалось. «Запрещено!» - отвечали в комендатурах и направляли дальше в тыл.

Проделав путь около семидесяти километров, разведчицы вышли к железнодорожному полотну. До реки Ловать оставалось не более пяти километров, а на восточном ее берегу располагались уже советские войска.

Вдруг они увидели, по железнодорожному полотну к ним бегут трое полицейских с автоматами на изготовку.

- Стой! Стрелять буду! — кричал один из них.

Девушки остановились и стали молча ожидать приближения полицейских. Такое поведение потом легче будет объяснить в комендатуре.

- Кто такие? - строго спросил полицейский.

Девушки достали паспорта, справки и молча подали. Полицейский долго крутил документы в руках, свертывал, развертывал, искоса поглядывал на задержанных.

- Зачем идете в партизанский район?

- В какой партизанский? - с искренним удивлением спросила Женя и далее спокойно объяснила: - Мы с сестренкой идем домой. Были мобилизованы на строительство шоссе. В справках-то ясно об этом написано, - Женя ткнула пальцем в бумажки.

Полицейский не мог читать по-немецки. Да и зачем ему знать, что написано в этих бумагах, если получил приказ: всех, кто будет пытаться перейти через железную дорогу, задерживать, доставлять в комендатуру. Сверкая глазками мелкого хищника, он медленно сложил документы, опустил в глубокий карман френча, буркнул:

- Документы получите в комендатуре. А теперь за мной!

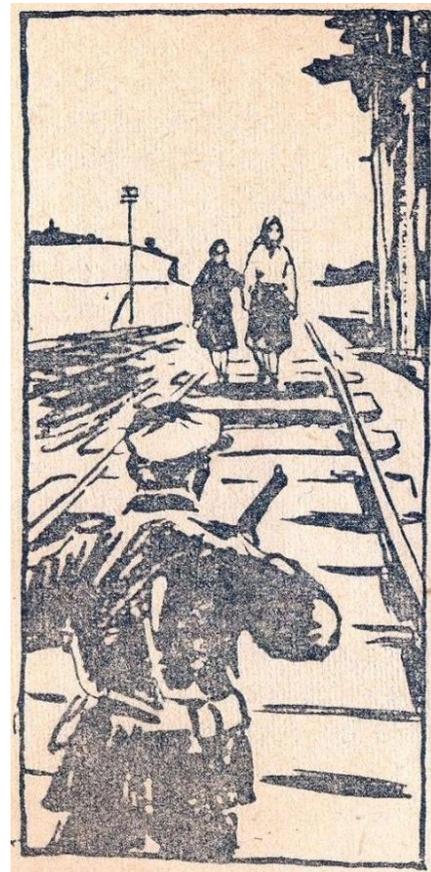
Девушек под конвоем посадили в кузов первой проходившей машины и повезли в районную комендатуру. Марийка старалась разобраться в том, что произошло. Почему сюда стянуты полицейские? Может быть, партизаны вышли в эти места? Ей хотелось поделиться догадками с подругой, но не могла, и только временами она встречалась взглядами с Женей.

Смутные догадки разведчиц были правдоподобны. Партизаны заняли среди топких болот несколько деревень и отсюда стали совершать смелые вылазки против гитлеровцев. Не на шутку встревожился немецкий комендант. Он окаймил район отряда подполковника Штрахова дозорами полицейских, у своего начальника выпросил отряд карателей, заверив, что теперь партизаны не ускользнут.

Об этом же девушки не знали.

Женю и Марийку поместили в темную комнату подвала кирпичного дома. Пахло затхлостью, плесенью, гнилью дерева и разного мусора. Привыкнув к слабому свету, проникавшему через небольшое, затянутое пыльной паутиной окно под потолком, Марийка увидела грязные с потеками слизи стены, закоптелый потолок, большую кучу хлама в углу. На середине комнаты стояла одна табуретка.

За дверью слышались равномерные шаги часового.

- Что же будет? - спросила Марийка шепотом.

- Увидим. Ты - моя младшая сестра. Идем домой с работы на дороге. Это подтверждают документы. С момента задержания говорить так, как было, - шептала Женя.

Снаружи щелкнул замок, лязгнул запор, с противным скрипом медленно открылась дверь. В комнате стало светлее. В дверях появился силуэт гражданского человека, который, судя по движению головы, осматривал задержанных.

- Я — переводчик, — по-русски сказал вошедший. - На мои вопросы отвечать только правду. Предупреждаю - за ложь, за обман наказывать будем очень строго. Понятно?

- Да, господин переводчик, - с дрожью в голосе ответила Женя.

- Зачем вы шли к партизанам?

- Господин переводчик, да разве мы знали, что в нашей деревне партизаны? Нас отпустили со строительства дороги, мы и пошли домой... Нам же документы выдали, - готовая расплакаться, объясняла Женя.

В это время Марийка всхлипывала, терла глаза. Потом гнусаво затянула:

- Куда теперь пойдём, Женька?

- Не хнычь! - рявкнул переводчик. - Прекрасно знали, куда шли. К партизанам пробирались! - орал он на девушек, не скупясь на брань. - Что замолчали? Кто послал?

Женя ответила переводчику то же, что она говорила полицейскому при аресте.

- Я боюсь здесь. Хочу домой, к маме, - громко зарыдала Марийка. - Мамонька моя родная. Ты нас ждешь, а мы тут сидим, - причитала девушка.

Плач Марийки сперва озадачил, а потом и окончательно сбил с толку переводчика. Он много раз допрашивал пойманных партизан, в том числе и таких же молодых девчонок, но ни разу не видел, чтобы они плакали. Во время допросов они держались гордо, ни слова не возможно было добиться побоями, истязаниями. Он вспомнил, как молчавшая во время пыток женщина кровью плюнула ему в лицо и с ненавистью назвала гадом. Это было первое и последнее слово женщины. А тут стоят две сопливые девчонки, зовут маму.

- Замолчите же, черт бы вас побрал! - крикнул переводчик, думая про себя: «Одно ясно - партизаны себя так не ведут. Они не плачут».

- Не надо так убиваться, - уже мягче сказал переводчик, глядя Марийку по волосам. - Будь умницей и расскажи мне все так, как было. Зачем шли к партизанам? Кто вас послал? Как только об этом скажешь, мы разыщем твою маму, и вы будете вместе. Если же будешь молчать или врать, - опять зло кричал гитлеровец, - будет плохо!

Уходя, уже из коридора, фашист тоном наставника посоветовал:

- Так хорошенько подумайте. У вас для этого имеется время, - и за собой оставил дверь полуоткрытой.

Вдоль коридора ходил часовой, потом он вместе с переводчиком вышел на улицу. Но разведчицы были уверены, что фашист вернется и будет подслушивать разговоры сестер.

- Если бы я знала, что так получится, лучше бы согласилась белье стирать, - заголосила Марийка. - Это все ты виновата, уговорила маму отпустить с тобой и меня, - упрекала она Женю.

- Не надо, сестренка, обижаться. Разберутся и выпустят. Только бы они скорее партизан прогнали из нашей деревни. Видать, переводчик - человек хороший. Ты говори ему только правду, - наставляла старшая сестра.

Вскоре Марийка умолкла. В конце коридора послышались шаги. В комнату вошел переводчик.

- Подумали? - закуривая сигарету, спросил он.

- Да мы и в самом деле о партизанах ничего не знаем, а обманывать нельзя, грех. Вот хоть на нем поклянусь, - Женя через ворот кофточки достала небольшой медный крест.

- Так не сознаетесь в том, что вы партизанки? - допытывался переводчик.

Однако в его тоне девушки услышали нотки некоторого к ним доверия. Это породило у них новые надежды. Надо только твердо держаться тех показаний, которые они уже давали.

- Знайте, что мы все равно выясним, кто вы такие. Это нам не трудно, - неожиданно сказал переводчик и ушел.

Тяжелая, обитая ржавым железом дверь, скрипя, захлопнулась. Щелкнули засов, потом замок. Опять глуше слышался размеренный цокот подкованных сапог часового по цементному полу коридора.

О наступлении ночи девушки узнали потому, что в камере наступила полная темнота, прекратился уличный шум, реже доносились гудки автомашин. Но сон к ним не шел, и они, углубившись в свои мысли, молчали до того времени, пока не посерело окно под потолком.

- Рассвело, - глубоко вздохнув, проговорила Марийка.

- «Что день грядущий нам готовит», — тихо продекламировала Женя. Она любила произведения Пушкина и многие стихи знала наизусть.

Утром снова пришел переводчик. Девушки замерли в тревожном ожидании. Мелкая дрожь пробежала по телу Марийки. Она ухватила за кисть руки Жени, крепко пожалала.

- Надумали? - спросил гитлеровец.

- Боже ты мой, да что нам думать? Мы ничего не знаем. Домой идем, - для подтверждения искренности Женя прижала растопыренные ладони к своей груди. Марийка вновь начала хныкать, но опасалась, как бы не перестараться, не вызвать подозрение излишними слезами.

- У вас есть родственники и знакомые поблизости?

- Никого здесь нет, господин переводчик, - тоном полной покорности ответила Женя, хотя она сильно волновалась.

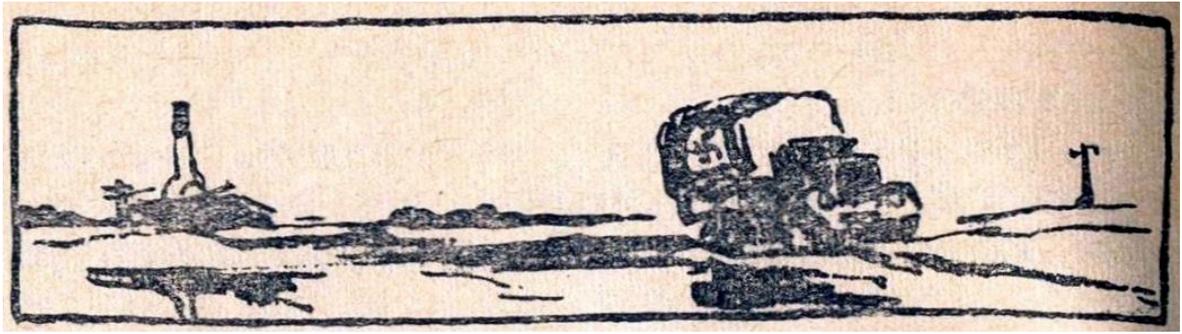
- Домой вам идти нельзя. На время устраивайтесь где-нибудь здесь. Приходить ко мне для отметки через неделю. Будете говорить обо всем, что услышите о партизанах. Я вам буду давать гостинец, - проговорил переводчик, возвращая документы.

- Можем идти? - спросила Женя. А когда получила подтверждение, взяла Марийку за руку.— Идем, сестренка. Вот и разобрались. Ты же, дуреха, выла.

Девушки низко поклонились переводчику и пошли по коридору к выходу. Они были довольны таким оборотом событий, но внешне сохраняли спокойствие: «Мы знали, что так будет, так как не виноваты».

- Им деваться некуда. Через неделю придут и все донесут, - уверенно говорил переводчик солдату. - Они за гостинец постараются узнать о партизанах.

В это время радистка Оля передавала первое донесение о передвижении фашистских частей через станцию Невель.

В ФАШИСТСКОЙ ОХРАНКЕ

Разведчицы пришли к выводу, что на участке Локня - Холм через линию фронта не перейти. Они решили попытать боевое счастье где-то около Великих Лук. Но здесь поджидало разочарование: ночью их задержали в районе артиллерийских позиций врага, всего в семи километрах от реки Ловать.

Сильно избитых Марийку и Женю гитлеровцы бросили в металлический крытый кузов машины. Где везли - они не могли ориентироваться. Машина прыгала по глубоким выбоинам, ныряла в ухабы, наполненные водой, мелко тряслась по булыжнику и, наконец, остановилась.

- Матка, ком! — визгливо прокричал гитлеровец, открыв дверь кузова машины. Разведчицы покорно вылезли из будки. Марийку мutilo, перед глазами все пошло кругом, она упала. Солдат заругался, пнул ее в бок. Женя наклонилась, взяла Марийку под мышки, помогла встать.

- Что с тобой, сестричка? - спросила не на шутку испугавшаяся Женя.

- Уже лучше. Укачало при езде. Пойдем.

Девушек заперли в каменный погреб. Под ногами шелестела солома. Марийка, а за ней и Женя устало опустились на пол.

- Интересно, куда нас привезли? - серьезно спросила Женя.

Вместо ответа Марийка заплакала, запричитала:

- И куда они нас забрали. К маме хочется...

Как и обычно в таких случаях, старшая сестра принялась успокаивать младшую, уверяя, что комендант разберется и отпустит.

- Что ты вздумала реветь-то? - шепотом спросила Женя, припавши к уху всхлипывавшей подруги.

- А вдруг да кто-либо есть в погребке? - также на ухо ответила Марийка.

Предосторожность оказалась не лишней. Притаившись, они услышали тяжелое, сопящее дыхание.

- Кто тут? - спросила Женя.

- Старушка одна, - раздалось в ответ из темного угла, - Вот, ироды, заарестовали, избили в кровь, руки-ноги повыкручивали. Погибели на них нет, господи, - скрипуче заголосила старуха. Она еще долго проклинала фашистов, называла их псами облезлыми, чертовыми братьями, сатанинскими вырожденками, грозила им всеми муками преисподней. И казалось, не успокоиться расстроенной бабке. Но произошло резкое изменение в ее поведении. Она перестала причитать, просить бога и небо наказать «иродов», а стала настойчиво допытываться, откуда девушки, куда идут, как их зовут, на самом ли деле они сестры. Женя шепнула Марийке:

- Следи за каждым словом. Подозрительна что-то старуха.

Допрос продолжался до утра. Женя подробно отвечала о своем детстве, о том, где она была и что делала до того, как ее забрали на строительство шоссейной дороги. И она это говорила не столько для старухи, сколько для Марийки. Ведь сестры должны знать жизнь своей семьи, а девушки об этом ни разу не подумали. Они только здесь повяли, что при одиночном допросе могли провалиться в первой же комендатуре, только спроси их о родителях, братьях, сестрах, вообще о родне.

По тому, как и какие ставились вопросы, девушки поняли, что имеют дело с опытным провокатором. Теперь они решили использовать этот негласный допрос для того, чтобы в деталях подготовиться на случай вызова к следователям по одиночке.

Утром фашистский солдат открыл дверь погреба, вызвал «матку». Из угла поднялась грязная, в лохмотьях старуха. Она с ненавистью посмотрела на девушек, завывала:

- Опять убивать ведут. Всю искалечат. Уж бы смертушка моя пришла...

- Какая мерзость! - тихо проговорила Женя.

Девушки остались одни, но говорить им не хотелось. Нет гарантии, что их не подслушивают. Марийка всхлипывала, звала маму, Женя ее успокаивала. Подобные сцены девушки разыгрывали так правдиво, что им могли бы позавидовать артистки.

Когда Марийка перестала плакать и даже забылась в беспокойном сне, Женя с тревожным любопытством наблюдала через щель в двери за тем, что происходило во дворе. У девушки дрогнуло сердце: она увидела, как из здания вышел солдат в форме гестаповца, а за ним в одеянии монахини старуха, которая провела ночь вместе с ними. Солдат направился к погребу, а монахиня скрылась за углом дома.

- Вставай, родная, кажется за нами солдат идет, - спокойно, не выдавая своего волнения, Женя разбудила подругу.

Марийка поднялась, одернула платье, выбрала из волос солому, приняла горделивую осанку, тихо пропела:

- «Мы готовы к бою с армией любой».

Снаружи прогремел засов, распахнулась дверь, погреб заполнился светом ясного солнечного дня.

- Матка, выходи! - скомандовал солдат.

Девушки шли по песчаной дорожке. Постройки, деревья - все здесь Марийке казалось знакомым. Она оглянулась назад и увидела озеро. Больше сомнений не было. Это детский туберкулезный санаторий. Марийка во время летних каникул поблизости отсюда отдыхала в пионерском лагере, а в санаторий ходила в баню.

У крыльца солдат оставил девушек под присмотром часового, а сам скрылся за дверью. Марийка с большим любопытством осмотрела двор санатория. Он тогда был зеленым, с цветами, а теперь грязный, изрытый колесами машин. Цветники примяты, многие деревья срублены.

Днями, неделями, а нередко и месяцами терпеливо трудится мастерица над сложным узором вышивки. Стежку за стежкой делает она по клеточкам канвы, создавая прекрасную композицию большого полотна. А чтобы окинуть взглядом уже готовую вышивку, требуется совсем немного времени. Так происходит и с памятью человека, откладывающей виданное, слышанное, пережитое на протяжении многих дней, всей жизни, а чтобы вспомнить что-либо из нее, какой-то эпизод, достаточно одного мгновения. В памяти Марийки за секунды ожидания у крыльца промелькнул случай, который произошел в пионерском лагере.

...В последнюю неделю перед отъездом домой пионеры готовились к проведению военной игры. Ребята понаделали из досок винтовок, сабель, трещеток для имитации пулеметного огня. Девочки сшили из зеленой материи сумки с красными крестами на

крышках, уложили в них бинты, вату, флаконы с настойкой йода. Были выбраны командиры, пулеметчики, санитары. Осталось определить разведчиков.

- Кто желает? - спросил пионервожатый.

- Я! - подняв руку, ответил бойкий мальчик по имени Юра.

- И я! - ответила Марийка и вышла из строя.

- Девочка не может быть разведчицей, - насупившись, возразил Юра.

Ребята шумели. Одни - за то, чтобы Марийку в разведку не назначать, другие - пусть она будет в разведке.

Все же девочка стала разведчицей. Во время «войны» она вывела свой отряд в тыл «противника». Удар был столь неожиданным, что «враг» большого сопротивления не оказал. Пионервожатый тогда сказал, что победа первого отряда была во многом подготовлена разведкой, которую провела Марийка.

«Как далеки, невозвратны те дни, которые были всего два года назад», - подумала Марийка и глубоко вздохнула.

- Что с тобой? - спросила Женя.

- Так. Вспомнила, как я в этих местах была в пионерском лагере, - ответила Марийка.

Вскоре разведчиц ввели внутрь здания. Конвоир толчком ноги открыл дверь, пропустил вперед девушек, за ними вошел и сам. Щелкнув каблуками, он доложил сидевшему за массивным столом, коротко подстриженному с плешью на макушке черепу рыжему офицеру.

Опираясь на край стола волосатыми руками, гитлеровец поднялся со стула, подался вперед, уставился на девушек взглядом голодного хищника. Марийка почувствовала леденящий страх перед этим гестаповцем. «Только бы выдержать пытки», - думала девушка, не сомневаясь, что теперь этой участи им не избежать. Офицер резко, тоном, не допускающим невыполнение его требований, через переводчика начал допрос:

- Если вы желаете сохранить свою жизнь, то не должны ничего утаивать, а говорить только правду.

Девушки согласно качнули головами.

- Отвечайте, с каким заданием подполковника Штрахова вы пытались перейти через линию фронта?

Девушки молчали. После такого вопроса они обрели уверенность в своем положении. Их задержали не как разведчиц, перешедших через линию фронта, а как связанных партизанского отряда. Значит, фашисты вообще о них ничего не знают. Марийка глазами, полным слез, с ужасом и страхом смотрела то на рыжего офицера, то на переводчика, разыгрывая испугавшуюся, забитую судьбой девчонку.

Гестаповец, страшно вытаращив глаза, стукнул кулаком по столу, зарычал на девушек. Потом хватал рукой свою шею, не переставая кричать, показывал пальцем в сторону разведчиц.

- Отвечай! - тоже громко прокричал переводчик. - Молчать будете - повесим!

- Никто нас не посылал, господин офицер. Если бы знали, ничего бы не утаили, - покорно ответила Женя. - Строили дорогу, потом нас отпустили, и мы шли домой.

Офицер подошел к Марийке и, тыча ей в грудь толстым пальцем, спросил, уже минуя переводчика:

- А ты что такой скажешь?

- Нас отпустили, документы дали, сказали, что никто не задержит, а тут домой не доберемся, - со слезами ответила Марийка, удивляясь своей способности так правдоподобно плакать. Она понимала, что слезами фашиста не убедить, но подозрение от себя отвести ими можно.

- Довольно, плакса! Я заставлю тебя иначе разговаривай! - вскрикнул офицер и больно ударил ладонью девушку по щеке.

Марийка выпрямилась. Ей хотелось смеяться над фашистом, плюнуть ему в физиономию, гордо перенести любые истязания. На это ее побуждало чувство ненависти, презрения к врагу. Однако чувство ответственности разведчицы за порученное ей дело требовало иных действий. Она молча закрыла лицо руками и беззвучно плакала. Надо было показать непричастность к партизанам, полную покорность, растерянность.

- Господин офицер, не надо бить. Она еще маленькая, - умоляла Женя гестаповца, пересиливая желание схватить увесистую чернильницу и швырнуть ею в истязателя.

Гитлеровец остекленевшими белесыми глазами уставился на Женю, скривил губы и с размаху ударил девушку по лицу. Она попятилась, но на ногах устояла. Из рассеченной губы тонкой струйкой по подбородку потекла кровь, капая на часто вздымающуюся грудь.

- Мы на вас работали, и вы же нас бьете, - без укора, а скорее сожалея, проговорила Женя.

- Уведите, - распорядился офицер.

Девушек заперли в тот же погреб, в котором они были ночью.

- В гестапо попали, - убедившись, что, кроме них, в погребе, никого нет, проговорила Женя.

- Теперь скоро и легко не вырваться, - ответила Марийка. - Только не отклоняться от старых показаний. Давай вспомним родственников и где жили как сестры.

Разведчицы шептались до сумерек. Во дворе послышалась ругань, потом звякнул запор погреба, и в открытую дверь влетела монахиня во вчерашнем тряпье. Она упала боком в левой стороне погреба, где слой соломы был толще, захныкала, стала жаловаться богу на иродово племя - фашистов.

Марийке хотелось вцепиться в космы злой, продажной старухи, трясти ее, плевать, сказать ей всю правду, что думает о переодетой монахине, спросить, сколько она предала честных советских людей, доверившихся ей, и какие подарки за это она получила от гестаповцев. Но опять рассудок взял верх над чувствами. Она пожала руку Жене, и девушки пододвинулись к старухе, начали ее жалеть, успокаивать, расспрашивать. Но вскоре провокатор, как и прошлой ночью, приступил к своим допросам. В течение всей ночи старуха не давала заснуть Жене и Марийке. Они уверяли бабку, что боятся расстрела и, как на исповеди, говорят только правду и все расскажут господину офицеру, что они не виновны.

Старуху из погреба увели на рассвете, а через час она в облачении монахини вышла из здания и ушла со двора. Девушки ждали вызова на допрос.

- Я эти места знаю. Только бы попасть на остров, что на озере. Там легко скрыться. Ой, Женя, как хочется жить! - проговорила Марийка, пожимая руку подруге.

Загремел засов. В камеру открылась дверь, вошел конвоир и увел Марийку. Она очутилась в той же комнате, где их допрашивали накануне. За столом сидел рыжий офицер, который ударил Марийку по щеке, а Жене рассек губу. Солдат остался за дверью, и в комнате девушка оказалась с глазу на глаз с гестаповцем.

- Ну! - вскричал рыжий, подчеркивая свою власть, силу, превосходство в положении. - Сегодня ты, конечно, мне сказывать будешь, с каким заданием послали тебя партизаны?

- Нас никто не посылал. Поверьте, давно призналась, если бы что знала о партизанах.

- Ложь! Говори правду!

Марийка, склонив голову, молчала. Ее мучил один вопрос: как дальше вести себя на допросе? Или сбросить маску, встать в позу непреклонной, гордой разведчицы, или и дальше продолжать игру в подростка, подавленного событиями, покорного своей судьбе?

- Я и говорю правду, господин офицер, - ответила девушка, не изменяя своей позы, выразившей покорность.

- Довольно, меня не проведешь! Все вы, русские, такие, - вопил рыжий, стуча кулаком по столу.

Произошло то, чего более всего опасалась Марийка. На какое-то мгновение чувства взяли верх над рассудком, и она улыбнулась. Офицер взбесился, его лицо перекошилось от злобы.

- Говори, скотина, кто посылал тебя? - прошипел он. - Или вот... - Он отстегнул клапан кобуры и вытащил пистолет.

Дрожь пробежала по телу Марийки. Но, овладев собой, она сказала:

- Никто не посылал. На дороге работала... - лепетала девушка, с ужасом глядя на дуло пистолета, наведенного на ее голову. Потом грохнуло, заволкло синеватым дымом. Марийка медленно осела. Она, как в тяжелом сне, слышала хохот рыжего. Потом промелькнула мысль: «Держаться до конца». Сознание работало четко. Инстинкт страха уступил место рассудку, и Марийка обрела новые силы. Опираясь, она встала и закрыла лицо руками, чтобы утаить свои чувства от наблюдений профессионала застенков гестапо.

- Ну так что? Скажешь?

- Ничего я не знаю. Хоть убейте.

- Убрать! - вскричал офицер.

После допроса Марийку посадили в одиночку. Она мучилась, переживая неизвестность о судьбе Жени. И опять бессонная ночь. Ведь еще не было с ней такого случая, чтобы сажали в одиночку.

Утром конвоир грубо схватил лежавшую Марийку за воротник и поволок к двери. Там девушка поднялась на ноги и, понукаемая пинками, пошла к зданию, где их допрашивали.

- Сегодня вам будет легче говорить, - слащаво улыбаясь, начал допрос рыжий офицер.
- Ваша сестра во всем призналась. Мы ей дадим свободу. Она - хорошая девушка. Если скажешь правду, то и ты получишь свободу. Ну, так как?

Офицер улыбался, но в его улыбке не было приветливости, искренности. Он был похожим на кота, которому удалось поймать добычу, и он ею играет, прежде чем растерзать. И фашист это бы сделал, если бы не был в зависимости от своей жертвы. Ему надо было получить от нее сведения, от которых зависела его служебная карьера. Он готов был заискивать перед девушками, и это не ускользнуло от наблюдательной Марийки.

- Ну, говори, - повторил гестаповец. - Советую быть такой же благоразумной, как твоя сестра. Она не только сохранила свою жизнь, но мы ее отправим в Германию, где ей будет очень хорошо.

- Все, что знала, я сказала, - ответила девушка.

Марийка верила своей подруге Жене, страстно хотела перенести все истязания гитлеровского застенка, чтобы остаться живой, а потом продолжать борьбу. Она - комсомолка и выдержит любые пытки ради Родины. Женя тоже комсомолка, и ее слово крепче стали. «Держаться до конца», - твердо решила Марийка.

Допрос Марийки затянулся на целую неделю. Были сутки, в которые ее вызывали по два-три раза, днем и ночью, после сытного обеда и после трехдневного голода, когда ей не давали даже воды.

Девушки твердо придерживались ранее данных показаний. К ним в одиночки подсылали провокаторов, которые стремились сломить их дух, убедить, что Советы погибли, что в Германии их ждет светлая жизнь, пусть только девушки признаются в связях с партизанами, дадут сведения об отряде подполковника Штрахова.

Когда не помогали посулы, девушек жестоко избивали, хлестали крапивой по голому телу, били веревками, а потом поливали крутым рассолом. Ничто не сломило волю разведчиц. Марийка верила Жене, а Женя - Марийке так же крепко, как себе. Не

добившись в одиночках ничего нового и не получивши улики против девушек, рыжий офицер пришел к выводу, что они с отрядом Штрахова не связаны, что он только отвлекается от поимки настоящих связных партизан и агентов советской разведки.

- Я есть добрая душа. Девчонок вешать не буду. Объявить населению, что они признались в связях с партизанами и поэтому остались живыми. Пусть так поступают все, - распорядился офицер начальнику полиции.

ПОБЕГ

Наступил день, когда Марийка и Женя встретились в том же подвале, где они провели первую ночь в гестапо. Девушки на этот раз плакали искренне от радости, обнимались, целовались. Они были одни и сразу же торопливо зашептались.

Допросы прекратились. О пережитых кошмарах девушкам напоминали синие рубцы на теле, кровоподтеки на лице да тревожный сон по ночам. Они часто вскакивали, кричали. Фашисты заставили их работать в прачечной. Подняв на плечи корзины с бельем, девушки под конвоем, солдата отправлялись на озеро.

Какие только мечты не входили в голову Марийки! Увидев серебристую верхоплавку, девушка мечтала, как она и Женя волшебной силой превращались в рыбок, переплывали озеро и в далеком тальнике вновь становились самими собой. То они быстрыми утками поднимались к самым облакам и, со свистом разрезая крыльями воздух, проносились над линией смерти - рубежом фронта, и, влетев в окно избы, уже перед майором Тараненко принимали человеческий образ. Все самые страстные, несбыточные мечты Марийки только и были о том, чтобы вырваться из неволи, быть со своими в части.

Пока девушки полоскали белье, конвоир ходил по берегу, не выпуская прачек из-под своего наблюдения. Так было в первые три дня. В четвертый день солдат ушел на кухню, оставив девушек вдвоем. Марийка и Женя переглянулись, но разговаривать не решались, опасаясь провокации. Вернувшийся солдат, увидев, что девушки полощут белье с прежней сосредоточенностью, сел на траву, достал из кармана небольшой сверток и стал торопливо, громко чавкая, есть хлеб с душистым жареным мясом.

С этого дня конвоир стал отлучаться систематически и отсутствовать по целому часу, просиживая у повара, или уходил в ближайшую деревню за молоком.

Девушки завидовали старику Силантию, который имел лодку, каждый день плавал по озеру, расставлял и осматривал рыболовные снасти. Марийка много раз думала о том, чтобы поговорить с дедом, с его помощью переправиться через озеро, а там бежать через болото, да опасалась начать такой разговор. Незнакомый был Силантий, нельзя так сразу поведать, ему свои думки. Да и служил дед фашистам исправно.

Силантий до войны был в рыболовецкой бригаде колхоза. С первого же дня оккупации фашисты заставили его ловить рыбу для них. В длинной холщовой рубаше, в полотняных штанах, с лысым бледно-коричневым от загара черепом, с реденькой седой бородкой, с утренней до вечерней зари, упираясь в дно озера длинным шестом, Силантий плавал в маленькой лодке по заводям и зарослям камыша. Своей безупречностью в ловле рыбы старик заслужил доверие у гитлеровцев. И верно, каждый день утром и вечером дед приносил в комендатуру свежую рыбу.

- Кушайте на здоровьице, - сгибал он перед фельдфебелем натруженную спину.

Однако Силантий в своих мыслях желал гитлеровцам совсем другое: «Погибели на вас, проклятые, нет». Он внимательно присматривался к девушкам-прачкам. Не верил он в то, что объявил начальник полиции, дескать, девушки - предательницы партизан. Не по своей воле пошли они стирать, если их без солдата не выпускают из погреба. Значит, они на подозрении. У деда часто появлялось желание поговорить с ними, узнать, кто они, а может, через девушек ему удастся получить от партизан яд, чтобы отравить фашистов комендатуры. Но как начать разговор?

Однажды Марийка в шутку попросила деда, если только разрешит конвоир, покататься на лодке. Силантий нашел, что момент для серьезного разговора вполне подходящий:

- Не кататься, а бежать вам надо.

Силантий стал чаще заходить к девушкам и задерживаться дольше. Они о чем-то шептались, а когда появлялся кто-либо посторонний, замолкали или переводили разговор на пескарей, на птичьи гнезда в прибрежных кустах. Рыбак совещался с прачками о их побеге.

В тот день, как и обычно, прачки полоскали на озере белье. Солдат немного времени побыл около них и скрылся на кухне. Женя и Марийка быстро собрали белье, спрятали корзины в кустах. Осмотревшись вокруг, вошли в воду и поплыли к острову, густо заросшему ивняком и камышом.

Марийке плыть в одежде было тяжело. Она с тревогой оглядывалась на мосток, где недавно полоскала белье, но как на зло берег удалялся очень медленно. Девушка видела, как появился солдат, как он побежал в прачечную, видимо, полагая, что девушки там, потом опять выбежал на берег озера, заметил плывущих и открыл по ним огонь.

- Скорей, скорей, Марийка! - торопила свою подругу Женя.

Марийка напрягала все свои силы. До камышей оставалось не более пятнадцати метров. Она под ногами почувствовала вязкий ил. Но встать нельзя, надо ползти. Пули падали совсем близко.

- Паразит проклятый, ранил! - хватаясь за плечо, проговорила Женя. - Давай скорее в кусты.

Пробираться через густые заросли ивняка нелегко. Прикосновение даже маленькой ветки к раздробленному плечу бередило рану Жени. Она часто ойкала, заметно побледнела, глаза горели, движения стали какими-то резкими.

- Потерпи, скоро найдем дедушку. Слышишь, кукушка кукует? Это он сигнал дает, - утешала Марийка, поддерживая под руку свою подругу.

- Сюда! Лодка здесь, - услышала Марийка негромкий голос Силантия.

Девушки легли на дно лодки. Дед их закидал камышом, встал на корму и, ловко орудуя шестом, погнал лодку к густым кустам на противоположном берегу.

- Вот вам на дорогу, - Силантий подал Марийке узел с продуктами и флягу с водой.

- Уходите по оврагу. Он вас уведет прямо в лес. Не останавливайтесь, убегайте дальше. Туда фашисты не пойдут, побоятся. В глуши и перевяжитесь. Ну, счастливо вам, а мне надо спешить.

Силантий вытолкнул из камышей свою лодку и торопливо стал ее гнать из-за острова, чтобы быть на виду солдат комендатуры.

- Скорее сюда, к берегу! - кричал переводчик, размахивая руками. - Давай быстрее, - распоряжался он, когда рыбак причалил к берегу и стал выбрасывать рыболовные снасти.

Три тучных солдата сели в лодку, оттолкнулись от берега. Борты маленькой перегруженной «душегубки» были чуть выше уровня воды. То ли от волнения - дул средний ветерок, а может быть, оттого, что кто-то неосторожно вел себя в лодке, она накренилась, зачерпнула воды и вскоре пошла ко дну. Солдаты по пояс в воде вернулись обратно к берегу.

- Плыви за лодкой! - приказал переводчик деду.

Только через два часа после побега девушек на остров переправился один солдат с автоматом, а второй в лодке плавал между островом и дальним берегом. Дед сидел около комендатуры и вздыхал, что у него на рыбалке сорвалась вечерняя зорька.

- Утонули они, я видел, - оправдывался конвоир перед комендантом.

А в это время, как и говорил Силантий, миновав овраг, разведчицы вошли в густой, старый лес.

- Отдохнем немного, - попросила Женя. - Уж очень устала. Все кругом идет.

- Давай перевяжу, - Марийка быстро сняла с себя неуспевшую высохнуть сорочку, выжала и разорвала на полосы.

- Не испугаешься крови-то? - пересиливая боль, спросила Женя.

- Не шути, Женя. Вон как разнесло плечо-то.

Девушки остановились на ночлег тогда, когда в лесу стало совсем темно. Они долго прислушивались, нет ли погони. Но было тихо, только однообразно шумел лес. Жене стало совсем плохо, начался сильный жар. Она потеряла сознание, бредила, металась, стонала, кого-то звала, просила пить. Под утро успокоилась, дышала ровнее, упрекнула Марийку в том, что та не спит, а надо обязательно выспаться - дорога предстоит тяжелая.

Марийка проснулась, когда над лесом поднялось солнце. Его лучи протискивались сквозь густые своды зелени, наискосок пересекая светлыми полосами синь лесного воздуха. Девушка, взглянув на мгновение, опять закрыла глаза. Она была безгранично рада тому, что они с подругой на свободе и скоро будут со своими. Чтобы не беспокоить Женю, Марийка отползла, встала и отошла в сторону. Вокруг был толстоствольный лес. Разбросано много валежника. Давно упавшие деревья поросли мохом, похожим на зеленый войлок. Марийка к нему боялась подходить. В детстве много слышала, что в таких колодах живут ядовитые змеи и еще такие гады, на которых невозможно смотреть - так они противны.

Марийка оглянулась на Женю. «Пусть поспит. Это полезно. Сном даже лечат», - подумала она и пошла к мелкому березнячку в низине. Совсем близко от девушки тревожно щебетали птички, отлетевшие потом подалее в чащу. Щебетуньи старались отвести Марийку от своих гнезд.

За неширокой полосой светло-зеленого березняка девушка увидела поляну, усыпанную яркими лесными цветами. Она бросилась набирать букетик, но вскоре насторожилась. Под ногами увидела несколько русских касок, ржавую винтовку, а немного поодаль - три истлевшие шинели. Не замечала более Марийка красоты цветастого ковра. Недалеко текла лесная речушка - неширокая, но глубокая, с высокими обрывистыми берегами. Пройдя вверх по ее течению, разведчица увидела несколько телег армейского образца, застрявших и брошенных в заболоченной пойме ручья. Вокруг них валялись лопаты, ломы, оружие. Видно, что здесь прошлым летом произошла трагедия, одна из многих трагедий первого года войны.

К месту ночлега девушка возвращалась подавленная виденным. Она торопилась к своей подруге, чтобы порадовать ее цветами.

Женя лежала так же, как и тогда, когда Марийка уходила от нее к березняку. Ее лицо было накрыто платком, правая рука откинута, а левая, с забинтованным плечом, вытянута вдоль тела.

- Посмотри, какие цветы! - поднеся букет к лицу подруги, сказала Марийка.

Женя молчала. Тогда Марийка открыла платок и увидела, серое, с зеленоватым отливом, лицо. Нос подруги заострился, полуоткрытые глаза наполнились слезами. Между восковых губ виднелась тонкая полоска белых зубов. Марийка присела, прислушалась, но дыхания у подруги не было, не поднималась ее грудь. Девушка взялась за руку Жени и с ужасом отскочила. Рука была холодна, тверда.

Марийке стало страшно одной в глухом лесу. Она упала на тело подруги и зарыдала. Ее сердце давила невыносимая боль от невозвратимой потери. Сколько ни давай воли чувствам, подругу не воскресишь. Надо идти к своим и как можно скорей - ведь этого желала и Женя.

Быстро сбегала девушка к брошенным у реки телегам, взяла лопату, вырыла могилку, стащила в нее тело подруги, застелила его еловыми лапами и, обливаясь слезами, стала забрасывать землей. На свежий холмик Марийка положила букетик лесных цветов и глубоко задумалась, прислонившись спиной к дереву. Она не заметила, как свинцовая туча закрыла солнце, как лес угрюмо зашумел под напором сильного ветра, как

сверкнула молния, потом ударил раскатистый гром. Начался ливень. Одежда Марийки промокла насквозь.

Непродолжительны летние ливни. Через полчаса гроза прошла, вновь блеснуло солнце и разноцветно заиграло в каплях воды, повисших на листьях. Марийка последний раз взглянула на холмик с букетиком, тяжело вздохнула и пошла, ориентируясь по теням деревьев.

На третьи сутки девушка слышала отдаленные артиллерийские выстрелы, разрывы. В небе чаще пролетали самолеты. По ночам виднелись всполохи бледно-красных зарниц линии фронта. Марийка была рада, что вышла в прифронтовую полосу. Теперь надо быть как можно осторожнее, идти только в глубине леса. Задержат немцы - не избежать казни. У девушки не было никаких документов. Хорошо, что дед Силантий позаботился и дал в дорогу продукты - нет нужды выходить в деревни.

Рассвет застал Марийку недалеко у передовой траншеи противника. Высокая трава, поваленные деревья сильно затрудняли переползание и в то же время скрывали разведчицу от наблюдения врага. Приподнявшись, девушка увидела, что впереди нее, всего в полусотне метров, фашистский блиндаж, а еще дальше - траншея. Окопов наших частей не видно, но они должны быть перед опушкой леса, что в километре от траншеи противника. Ползти днем опасно. Трудно перебраться через сплошную линию вражеских окопов. Марийка решила дождаться следующей ночи, чтобы пересечь линию фронта. Забравшись в широкий малинник, девушка долго терла исцарапанные и изжаленные крапивой руки, колени, потом заснула. После нервного напряжения ей всегда хочется спать, лишь бы для этого были условия: отсутствие погони, ясность обстановки. Проснувшись Марийка от взрывов. Пыль, темный дым стояли над вражеской траншеей. С воем и свистом летели все новые и новые снаряды, мины, с тяжелым кряканьем рвались вокруг Марийки. Она плотно прижалась к земле, а когда совсем недалеко рванул тяжелый снаряд, она переползла туда. Редко бывает попадание в старую воронку. Опять потрянуло землю, как будто что-то огромное лопнуло совсем рядом, обдало девушку жаром, чадом, пылью. Она ощутила сильную боль в ногах. Хотела их согнуть, но они не слушались. Марийка потрогала ногу рукой и под пальцами почувствовала липкую кровь. Она перестала слышать взрывы. Все внимание приковано к тому, чтобы остановить кровотечение, потом наложить на раны обеих ног повязки. Д Когда она была занята этим делом, близко рванулся еще снаряд. Марийку бросило и прижало к краю воронки.

Девушка очнулась в полевом госпитале. Во время боя ее в бессознательном состоянии подобрали бойцы атакующей части. Марийка была истощена, потеряла много крови, ее

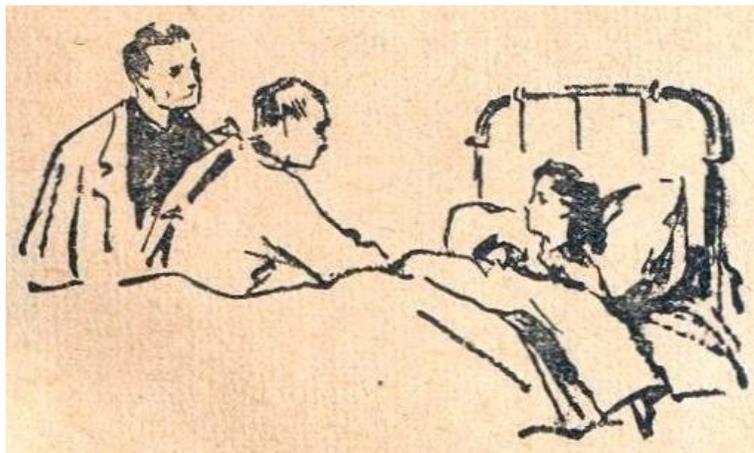
нервная система была ослаблена контузией. Врачи повели сложную борьбу за жизнь разведчицы.

В госпиталь пришел неизвестный Марийке старший лейтенант. Он долго беседовал, а через сутки принес радостное сообщение - как только ей будет легче, приедет майор Тараненко.

Марийка послала письма подругам и командиру части. А через несколько дней приехали майор Тараненко и военком Семенов. Красноармеец Павлова подробно доложила о гибели Жени и обо всем, что произошло с ними в тылу врага. Марийка очень сожалела, что собранные ею сведения о противнике были устаревшими.

- Не огорчайся, дорогая, - утешал ее майор. - Мы каждый день получаем богатую информацию от Оли. А «крышу» для нее ведь вы подыскали.

Раны Марийки сильно гноились, затягивались медленно. Ей требовалось длительное лечение. Перед отправкой во фронтовой эвакуационный госпиталь к ней приезжали подруги и незнакомые девушки, только что вступившие добровольцами в разведку. Они с восхищением смотрели на Марийку, о подвигах которой так много слышали в части.

СОДЕРЖАНИЕ

Лесами к своим	3
Марийка стала разведчицей	16
Первое задание	21
На связь с партизанами	29
По родным местам	43
Будни разведчиц	52
Налет на аэродром	58
Марийку приняли в комсомол	74
Выезд в кинотеатр	83
Новая подруга Женя	89
Гибель Али Морозовой	97
Учительница и ученица	102
«Сестры» шли домой	109
В фашистской охранке	117
Побег	126

Мария Георгиевна Юхно

РАЗВЕДЧИЦЫ

Литературная обработка А. Соболева

Редактор Т. Миронов

Художники Н. Строганова и М. Алексеев

Художественный редактор Е. Николаева

Технический редактор А. Елагин

Сдано в набор 23/II-62 г. Подписано к печати 23/III -62 г. Формат бум. 70X108732.

ФИЗ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 8,0. Изд. инд. МП-310. А04823. Заказ

№148. Тираж 200 000 экз. Цена 24 коп.

Издательство «Советская Россия», Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Отпечатано с матриц в типографии 1 № Госстройиздата,

г. Владимир Зак. 1277